

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №10 Декабрь 2013 года

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- 1 – Александр Катков - стихи, стр. 2 – 3;
- 2 – Анатолий Иленко: Из сборника «Рассудит время...» - стихи, стр. 4 – 5;
- 3 – Владимир Соколов: «Аглицкий садик»; «Лунная девочка»; «Театрик полутемных признаний» - проза, стр. 6 – 9;
- 4 – Дмитрий Мурзин: «Поздно, автор, слишком поздно» – стихи, стр. 10;
- 5 – Таяна Тудегешева: «Думы - караваны...» - стихи, стр. 11;
- 6 – Людмила Лукьянцева: «Рельсы судьбы» – проза, стр. 12 – 14.
- 7 – Сергей Тивяков - стихи, стр. 15;
- 8 – Валерий Фёдоров-Северянин: «На безымянной высоте» - документальная повесть, стр. 16;
- 9 – Геннадий Бурлаков: «У камина в саду под гитару» - стихи, стр. 17;
- 10 – Сергей Ерофеев «Легенда о Кузедее» - стихи, стр. 18 – 20;
- 11 – Георгий Балахнин «Час божий» - прозаическая пьеса, стр. 21;
- 12 – Людмила Танкова: «Сказка о смелом Принце и отважной Принцессе»; «Сборщики дани» - проза, стр. 22 – 25;
- 13 – Елена Острых: «Кошка, окошко и любовь» - стихи, стр. 26 – 27;
- 14 – Сергей Тараканов: «Заметки стихофила» - отзыв, стр. 27;
- 15 – Сергей Ажиганич - стихи, стр. 28 – 29;
- 16 – Геннадий Морозов: «Перед рассветом», «Народная Русь» Аполлона Коринфского» - стихи, проза, стр. 30 – 31;
- 17 – Александр Небогатов - стихи, стр. 32 – 33;
- 18 – Анатолий Гуляев: «Каково вам, сыны России?» – проза, стр. 34 – 43;
- 19 – Владимир Романчин: «О себе, о жизни, о судьбе» - стихи, стр. 44-45;
- 20 – Александр Танков: «Неизбежный град» - детская фантастика, стр. 46-47;
- 21 – Владимир Стряпин – стихи, стр. 48;
- 22 – Любовь Гуляева: «Размышления о прожитом» - проза, стр. 49-52;
- 23 – Евгений ТИШЕНКО: «Viel Gluck!» - проза, стр. 53;
- 24 – Литературный калейдоскоп «Усятской россыпи» - стр. 54 – 55;
- 25 – Варвара Логова: «В угоду пиару классиков сбросили с «Кузнецкой крепости» - критика, стр. 55;
- 26 – Владимир Дегтярев - стихи, стр. 56;
- 27 – Николай Чумирин - стихи, стр. 56.

18+

2014 год

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 12-1286, выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Учредитель и издатель: 000 «Редакция литературно-художественной газеты-альманах «Усятская россыпь».

Директор, гл. редактор: Гуляев А.Н., Т. 8-906-987-19-55.

Над номером работали: Гуляев А.Н., Танкова Л.А..

Корректура: Еськовой И.Е.

Адрес редакции и учредителя: 653 013, ГСП, Кемеровская область, г. Прокопьевск, ул. Алмазная, 56. Телефон для связи: 8-913-327-82-98.

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселевск». Адрес издательства: г. Киселевск, ул. Унжакова, 14.

Объем 14,0 п.л., Заказ №2018, Тираж 1000. 2013/ 12 25 Г

Дата подписания в печать 19.12.2013 года по графику.

Дата выхода 29.12.2013 года.

Цена договорная.

Александр КАТКОВ

Родился 27 июня 1950 года в казачьем хуторе Зайцев Ставропольского края. Учился в Пятигорском институте иностранных языков. Продолжил учебу в университете имени Карла Маркса в городе Лейпциге (Германия), защитил дипломную работу на факультете германистики. Служил в ракетных войсках в Прибалтике (г. Таураге). Работал переводчиком, преподавал немецкий язык в вузах города Кемерово.

Автор поэтических книг «Синие ставни», «Чаша», «Ветер славянства», «Путь на Итаку», «Сирень».

Член Союза писателей России с 1992 года.

Из сборника «Сирень»

Да, жизнь за песней не прошла,
как показалось сначала,
хотя повенчана с печалью
моя бессонная душа.

И ты, разлука, не прошла,
с моею жизнью породившись,
и оттого грустней и ниже
наклон гудящего крыла.

Но я лечу, но я пою
над засыпающей равниной,
над женщиною несравнимой,
заполнившей жизнь мою.

Я тебя заклинаю в девятом кругу,
что уже без печали твоей не могу.

Я тебе говорю среди белого дня:
«Не суди, если можешь, огульно меня!»

Я во многом виновен, но только не в том,
что стояли, обнявшись,
в году ветровом.

Ты казни или милуй, и снова казни,
только сердце мое с этой плахи возьми!

Я не зря повторяю у смертной черты,
что была иногда справедливою ты,

что, скорбя, ненавидя, но всё же любя,
я уже никогда не забуду тебя.

Какие годы пролетели,
как быстро молодость прошла!
И за вселенские пределы
ушла бессонная душа.

А я любил своей любовью
тебя у счастья на краю.
Я был готов судьбой любую
испытать бессонницу мою.

Пусть как на свалке, среди мусора,
я жил, устав от немоты.
Но, как пленительная музыка,
всю жизнь во мне звучала ты.

Ставень скрипит на ветру,
и до рассвета далеко.
Но возвестит поутру
снова в распахнутость окон

птица шальная в бору,
что в эту злую простуду
я никогда не умру,
если тебя не забуду.

Начинает сесть голова,
и становятся строже и строже,
на закат улетаю, слова,
половину дороги итожа.

Половина дороги... И та
без тебя, без любви. Неужели?!
Оглянусь - позади пустота,
словно холод свистит из туннеля.

Ах, не жаль суеты и борьбы,
только горечь, что ты с опозданием
на изломе вечерней судьбы
обозначилась чистой и ранней.

Я любил бы и боготворил!
Где же ты до сих пор пропадала?
Бог тебя над землею носил -
ты меня с высоты не видала?

Но, забыв про гордыню свою,
приготовившись к страшной расплате,
пред тобой на коленях стою
и целую руки и платье.

Летишь сквозь небесные вьюги,
как ангел полночный с трубой.
Моя золотая подруга,
я предан и продан тобой!

«Послушай, - кричу я, - послушай,
Лети до другого огня!
Я отдал гордыню и душу,
а большего нет у меня.

Лишь тело, никчемное тело,
да воздух, один на двоих.
Послушай, какое мне дело
до чудных обманов твоих?»

А ты сквозь небесные вьюги
летишь с побелевшим лицом
и ждешь, что возьму на поруки
тебя перед чистым листом.

Ты прошепчешь мне: «Плещется дождь...»,
свет погасишь и сбросишь халатик.
Но на деле бунтующий вождь
город занял и требует платы.

Я проснусь поутру от тебя,
будет сад обновленным и влажным.
И в саду, с веток дождь теребя,
это утро найду самым важным

в своей жизни, что в дождь обронил...
Бедный вождь мой, непобедимый!
Но под желобом, в кадке - взгляни! -
сколько слез от полночной любимой...

ХУДОЖНИК

Он жил под крышею один,
безумный гений и преступник.
И на него со всех картин
она смотрела неотступно.

Картины эти, прах и тлен,
он уничтожил до единой.
Остались стены, но со стен
к нему рвалась непобедимо.

Он умирал и воскресал,
и - сразу дьявольская сила
по Эберт-штрассе на вокзал,
как на Голгофу, возносила.

И на вокзальных сквозняках
он ждал, объятый сквозняками,
пока с ребенком на руках
она пред ним не возникала.

Он поднимался на этаж,
где ждал в огромности студийной
пустой мольберт - бессонный страж
его любви непобедимой.

НА ОСЕННЕМ ПРОСТОРЕ

Сколько свободы в этом просторе,
сливается синее с золотым,
и здесь над рекою, на косогоре
совсем забывается давнее горе

и кажется, будешь всегда молодым,
и кажется, - большего в жизни не надо,
лишь только глазами жадными пить
до самого дна голубую прохладу,
лицо подставляя дождю листопада,
с наивной надеждою вечно прожить.

Но не бессмертьем, не вечным покоем
сердце свое успокоить хочу.
Остыв от раздоров и от злословья,
пусть мается сердце другою тоскою:
«А вдруг я уже никогда не взлечу?»

Прошу тебя, жизнь, как высшей награды
хотя бы за то, что так жадно живу,
простор ощутить не горлом, не взглядом -
крылом зачерпнуть небесной прохлады
и в этом просторе проплыть наяву.

РОЩА В НОЯБРЕ

Продуто, горестно в душе...
И меж ветвями, меж годами
лист на последнем вираже
еще кружит, не опадая.

И мир, продутый до краев,
гудит по-прежнему от ветра,
а запоздалая любовь
не дождалась еще ответа.

Еще ноябрь не наступал,
но навещал уже украдкой.
Был небосклон тревожно - ал,
и по утрам, как в лихорадке,

наискосок, потом вразброс
летели листья и ложились,
как будто, заходясь от слез,
рассудка начисто лишились.

Но понимали дерева,
что мы не встретимся с тобою,
что буду жив и ты жива
надеждой разной и судьбою,

что эта боль не заживет,
и жизни всей уже не хватит
забыть закушенный твой рот,
твой взгляд и плечи для объятий.

ОТРОЧЕСТВО

Ты скажешь: «Милый, как давно!»
Но, к жизни ключик подбирая,
скажу тебе: «Не я виной,
что где-то музыка играет».

За то, что это не с тобой,
я внес уже двойную лепту,
но память крутит киноленту
с названием «Первая любовь».

И в той дали, и в том кино
луна над крышею свисает,
и в клубе музыка играет
с названием чудным - «Домино»

Там отрочества мир высок
и смел, как сорок оборванцев!
Но подойти - избави бог,
не пригласить тебя на танцы.

Ты с тем пойдешь, кто посмелей,
а я сбегу от наважденья
и лунной тенью тополей
свое прикрою отступленья.

На сене буду засыпать,
и слышать музыку из клуба,
и нецелованные губы
во сне я буду целовать.

Из сборника «Россия, моя Берегиня»

БЕРЕГИНЯ

Когда княжна Ярославна
Рыдала по нем — не по мне,
Я пал вместе с ним, но прославил
Женщину на стене,

Рыдавшую, мир отринув,
Руки свои заломив.
Она была Берегиней,
А что для нее был мир?

А позже, когда уж мало
Останется дней, пойму —
Родина есть и мама,
И я не уйду во тьму.

А женщина, что Богиней
Меня в свой дом привела?
Всталкою, Берегиней
Недолго, да побыла.

Что бы там ни было - ладно!
Пока есть родная речь,
Я с этой бедою слажу -
Было б кому беречь.

Я не из тех, кто бранили,
Смешав и хулу и лесть.
Россия,
моя Берегиня,
Спасибо за то, что ты есть.

Разрушилась страна,
А я остался цел.
Меня они не взяли на прицел.

Но я с тех пор живу на той войне
С разрушенной страной наедине.
Я до сих пор кричу до немоты:
«Ужель была неправедною ты?»

Ужели ты, пропавшая страна
Была так непригожа и срамна?
Ну почему тебя не заслонил,
Да с чем я жил, да где я раньше был?»

Я просыпаюсь, до утра курю,
В сырую тьму печально говорю:
«Любимая моя, подай же весть!»
И мне с небес доносится:
«Я здесь...»

Ад крошечный, и все же - Россия.
Безнадега уже, беспредел.
Словно целый народ обессилев,
К Богу руки в надежде воздел.

Дверь откроешь - пророки, кликуши,
Медный звон пятаков, пятаков...
И не слышат оглохшие уши
Плач вселенский ее стариков.

Все разрушено, пропито, продано,
Ничего не осталось в душе.
Даже родина, малая родина
Без присмотра осталась уже.

Где же слезы любви и прощенья?
Впрочем, лучше опять и опять
В ожидании причащенья
В винной очереди отстоять.

Чем прогневали Бога? Не знаем.
Впрочем, знаем и глухо молчим.
Потому и не снами, не с нами
Пропадает Россия в ночи.

Сколько ж можно, Всевышний, доколе?
То ли к сердцу приставить обреза,
То ли выйти в продутое поле
И прощенья просить у небес.

Это мы, Господи, ненавидящие друг друга,
Павесившие на грудь православный крест.
Почему мы не умерли,
оцепенев от испуга,
Узрев содеянное в себе и окрест?

Это мы, стоящие в очередях за водкой,
Ожидающие голода
и гражданской войны,
Падающие в пучину
каждый в своей подлодке,
Что б отлежаться поглубже
от этой штормящей страны.
Ты отрекся от нас, отмывая от кофоти,
Лишая разума и Всевышней любви.
И выдохнуть некому:
«Это мы, Господи,
Тобою забытые,
грешные дети Твои!..»

Русь моя колокольная,
Изначальная, величальная,
До безумия, до отчаянья,
До восторга и до прощания,

До прозрения, до призрения
Душ сиротских, заблудших, твоих,
На коленях стоящих, смиренных.
Ты прости стихию и стих.

Мы пригожие, мы приладные
До погоста, до слез, до кровей.
И церквушка светит, как ладанка
На моей груди и твоей.

Как прожить в этом мире
без горя и грусти,
Как по миру пройти с равнодушным лицом?
Если книгу издам - назову «Захолустье»,
Пусть узнают, как мама бедует с отцом.

Пусть любимая знает, как вместе бедуем.
Сколько снега и горя в окно нанесло!..
Только дочка уснет, только свечку задуем -
Снова в двери стучатся нахально и зло.

Это время стучит, это мой участковый.
Поневоле идешь ему открывать.
Он вручает повестку поэту Каткову,
Что б жилплощадь под солнцем
не смел занимать

Это я, моя Отчизна,
Где бранятся, утром пьют,
Маются о смысле жизни
И без спроса в морду бьют.

Я люблю твои надежды
На мирскую благодать,
Твои нищие одежды,
Те, в которых умирать.

Не люблю твоих холопов,
Лижущих ладонь твою.
Бог им всем судья, но только б
Ты не встала на краю.

Я один путем овражным
Потащусь, судьбу гробя,
Потому, что очень страшно
Мне, Россия, за тебя.

Россия не во мгле - в очередях,
Не разобрат, где глушь, а где столица.
И осеняет кумачовый стяг
Моих сограждан сумрачные лица.

Россия, Русь, ну как тебя постичь?
Ужель залиться горечью и водкой,
Что б уж тогда сумели нас постричь
Одной гребенкой под одну колодку?

На всех ветрах стоишь, моя страна,
Дай Бог прожить и передюжить Смуту,
Что б стыд и горечь исчерпав до дна,
Отринуть их в последнюю минуту.

А там, дай Бог, окончится злоба
И мы, свои неслыханные боли
Стирая с окровавленного лба,
Придем друг к другу с верой и любовью.

ПОЕЗД

Неумолимо, как виденье,
Он расписание соблюдал.
В нем кто-то спал и видел деньги,
А кто-то плакал и не спал.

И каждый с Богом в несогласьи
Молился Богу напоказ.
И было чинно в первом классе,
Буянил пьяно третий класс.

А поезд был без машиниста
И это знал любой вагон,
Но под захлеб литавров быстрых,
Чугунно-бравурный разгон

В купе-квартирах распивали
Привычно водку и вино
И злые песни распевали,
И было людям все равно.

ВРЕМЯ ЕЛЬЦИНА
Как дрожали Кремлевские стены,
До пределов, до крайней точки.
Даже Спасская башня время
Нам показывала неточно.

Кто бы знал, как мы в эти годы,
Пригорюнившись, бедовали,
На виду, при честном народе
Мы такой беды не видали.

Все-то чудится, все-то кажется,
Все-то слышится пьяный рык: —
Над Россией моей куражится
Заплетающийся язык.

Православные люди отпели,
Закопали и разошлись.
Неужели же в самом деле
Так закончилась наша жизнь...

Двух разгневанных рек слиянье,
Лютотой ненависти и любви.
Где татары и где славяне?
Своих мать и отца назови.

И припомни века такие,
Когда срезав веревкой стон,
Анастасью и Евдокию
Забирали с собой в полон.

Вот и вдумайся, чьи доселе
Были острые скулы твои
И на чем проросло твое семя -
На крови или на любви?

Да, в том времени, как — постромки,
Все сцепилось и все слилось.
Да, мы русичи, мы — потомки
Конских ржаний, пожаров и слез.

Но потомки Андрея Рублева,
Не распятых вовек русаков,
Для того, что бы снова и снова
Рвать сердца из постылых оков.

Да, действительно, рек слиянье,
Да, Настасья с искусанным ртом.
Я за вас, родные славяне,
Встану с правдой и со щитом.

Концентрат и краюха хлеба.
Ах, как все-таки жизнь хороша!
Я читаю Горбовского Глеба
И с девятого этажа

Грусть бросается вниз головою,
Подтверждая уходом своим,
Что проходит само собою
Все на свете, как горький дым.

Все проходит на праведном свете,
Одичанье и сонм потерь.
Все минует меня, кроме смерти,
Но об этом ли мне теперь?

Ночь прошла. Да было ли горе,
Если в зимние окна мои
Вновь врывается воздух горный
Воскрешения и любви?

Вот он, воздух, ворвался и хлынул,
И обрушился, как поток!
И я делаю первый, длинный,
Обжигаящий небо, глоток!

И опять без орбиты круженья
Начинает планида моя.
И опять начинается пенья
Общежитского соловья.

Проживаем в годы позора,
Выживаем и мерзнем во мгле
Средь разрухи, раздора, разора,
Средь бутылок на нищем столе.

Все-то кажется — где же надега
На Россию, на нас, на меня?
И откуда прискачет подмога,
Стремнами надежды звеня?

Ах, как матушка приболела!
Вкривь и вкось дороги ушли
От ее болезного тела,
От бессмертной ее души...

Что ж, поплачем.
А дальше?
А дальше?
Как надеяться я хочу:
Наши дети: Иванушки, Даши
На ветру не погасят свечу.

Анатолий ИЛЕНКО

Анатолий Павлович Иленко родился 20 августа в далеком городе Таш-Кумыр, что на юге Киргизии, куда перед Отечественной войной был направлен на работу отец. Призванный на фронт, Павел Ефимович погиб, освобождая польский город Бытом Катовицкого воеводства; случилось это за два месяца до дня Победы. Детство и юношеские годы Анатолия прошли на Волге, в светлом селе Кашпир, теперешней Самарской области, где и окончил среднюю школу. Затем был Безенчукский сельскохозяйственный техникум; в 1960 году в числе группы выпускников-добровольцев, приехал на работу в Сибирь, к которой незаметно для себя прирос душой и всеми корнями. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт, по профессии - агроном, чуть позже с отличием Новосибирскую Высшую партийную Школу. Работал управляющим Верхотомского отделения, затем долгое время - директором Шегловского совхоза Кемеровского района, более десяти лет - первым секретарем Тисульского райкома партии.

Стихи начал писать и публиковаться со школьных лет. Член Союза писателей России.

Стихи, поэма «След» печатались в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни» Новосибирск, «День и ночь» Красноярск, «Огни Кузбасса» Кемерово, «Южная звезда» Ставрополь. В разные годы в издательствах Кемерово вышли книга «Кукушкин плач», «След», «Деревенский напев», «Горизонт». Публиковался в коллективных сборниках «Антология русской сибирской поэзии XX век», «На родине моей выпали снега», «Летопись села Кузбасса», «Хлеб Кузбасса», «Хрестоматия» и других.

О стихах Анатолия Иленко

Читая и перечитывая стихи Анатолия Иленко, постоянно ловишь себя на мысли: как же не хватает в наше прагматичное равнодушное время таких поэтов.

Большое множество виршеплётов, помешавшись на постмодернизме, концептуализме и иже с ними, пишут обо всём, что на душу положат поэтическая вседозволенность, стремление к эпатажу, всё, что не Божий промысел. Другими словами - живут манкуртами, Иванами - не помнящими родства, без корней и причалов.

Другое дело - поэт Иленко. Начиная с его первых публикаций и книг, в его стихах остаётся родниковость, прозрачность письма, всё то, что порой стыдливо называют любовью к Родине, патриотизмом - если хотите.

Уже названия книг - «Кукушкин плач», «След», «Деревенский напев»,

«Горизонт» задают камертон для восприятия его строк.

И ещё - исповедальность во всём, будь это стихи о «малой Родине», о людях, живущих рядом на Земле.

Нельзя не отметить поэму «След», в которой автор исторически осмысливает непростую жизнь русской деревни, своей родовой, отаёт низкий поклон своему отцу, погибшему в конце войны под польским небом. И в ней автор чётко обозначил свою преемственность со своей Родиной и страной.

Без декларативности и пафоса поэт остаётся верен себе, своей поэтической стезе, которую обрёл однажды.

Б. Бурмистров, поэт,
председатель Союза писателей Кузбасса.

Из сборника «Рассудит время...»

Я иду босой и русый
По теплу несмятых трав,
Озорной, совсем безусый,
К солнцу голову подымаю.
Небо сплошь в разводах синих,
Облака плывут чисты,
Любопытные осины
Шелестят: - Откуда ты? -
Здесь я взял свое начало,
Жили здесь отец и дед,
Здесь земля меня качала
На руках счастливых лет.
Путь далёкий мне назначив,
Птицы вслед поют: - Живи!
В сердце бьёт родник горячий
Нерастроченной любви,
Ко всему, что примечталось
Пело, плакало в груди,
Что проехало-промчалось
И что встречу впереди.

- С богом, сынок, - говорила мне мать, -
Ровным пусть будет твой путь.
Жаль, что не мог я в те годы понять
Слов этих мудрую суть.

Время ушло.
Рядом матери нет.
Снегом укрыло погост.
Взгляда прощального бережный свет,
Над неизвестностью мост.

Много пришлось мне пройти, прошагать,
Часто тернистым был путь.
Но лишь недавно я смог осознать
Слов материнских суть.

Разбуди меня рассветом,
Первым солнечным лучом,
И омой лицо согретым
Мягким ливневым дождём.
Освети глаза спокойной
Далью синей высоты.
Попроси урощи хвойной
Строгой стати, простоты.
Причеши дыханьем ветра
Мне вихор густых волос,
Пусть добром окрепнет вера
До отрадности, до слёз,
Припаси сполна волненья,
Беспокойства и тревог,
Чтобы я, уняв сомненья,
Тихо вышел за порог,
Миновал село, погосты,
Бросил в тощце поля: -
Я пришёл к тебе не гостем,
Сеять хлеб пришёл, Земля!

Журавли, журавли...
Через небо плывут журавли
В чутких всхлипах дождя
Уходящего милого лета;
Вслед за ним плывёт
Тёплый запах родимой земли,
Я один остаюсь
В грустном поле бродить до рассвета.
- Вы вернётесь сюда?
Вы вернётесь домой, журавли? -
Я кричу и надеюсь,
А, вдруг, меня птицы услышат.
- Что вас ждёт там, вдали?
Кто вас ждёт в неизвестной дали? -
Но в ответ мне они
Лишь крылами тревожно колышат.

Ясно помню бабушку и деда,
Помню, хлеб давался нелегко,
До мгновенья горького победа
Было очень, очень далеко.

Дремлет дед, очки упали с носа,
Баба, сгорбясь, мне рубаху шьёт,
Нет в семье запретнее вопроса: -
Как он там...
Чего письма не шлёт..

Снегом занесённая сторонка,
Ничего не знавшая о том,
Что уже полгода похоронка
По ошибке обходила дом.

Возвратились за весной следом
Те, кто чудом выжил на войне.
Не дождалась сына баба с дедом,
Ждать отца всю жизнь
досталось мне.

Может, лунной ночью родился,
Что удача выпала мне:
Где родился, там и сгодился, -
В деревенской родной стороне.

Эка штука - пахать умею,
Каждый третий - пахарь в селе.
За день так наломаешь шею, -
Двух шагов не ступить по земле.

На закате снопом усталым
В травы смятые упадёшь.
До печёнок проймёт, бывало,
Хлебным духом спелая рожь.

Отлежишься,
глаза поднимешь,
Звёзды синие набегут,
Ветром встречным
усталость снимешь,
И с разбегу - в знакомый пруд...

На прокосы легла прохлада,
По низинам туман стёной.
Мне-то, в общем, немного надо:
Быть бы нужным земле родной.

В. Баянову
По селу сугробы стелются,
Переулки замело.
На дворе поёт метелица,
Словно просится в тепло.

В доме тихо, принаряжено.
Лед на лавке. Рядом кот,
Весь умытый и приглаженный, -
Дорогого гостя ждёт.

Затянуло деда чтение,
От газет не оторвать,
Долго ждал он воскресенье,
Чтобы вволю почитать.

И старуха нынче добрая,
В кои веки не ворчит, -
Над стряпней колдует сдобною,
Да посудуо бренчит.

Ей с утра сегодня чудятся
Чьи-то быстрые шаги.
Может, внучек с дальней улицы
Прибежит на пироги.

Солнце упало в дорожную пыль.
На почерневшем пригорке
Бредёт, тяжело держась за костыль,
Солдат в седой гимнастёрке.
Давно посчитал итоги свинец,
Оплаканной похоронкой.
Бежу навстречу: - Мой папка! Отец...
Машу сиротской ручонкой.
Было такое в те годы не раз, -
Война бумаги теряла.
Жизнь отменяла смертный приказ,
Калек домой возвращала.
Боец отвёл неживые глаза,
Щекой небритой прижались.
В горле комок.
В пыль упала слеза.
Но я опять обознался.
Время промчалось.
Мой сын-богатырь
Выше меня, уставшего...
А я всё хожу на тот горький пустырь
Ждать отца запоздавшего.

Пока ни в чём не разуверюсь,
Ни в славе, ни в смятении дней,
Я шёл, на горизонт нацелясь,
Спеша догнать его скорей.

Я шёл, а он отодвигался,
Я шаг - и он вперёд на шаг.
К нему я, вроде, приблизился,
Но выходило всё не так.

Я шёл и плыл, летел и ехал
То в одиночку, то гурьбой;
На всём пути встречал помехи,
Когда бывал самым собой.

Мне говорили часто люди: -
Убавь шаги, живи, как все!
Я зубы стискивал: - Не буду!
И шёл к заветной полосе.

Мне, может, жизни цель иную,
Попроше б выбрать, поскромней,
Я ж ухватился за такую,
Что в пору Богу сладить с ней.

И вот имею, что имею,
И копыя не спешу ломать,
О днях прошедших не жалею,
Ведь горизонт - рукой подать.

В белой роще за оградой
Солнце тёплое встаёт,
В этой роще с домом рядом
Много разных птиц живёт.

Ночь растает. А с рассветом,
Растревожа сон жильцов,
Птицы хором и дуэтом
Учат музыке птенцов.

Дирижирует ученьем
Очень добрый старый дрозд,
Если он доволен пеньем, -
Распускает важно хвост.

У кого сорвалась нота,
Заставляет повторить.
Целый день идёт работа:
- Динь-ди-дзинь, фью-фью-фьюить.

Давно в душе я строю дом
Уютный и просторный,
Такой, чтоб солнце пело в нём
И днём, и ночью чёрной.
Не просто стены, крыша, пол
И вешалка в прихожей,
А так, чтоб в дом, когда вошёл,
На радость стал похожим.
И богом в нём была жена,
Счастливая из женщин,
Лишь мной одним была пьяна

Всю жизнь, ни часом меньше.
Чтоб обходила стороной
Мой дом людская зависть,
И дети чтоб гордились мной,
И жизнь трудом старались,
Чтоб здесь же дети их детей
Росли и не болели,
Чтоб каждый из прошедших дней
Забывать они не смели.
Давно в душе готов мой дом,
Под гору время катит,
Жалею только об одном:
Пожить спокойно в доме том
Мне сил уже не хватит.

Буду жить среди ветра и пашни,
Среди трав и жерёбых кобыл.
Пусть для вас я отсталый, вчерашний,
Только в городе жить нету сил.
Дом поставлю с колодезем и садом,
Чтоб рябина гляделась в окно.
Здесь душа успокоится рядом
С тем, чему она верит давно.
Сам себе перестану лукавить,
Буду плакать, смеяться, как все.
И, быть может, сумею оставить
След на свежей несмятой росе.

Не дай мне Бог,
Покой в душе почуять,
Услышать сердца
равнодушный стук.
Смирненного блаженства не хочу я,
Когда со мной ничто
Уже не будет вдруг.
Не упадёт звезда
В некошениые травы,
Надежда не уйдёт
Печальна и тиха.
И я из рук любви не пригублю отравы,
И мне не хватит сил
Для счастья и греха.
Пусть ветры мне в лицо,
как жалкая помеха,
Пусть впереди снега
И долгие пути,
Мне хочется к тебе
всю жизнь идти и ехать,
Припасть к твоим ногам
И вымолвить: прости...

Скрип ворот, петушиное пенье.
Лай собаки, мычанье коров, -
Неприметное глазу теченье
Скудной жизни крестьянских дворов.

Дней в запасе хватает у Бога;
Здесь минутам особый учёт.
Зазевался сегодня немного,
Завтра новых забот полон рот.

Валят с ног, выживают со света:
Пахота, обмолот, сенокос ...
То одно, то другое, то третье
И в жару, и в крещенский мороз.

Круглый год голова кругом кружит.
Маета от темна до темна.
Здесь терпенье не всякого сдюжит,
Здесь закуска с пелёнок нужна.

В суматохе соседка - старуха
Мне обронит, как добрая мать:
Отдохнул бы хоть малость, Петруха.
Усмехнусь: - Так ведь надо устать.

Прошедшей ночью выпал первый снег.
Лёг тихо-тихо, словно хлеб на блюдо.
Пока в домах не кончился ночлег,
Не знали люди, что явилось чудо.
Глаза открыли, - прежней нет земли,
Кругом убранство чистое, простое,
Белым-бело и рядом и вдали,
И почему-то верится в святое.

Коло дрова, душой слова рифмую,
Поленицу кладу за рядом ряд.
Любой мороз в тепле перезимую,
А снегопаду буду даже рад.

Ведь мне теперь от жизни много надо:
Чтоб в доме было от детей светло,
Чтоб ты была всегда со мною рядом,
И, наше время никуда б не шло.

С задорным треском ухают поленья,
Ты вяжешь что-то, сидя у окна,
Рождается в груди стихотворенье,
И, можно днём довольным быть спола.

Она была совсем ещё подросток,
Подолом доставала до земли.
Пугал берёзку шумный перекрёсток,
Да люди, что куда-то шли и шли.

Никто всерьёз не обращал вниманья,
Вот разве дети в шалости толкнут.
Она росла и, затаив дыханье,
Ждала других, счастливее минут.

Ей помогли тёплый дождь и ветер,
Что в беспокойстве часто навещал.
Она была довольна всем на свете,
Но кто такое на земле прощал...

Однажды утром вышел я из дома
Туда, на расхождение дорог,
На месте, где стоять моей знакомой,
Торчал обрубок тонких белых ног.

Пока в глазах клочок дневного света,
По небу тучи мрачные ползли,
Жильцы домов, потери не заметив,
Куда-то торопливо шли и шли.

Дочери Оле
Летний ветер помчался вдогонку
С намерением светлым обнять
Синеглазую чудо-девчонку,
О которой он мог лишь мечтать.
Он целует ей босые ноги,
Что-то шепчет тайком на ушко,
Обещает прогнать все тревоги
От неё далеко-далеко.
Небо полное звёзд обещает
И истомную радость души.
Я-то знаю: такое бывает
Где-нибудь в деревенской глуши.
Станут бабы галдеть у колодца
Про осеннюю слякоть и грусть.
Пусть девчонку печаль не коснётся,
И зима обойдёт её пусть.

Ранним утром я выйду из дома, -
Белый сад в захмелевшем дыму.
Машет яблоня веткой знакомой
Мне понятное лишь одному.

Оброню ей:
- Прости, дорогая,
Не держи в милом сердце обид,
Меня нынче волнует другая,
Видишь в простеньком платье стоит.

В стороне,
Прислонившись к ограде,
Плачет вишня у всех на виду.
Мне ей тайное высказать надо,
Словно к дочери к ней подойду.

Обниму её юные плечи,
Нагадаю судьбу наперёд:
- Тебе белый наряд подвенечный
Шьёт портниха на будущий год.

Мы не дети с тобой,
Мы друг друга без слов понимаем.
Тихо рядом сидим,

Может, час, а быть может, и два.
Мы молчаньем вину
Усмущённой любви искупаем
За ненужные ей,
Обветшавшие нынче слова.
Я к тебе подойду,
Обниму твои хрупкие плечи.
Ты опустишь глаза,
И к моей прикоснёшься щеке,
Мне волнение твоё
Объяснимей, чем пылкие речи,
Всё, что в сердце твоём
Прочитаю по милой руке.
Мы сегодня одни.
Представляешь - одни в целом свете.
В бесконечном смятенье
Людских суматошных миров...
Мы с тобою давно,
Мы с тобою давно уж не дети;
Теплотою своей
Согреваем друг друга без слов.

Маковые губки,
В васильках глаза,
Сыплет прибаутки
Девка-еёза.
Где она бывает
Льётся звонкий смех.
Сердце замирает, -
Мне не до утех.
Я за нею следом
Летом и зимой:
- Не ходи с соседом,
А ходи со мной.
Греют её лаской
Ветер и заря,
Ну а я, несчастный,
Пропадаю зря.
- Ничего не жалко, -
Милой говорю, -
Я не полушалок -
Сердце подарю!
А она хохочет,
Выгибает бровь.
Не понять, что хочет
Девичья любовь.
Стан рябины тонкой,
Волосы копной.
Что же ты, девчонка,
Делаешь со мной?

За селом,
За огородами
Пораскинулись луга.
Там недавно хороводила
Неуёмная пурга.
Пынке здесь тепло и зелено,
Сплошь ромашки, васильки:
Мне ходить туда не велено, -
Сохну рядом от тоски.
Там моя соседка строгая
Запела в косу веноч,
Васильковой недотрогой
Преподносит мне урок:
Чтобы я не смел поглядывать
На ромашковых девчат,
Лишь её одну стал радовать
В сенокос и снегопад...

Он за славой бежал,
торопился догнать,
Ухватить за плечо её крепко руками;
Всё на свете забыл: престарелую мать,
И жену, и друзей - жил одними стихами.

Побелели виски.
Но он славу догнал.
Она грела поэту и душу, и тело.
Но когда он потери свои осознал
Было поздно, увя,
мимо жизнь пролетела.

Не пытайтесь напрасно искать
здесь мораль.
Она нынче продажною девкою стала
Мне за душу поэтову горько... И жаль...
Ей бежать и бежать, без конца и начала.

Владимир СОКОЛОВ

Аглицкий садик

Я сидел в бане.

Баня была не то, чтобы запущенная, но листья от веников на холодном полу вздыхали, готовые в любую минуту взлететь. Потолок же давно не внушал доверия. Там, сверху, навалили на него угольного шлака, вот этот шлак и торчал кое-где промеж заплесневелых досок. Некоторые из них провисли.

Впрочем, видал бани похуже. Например, как-то парился в пещере, вырытой в брошенном глиняном карьере. Ориентировались по свечению угольков в углу — в ту сторону плескать. Вылез, как зебра, весь в черных мазках. Зато на душе чисто было, легко.

А тут — не принимало. Не то, чтобы хозяйева сэкономили дрова и уголь, но топились баня ими всегда влажно. Впервые осенило, что баня может быть обыденным явлением. Баня для них — что чай или рюмка коньяка перед сном...

Устали мои друзья, замучились вконец. Я понимал их. Уже двадцать без малого лет, как начали строительство дома. Да не просто дома — двухэтажного особняка. Тогда на такое мало кто отваживался, и они в некотором смысле стали первопроходцами.

Землю получили в хорошем месте, на краю речной долины, радостно встречающей всех запахом конопля.

Давно обмельшавшая речка, к берегам которой теперь воровски свозят районный мусор, это — Кур-Искитим.

На одном этом «куре» можно бы сделать целую историю. Каким образом какой-то кур, которому бы в суп да и дело с концом, стал богом этих мест? Но вот для наркоманов точно стал, в конопле их всегда много. Все молодые. И они — курят... Курят и курят, и залиvisto оттого смеются...

Выше дома пролегла автотрасса федерального значения, за ней — кладбище. За речкой, с другой стороны, за кучами мусора, на горе, — тоже кладбище. Одно из них деревенское, другое городское.

Вот здесь, между двумя кладбищами по-над речкой и появился в самом начале рыночной экономики жадный язычок жизни, в виде нескольких особняков служителей Фемиды.

Первой появилась их баня. Там они и ночевать стали, приезжая сюда из другого города, прислушиваясь к каждому шороху. Никакого забора и соседей тогда не было. Вокруг стояли деревья. Иногда приглашали меня покараулить за кампанию цемент в мешках, шифер, какие-то корявые доски, годные, разве что на дрова или опалубку.

Петька, тогда работавший зам. начальника лагеря по режиму, не расставался по ночам с пистолетом, хотя даже по нынешним российским меркам, применить его против бандитов весьма проблематично. Как-то раз похвастался за обедом, насмные татуированные работяги попросили подержать да и бросили спать в кусты. Прямо через его голову. Видимо, из презрения к ментам. Но вспомнил он об этом, когда уже стемнело. С того пришлось доверчивому Петьке с фо-

нариком, чуть не плача, лазить по мокроте, изучая особенности ночной флоры и фауны.

А пусть не хвастается!..

Однажды в выходные звякнули, чтобы помог поднять на второй этаж шлакоблоки. Кладку вел всего один человек. Чрезвычайно медлительный. Рассказывавший много баск, связанных с кирпичом, кладкой и политикой. И очень старый. От него препротивно пахло «козьими ножками», которые сворачивались из газеты. Со свинцом, он считал, «вкуснее». Таков был его народный ответ общественным деятелям, которые вечно творят что-то несурзное в ценах. А то виноградники изведут. То сигарет нет. Одним словом — волютаристы.

Швы получались толстые. И неровные. По причине некачественного отсева, который добавляли в раствор. Да и шлакоблоки, по дешевке купленные Петькой на зоне, были нестандартны по сравнению с заводскими кирпичами. Как козьи ножки по сравнению с офилтрованными сигаретами. А таскали эти камни по трану наверх все — и я, и Петька, и жена его, то есть моя сестра. Ну а чертыхался каменщик...

Сам он не таскал, считая такую подсобную колготню ниже своего достоинства. И все только отвлекал нас, так навязчиво, историями из своей козьепожизненной жизни.

Иногда Петька вдруг подмигнет мне, и мы, потные, с ним тут же удалялись за угол. Там из кучи доставленного самосвалом серого песка у дороги он, озираясь, выкапывал поллитровку.

Прошло времени сколько-то... Не помню сколько: я потерял работу и чувство времени притупилось. Вперед оно двигалось или назад? Или просто стояло? Как стоит на самом деле перрон, от которого, ускоряясь, отходит поезд...

Я знал, что еще с два ящика водки припрятано у них в подвале.

Для крыльца.

Но водка незаметными ручейками расточалась. И каменщику требовалась в обед, и нам, конечно, с Петькой, не говоря уж о блавате, командующей строительными материалами. Называлось это бартером.

А крыльцо так и не появилось в течение ближайших нескольких лет. О нем как бы забыли. Видимо, подумали, что могут запрыгивать в дом, как кузнечики. Хотя дом, неоштукатуренный, как снаружи, так, отчасти, и изнутри, уже стоял. И обживался вволю. И баня действовала по своему предназначению, в которой я тот момент и сидел.

Сидел голо-понуро и одиноко.

Довести все до ума у моих родственников рук уже просто не хватало: то дрова, то уголь, то вода... Водоканал хронически перебойничала. И на все лето запрягали огород, теплица, слепленная из старых облупленных рам, куры, кролики. Кто жил в своем доме — знает что это. Они так до сих пор и поднимались к дверям не по крыльцу, а по оставшимся от строительства дома шлакоблокам. Шатко-

валко сложенным в виде ступенек.

Хозяйка — стоматолог. Будучи представительницей слабого пола и вредной профессии (дергала и пломбирала зубы эзкам там же, где работал Петька), первой вышла на пенсию.

Однажды откуда-то появилось в зале напротив большого окна старенькое зубоорачебное кресло со списанной из зоны бормашиной. Работавшей от длинного приводного ремня. Такого же каучукового, как у швейной машинки «Зингер», другой достопримечательности их быта. И та и другая система приводились в движение педалью. И потянулись к этой трансмиссии местные — кому выдернуть, кому запломбировать.

Порастрагались, а тут все какой-то приработок. Настало ведь время бизнеса. Победили те, кого во все предыдущие десятилетия гнобили, сажали и убивали. Действие — противодействие, вечный закон жизни. Закон маятника. Начались новые времена. На сеточном заборе, к сооружению которого и я в свое время приложил руку, пришпандорили тетрадный листок с надписью «Дантист».

Поднявшись однажды к дантисту по импровизированным ступенькам, я пошутил, что лучше бы сестра написала «Травматист».

— Да, ты прав, — хохотнула. — Так помоги сделать крыльцо. Петька то на работе, то вдрызг, да и вообще уже ничем не интересуется и не занимается. Даже мной. Ему все надоело. Одна тяну ляжку.

И она включила какую-то песенку популярного Тимура Шаова и стала танцевать под нее, вертя бедрами. Песенка была — как горчичник. Но развеселая. Такого я от своей сестры — не ожидал...

— У меня как раз сегодня есть время, — сказал.

— Нет, ты серьезно? — изумилась, просветлев лицом.

— Да, я не против, только вот как Петр отнесется к моему участию, не обидится ли? — Хозяйка задумалась, но лишь на минутку:

— А мы поставим его перед фактом. Зуб она мне подлечила. Бесплатно. Все-таки — родственник.

Правда, через неделю пломба выпала. Но зуб почему-то облапопился и больше не болел. Как взятая и брошенная за ненадобностью крепость.

В тот день она дала мне старую, жесткую от цементной пыли Петькину спецовку и мы стали торопливо из всяких приамбасов импровизировать с опалубкой. Хватало вокруг той самой деревянной обрезки с сучками, кусков жести, шифера. Все пошло в дело. Заодно и двор привели в порядок.

Сюрприз для Петьки готовился. Вот, думали, будет рад.

Те же шлакоблоки и обломки красного кирпича кидали в забутовку. Взмокли с носилками, с бетоном. Готова верхняя площадка. Вторую ступеньку слегка развернули в сторону ворот. Потому что, если прямо от фасада выводить крыльцо, то врезались бы в слишком близкий забор. С третьей ступенькой та же история. Еще ниже, тоже с разворотом, заподлицо, вкопали в землю обломки старых железобетонных плит. Которые привезли на тележке с той незарегистрированной свалки, что возле речки. Чем не ступеньки? Получился этакий развернутый в одну сторону, пока еще мокрый, бетонный вейер. Красиво? Не знаю. Но мне понравилось. По крайней мере, фантазия присутствует.

Так, вконец употевшим и ошалевшим нам, показалось.

И правда.

Было тут что-то нерациональное, нетрадиционное. Естественно вписанное в неровный ландшафт, в склон с деревьями, на котором стоял дом. В моем уме, а стоматолог из благодарности меня уже угостила спиртным, возник образ такого пока еще не существующего аглицкого садика вокруг. И аглицкого лорда. То есть меня.

В этом садике я говорил ей, незаметно подбирившей шифон своего длинного широкого платья, из-под которого лишь изредка мелькала изящная туфелька, надетая на крепкие ноги нашей породы:

— Все от начала и до конца неправда. Граф Энгемон столько раз твердил мне, что вам нельзя верить. Стоматологи — циничны, как и хирурги, они, по суди дела — мясники. Ну разве можно верить вот этому, — я сорвал с дуба шелковисто-нежную (весеннюю!) зелено-голубую салфетку.

— Вот он, лист, такой осенью грубоватый, когда большой. А сейчас в прикосновении нежнее пуха. Нежнее всей другой молодой листвы. Вы верите в реинкарнацию, в преображение?

— Мне вас не переубедить. Но вы должны знать, что только вас, вас одного я люблю, разумеется, как брата, и только вам верю...

— Знаете, милая, я не понимаю, зачем надо любить меня одного? Сейчас Колумб открыл Америку, потом ее

назовут Вест-Индией, Васко-да-Гамма установил новую истину, которую все узнают попозже, а Америго Веспуччи вообще прилетел к нам на тарелке из другого мира...

- Я в этом, в ваших куртуазных эзотериях, мало разбираюсь.

- Как? Вы же выдернули мне столько негодных зубов!?! - и я оскаливал шершавый рот.

Что за глупость!..

В действительности было так: мы отходили иногда в сторону, чтобы полюбоваться и вообразить будущий аглицкий садик (ах, как он шелестел!), и обсудить сделанное.

Она вдруг сказала:

- Бликуют!

- Бликуют, - подтвердил я, подозревая, что она имела ввиду блики от минералов. И не ошибся.

Это была моя идея - уложить цветные камешки, привезенные с реки, в дорожки, особенно старательно в ту, что вела к бане. А чтобы блестели, мы поливали их из лейки.

И, как мне тогда или после... казалось, подражали плану самой природы, беспорядочно сажая новые деревца.

Но именно там, где я их вкапывал, они засыхали.

Я просто не знал, куда обращены их лица.

Я впервые подумал об их лицах, и о том, что они у них вообще могут быть. Зеленые, что-то очень невнятно лепечущие. Я впервые с такой остротой услышал бормотанье иголок, шелест листьев, птичьего голоса, жужжание насекомых... Более того, я впервые почему-то думал о разнице между человеком, растением и неандертальцем, и меня не устраивала теория, заикливая на одном-единственном или двух генах. Как примитивно!..

Ну почему я не догадался привязывать тряпочки?..

...А все было просто. Эти деревца легко выдерживались, но я забывал, где у них север, где юг. Да, я не знал, в какую сторону стучат их сердца. Куда повернуты лица. Я выдергивал их для сестры в тайге из мшистой подстилки, не глядя, проходя. Там бы в тени, неукоренные, они все равно бы погибли. И привозил в рюкзаке. Так щелчком выстреливают пальцами фильтр докуриваемой сигареты. И плевать, что где-то рядом мусорка. Такое поведение меня и самого не устраивало, корбило. Но это произошло уже после. Короче, деревья не приживались. Спасать их могла только случайность.

А я так надеялся сделать аглицкий садик!..

По крайней мере старался. Чтобы угодить. Своей сестре. Ее мужу. Видимо, нет в мире большей любви, чем к нашим сестрам. Их мужьям.

А если откровенно, я уже мысленно дрался на дуэли из-за нее. Точнее, за нее.

За каждую бетонную не туда повернутую ступень.

Дрался с ее мужем Петькой.

Пусть даже не падают с нее, с моей несчастной сестры, как с дерева осенью, сливы, яблоки, булги и рубли. Рубли - видимо, за ту оградку, которую я сделал. Однако чего стоит мой долг перед ней - за ее гостеприимный кров?..

Ничего, что ступеньки получились разные. Зато теперь ходить можно без опаски. На самой нижней, по краю, вбетонировали металлический уголок - скоблилку для обуви.

Правила эргономики, по высоте,

ширине, естественно, нигде не соблюдены...

Петьке; когда он к вечеру вернулся, все не понравилось.

Он стал ругаться: мол, предполагал соорудить здесь совсем другое.

Тут, по его проекту, должен быть гараж.

Как вон у тех, дальних соседей.

Я вспомнил: на плоской крыше вкопанного в землю гаража те далеко не бедные соседи по вечерам ставят тент, жарят шашлык, а под тентом накрывают стол. Там принимают гостей, устраивают танцы, включают караоке... В дом входят сквозь гараж, мимо блестящего черного «бумера».

Мы с его женой и моей сестрой как раз в это время заканчивали мостить разноцветной галькой дорожку к воротам. Будет радовать глаз после дождя!.. Дождь, как по заказу, и начал накрапывать. Слепой. Все тут же засыпало...

А он, Петька, хоть бы помог!

Нет, он стоял, покачиваясь, на пороге. Слегка пьяный. В своем татарском толстом халате. Над еще не схватившимся влажным бетоном. В татарской тюбетейке. И глумился: вкальвайте, вкальвайте, все равно он, Петька, все разломает и сделает по-своему.

«О каком гараже, какой машине ты мне твердишь? - кричала сестра. - Сначала заработай на нее!»

Меня злость взяла: «Да ну вас к такой-то матери!» Размахнулся и ударил лопатой по опалубке, черенок сломался. Я плюнул и ушел. И больше не приходил к ним, и не вспоминал ни о каком аглицком садике, пока они сами не позвали - похвастаться.

Вот ведь как разворачивались события (Петька ли напрогнозировал?): появилась у них машина. Та, которую называют «полужигулями» или «Окой». Купила ее у кого-то с рук, она же, Петькина супруга. То есть моя сестра.

Закончила курсы. Сдала на права. Ну, дает, старая!..

Петька, давно вроде, привык к крыльцу, не возмущался. Крыльцо стояло, держалось.

И уже обросло со всех сторон и по щелям буро-зеленой шерстью моха, ромашками. И историями. Ведь каждое деяние обрастает историями, каждая вещь...

Но теперь Петр, хотя и гордился женой, донимал ее машиной: мол, он не самоубийца и рядом с ней ни за что и никогда не сядет. Действительно, первое время она чувствовала себя неуютно. Терялась на левостороннем повороте. Легонько стукнула на светофоре, сдавая задом, «Туарег». У того отвалился бампер. А у сестры - лишь царапина. Но что возьмешь с «полужигулей»? Тем более, с инвалидным ручным управлением. И с восклицательным знаком на заднем стекле. Обошлось без последствий. А гонять ей приходилось часто: то за цементом, то за краской, то за продуктами. А иногда и за водкой.

Стоматолог попрекала мужа тем, что он мало делает для дома. Огород вскопать - не заставишь. Не его работа. Все деньги, всю пенсию, наверное, пропивает.

И, правда, изрядную часть ее он попросту профуговывал. Как ни зайдешь к ним - ответ в сторонку. Устал. Просто устал. Что тут говорить? Эх, да поймите вы, женщины, нас, мужчин!.. И наливает по чуть-чуть.

Однажды к их особняку подружили «КамАЗ» с большим фанерным ящи-

ком в кузове. С помощью шофера Петька осторожно спустил его по плахам, а затем вскрыл выдергой и топором, порвав блестящие металлические ленточки. Там оказался завернутый в полиэтилен минитрактор. С плугом, с бороной, с культиватором и даже с тележкой. Сам трактор и тележка были зелеными, а все навесное оборудование черным.

Его супруга была изумлена.

- Вот, а ты говоришь: копай лопатой, миллениум на исходе! - заваяничал Петька, и, возвращаясь к старой архитектурной теме, - Теперь у тебя машина, у меня трактор, гараж надо. А где ставить?..

- Да, надо, надо, - поддакивала сестра, рассматривая со всех сторон механизм.

Попыталась нажать какую-то педаль.

- Тихо, не трогай, завтра специалиста позову. Покажет, как пользоваться.

В тот день они вместе обмыли новую покупку, не решаясь к ней прикоснуться.

Снова целовались, любили друг друга, ну не как в первый, а как в какой-то раз. Я, конечно, не мог этого видеть, но подозреваю, что так и было. А после жарко ругались, в усмерть, о необходимости строительства гаража, но только где теперь его строить - не ломать же ступеньки!..

На ночь закрыли трактор полиэтиленом и закамуфлировали на всякий случай обломками ДСП.

А назавтра побывал у них знающий человек. Навесил плуг, несколько раз показал Петьке, как заводить и использовать технику.

Потарахтели.

То один, то другой.

Выпили со специалистом.

Жена улыбалась. Я бы сказал даже угодила. Даже повторно сгоняла на автомобиле за спиртным. Петька торжествовал.

Через день попытался сам уже в одиночку на глазах у вскапывавшей грядки супруги включить двигатель, но тот только чихал.

- Подожди, не копай, сейчас я подсос сделаю, а ты иди сюда и поддай газ! - Покорно, как велено было, повернула рукоять, «мини» зарычал, рванулся вперед и чуть не выдернул сестре руку. По крайней мере в тот день грядками она больше не занималась. Петька едва успел ухватить трактор за оленьи рога. И только взялся - тот почему-то заглох.

- Ну вот, видишь, работает, - с видом укротителя вздохнул Петька и тут же почему-то пошел в тень, к той самой куче, чтобы все обмозговать.

В любом деле есть невзвучки. У некоторых хозяек, например, цветы в горшках вянут, хоть расшибись. Ну нету розычек, на листьях лишь паутина. Или борщ не получается. У кого-то с картошкой - шваб: сколько посядут, столько соберут. А бывает, и меньше. Вроде стараются, все делают по рецепту, по инструкции, а толку?.. Мне не отвечали взаимностью деревья, а Петьке механизмы, а ведь он их любил до безумия. До колик. Что он хуже, что ли, тех, кем командовал, чьей жизнью и судьбой распоряжался в зоне, уж тем паче никак не хуже он своей жены.

Он-таки вскопал огород минитрактором. Не знаю с помощью кого. Но не в том году, а на следующий. В том же так и не смог его освоить. Только опасно ходил вокруг да около, и все любовался, страхась завести.

...Я на полке сначала сидел, затем, облив раскаленные серые доски водой, лег на спину, перевернулся на живот. Потом снова сел. Вышел в холодный тамбур, покурив. И опять залез - погреться.

Прямо над головой совсем уже как-то жутко провисла доска с черной паутиной. Шлак выпирал, но пока не сыпался. Стойку бы сюда вдоль стены, чтобы поднять край - вот и все дела. И неотвратно в памяти ворочалась одна и та же картина: как Петька пытался чинить потолок. Мы с его женой тогда затиркой занимались в доме, так как наступила уже зима, а он, вечный противоречник, копошился в бане.

- Дай мне, - вбежав в дом, закричал Петька, - твой домкрат от машины.

Супруга иронично пожимала плечами: зачем, мол, он ему? И что, разве это самое важное сейчас?

Но дала.

Перекуривая, я заглянул в баню: стойка оказалась коротковатой, и пьяный Петька пытался подпереть ее снизу домкратом. Но домкрат был непонятной конструкции. Некий циркуль, который каким-то образом должен разворачиваться. Я покрутил его в руках. И тоже так ничего и не понял.

- Отпили и подбей, как в шахте делают, нужной длины стойку, ведь домкрат-то все равно потом придется отдавать, - только и смог посоветовать. - Сестре ведь и зимой ездить на машине. - Петька задумался. Помолчал. Пошел поговорить с женой. И неожиданно почему-то уже надолго охладил к кровле: не падает на голову и ладно. - Пойдем лучше дров принесем да растопим.

Я сидел в бане. И смотрел на запотевшее посередине и замерзшее по углам оконце.

За ним горела лампочка, освещая не первые, уже большие сугробы, теплицу и чуть-чуть парную.

На мокром стекле, похожие на стружки от карандаша, лихорадочно пытались ползать три-четыре мотылька, волока крылья. А вдоль замазки по периметру бежал маленький паучок. На улице только белые мухи, а тут жизнь продолжается. По какому-то неведомому нам божьему сценарию. Похожая, скорее, на упущение, на ошибку оцепеневшей природы. Случается, хозяева не топят баню неделями, греют воду дома и моются в ванной. Баня вымерзает. Как удалось выжить насекомым? Чем они питаются? Мотыльки, наверное, довольствуются органикой из влаги, а паучок охотится, что ли, за мотыльками? Только паутины у него почему-то нет. Ни в одном уголке. Может, он ловит их так?.. Без паутины? - Я плеснул на каменку.

Резь от горячего пара заставила схватиться за уши. А насекомым хоть бы что - стали только подвижнее. Один из мотыльков сполз, скользя по влаге, в самый низ, и я увидел, что прямо на него бежит паучок. Наконец-то! Сейчас, конечно, схватит и полакомится. Но вот они столкнулись, недоуменно и, как мне показалось, даже дружелюбно ошупали друг друга лапками и снова - в разные стороны. Не баня, а какой-то Ноев ковчег!

Чем-то разительно эти маленькие существа напоминали всех нас, меня, Петьку, сестру, других моих родственников, друзей, просто знакомых.

Я сидел в бане; и не переставал удивляться всем этим странностям...

Лунная девочка

- Геля или Лина? Скажи-ка лучше сама, как тебя называть?

- Ангина, - склоненная к плечу головка с взлохмаченными и налипшими на лоб жидкими волосенками, под которым два озорных буравчика.

- Ангелина? — переспрашиваю: откуда же ей знать слово «ангина».

- Нет, Ангина. — Собравшиеся у Юрасовых гости переглядываются, смеются. Закатывается звоночком и Ангелина.

- Ну выдумщица! — удивляется Зина, которая всего неделю назад взяла девочку из детского дома. — Давай-ка я тебя причешу, умою. Набегалась...

Сначала Зина хотела ее удочерить, но в городской администрации отсоветовали, это же навсегда, а вдруг ребенок не приживется, не примет новых родителей или вам самим захочется с ней расстаться — всякое ведь случается. И хотя моя сестра сразу же отвергла такой поворот событий - «Чур вас!» - все же оформила она опеку.

Два года как потеряли они сына, разбился на куленной им тогда легковушке. Я по-прежнему изредка навещал Юрасовых, сосредоточившись на огороде, где они выделяли мне под картошку землю. Но как вести себя с ними, о чем разговаривать, никак долго не мог взять в толк. Боялся я коснуться кровотока раны. Время, говорят, лечит, но рубцы остаются.

Я видел, что жизнь Зины, которая, как льготница, рано вышла на заслуженный отдых, вдруг разломилась на две части. На прошлое, заполненное снешкой, поездкими ни свет ни заря в другой город на работу, переживаниями сначала за полрастающего, а потом и за взрослого сына, затянущимся из-за безденежья строительством собственного дома и на настоящее, где все, к чему она стремилась, уже, вроде бы, есть, вон как зажили — иные соседи завидуют, но какая леденящая пустота вокруг...

Сашка затаялся, еще больше ушел в себя и в дела, которые, как пенсионер, тоже мог бы уже оставить, а теперь прямо, как ошалел: служба, служба... Она у него по суткам, связана с дальними командировками. О чем думал Сашка, пытаясь напиться в баре перед приходом домой, что переживал — клещами не вытянешь. Зная его, Зина и не пыталась. Жила механически, на старом заводе, руки сами что-то делали, ноги ходили. Перекидывала уголь, разводила цветы, выщипывала траву, кормила кур, да уже и не кур, а единственного оставшегося у них после похорон и поминок, очень ценного сдю старого петуха и надоедливо го скулящего Черныша на цепи и, конечно, без конца навещалась на могилку, где через год они поставили памятник. Зина, если не на кладбище, так целыми днями — одна. Сядет иной раз на крыльцо: «Все, как раньше, но только зачем, для чего?» Пустота и в ней, и вокруг нее, и у каждой вещи, к которой она прикасалась, своя маленькая пустота. Как не хватало ей заботы о ком-то! Так и появилась у нее мечта взять ребенка из детского дома.

Родня, прознав о том, отговаривала, в выражениях кое-кто не очень стеснялся, слишком уж необычный поступок собиралась она совершить:

- Ну сумасшедшая! И думать об этом запрети себе.

- Не надо, Зиночка, милая...

- В таком возрасте-то? Тебе ведь даже не за сорок уже...

- Благородно, конечно. Но о свободном времени придется забыть. Когда для себя-то начнешь жить?

Я тоже в унисон сказал, что не стоит этого делать: если возьмешь ребенка, назад пути не будет.

Но, похоже, что с Санкой у них вопрос был уже решен.

В тот раз мы собрались у Юрасовых, чтобы познакомиться с Ангелиной. Она очень быстро освоилась. Ее «топ-топ» — повсюду. В прихожей, на лестнице, на втором этаже, где ей выделили сыновнюю комнату. То куклу несет показать, то обновки. Ко всем льнет, просится на колени и всех называет мамами и папами. Это озадачивает. Но, видно, так настраивали их в детском доме: вся жизнь — ожидание, когда тебя отсюда заберут. А кто может забрать? Конечно же, только мама и папа. Это уже и не родители, а любые мужчины и женщины, которые по какой-то причине не могут иметь своего малыша.

Зина, стоит ей это услышать, меняется в лице, злится. Такое начало несколько корбит, но Зине видней. Ведь ей наверняка сказали, как обращаться с девочкой.

- На колени не смей, — дергает и тянет ее к себе за платьице Зина. — Сашка ей уже дважды говорил об этом. Ни к кому. Особенно к дядям. А мама у тебя теперь одна — я. А кто твой папа, знаешь? Где он?

- Он на службе.

- Правильно.

Взгляд у Зины только что строгий, обиженный, смягчается, снова блестит. Но такое чувство, что ей неловко. Будто она находится не у себя дома, а где-то в гостях, и нечаянно разбила чашку. Видна в ней какая-то растерянность.

Неволью пытаюсь понять: выдержит ли, справится ли с новой обузой? И тут же сам себя одергиваю: нелепые мысли, куда ж ей теперь деваться?

- Ой, какая она умная, терпеливая, — продолжает Зина, когда девочка в очередной раз куда-то убегает. — Вчера сказки ей читала, двести страниц одолели, мне уже надоело, а она хоть бы шелохнулась. Так что не всегда она такая егза. Это вас, новую родню, увидела, вот и лезет из кожи вон, чтобы понравиться...

- Там-то, в приюте, поди, сказки им не часто читали?

- Не знаю. Говорят, читали. Но девочка дикая. Росла как бы сама по себе, в обстановке постоянной борьбы. Группы у них смешанные, разновозрастные. Мальчики и девочки вместе. Старшие девочки над ней издевались, связывали за чем-то... Увидела чайники: а это что? Как с Луны свалилась. Чаем их, что ли, там не поили? В первый день подстригла ей ногти на ногах: аж внутрь загибались. А теперь, говорю, уберем ногти пылесосом, принесла, включила, а она в рев, «Не хочу!» — кричит. Я не сразу сообразила из-за чего: оказывается, она никогда раньше не видела пылесос и подумала, что теперь я буду толкать туда ее пальцы...

- Ну пылесос-то, наверное, видела. Да только какая-нибудь нянька запугала ее им. Чтобы не лезла к электричеству. Слишком уж бойкая. А с чаем: ведь заваривают его там в большом котле, как в армии. Потом разводягой, то есть поварешкой, разливают по стаканам. Какие чайники? — высказал я предположение.

- Может, и так: не придуривается.

И все равно: многое было чудно. Впрямь: как с Луны!..

Перед обедом мы вдвоем с Ангиной пошли в лес. На городской окраине, где живут Юрасовы, лес рядом, рукой подать, и глубоко мы не заходили, но для нас все было внове. Сколько насекомых, разнообразных деревьев, высокая трава. Бежала она впереди меня и часто останавливалась, наклонялась, иногда исчезала, и мне приходилось ее кричать. Тут все не такое, как у них в детдоме или у мамы во дворе.

- А это как называется, а это?.. — возторгалась девчонка. То ли и впрямь тому, что увидела, то ли из-за появившейся возможности доверительно пообщаться с тем, кого ей представили, как дядю, показать себя.

- Шиповник, мать и мачеха (я запнулся посередине названия), чертополох, он колючий, смотри, как его много, будь осторожна, — объяснял, — а это душица, запомни соцветия, мы ее нарвем...

- А кого душишь? — испуг в глазенках. Я уже привык к таким неожиданностям.

- Из нее чай заваривают, очень ароматный, вкусный...

Я нарвал себе для дома душицы, насобирав ее буро-сиреневым букетиком для своих новых родителей и Ангина. И еще мы принесли поджидавшим нас во дворе за столиком родственникам несколько тяжелых, черных от ягод веток черемухи.

Зина уже резала зелень, разливала суп.

- Раньше никогда не готовила обед, суну себе булочку в рот и сыта, о еде не думаю до вечера, а теперь приходится. Все по полной программе...

- А ест она, ест как. Без колбаски не может, — уже об Ангелине, с восхищением. — А водянистая была, под глазами темно. Наголодалась, видать...

- И все же ты молодец, Зина, что так поступила, — сказал я ей тихо.

После обеда занялись ветками черемухи.

- А с косточками можно? — приставала Ангина к матери.

- Нет, нельзя. Ни в коем случае.

- А я ем. Смотри, как грызу, а у меня молочные зубы. И ничего мне не будет. Видишь: живая.

- Ну и зря, — встрял я в накалявшийся разговор матери с дочерью. — Раньше я тоже ел черемуху с косточками. А теперь без зубов. — Я таинственно отозвал ее в сторонку. — Смотри, и только никому не рассказывай. — Девчонка кивнула: мол, о чем речь, вместе в лес ходили, это будет наш секрет.

Я вытащил изо рта нижний протез, и тут же быстро поставил его на место.

Наверное, зря ее новый дядя это сделал, потому что удивление в округлившись глазах Ангины, причем, смешанное со страхом и сочувствием ко мне было неописуемо. Тем не менее, любознательная девчонка стала просить, чтобы я повторил фокус. И так было всякий раз, когда я к ним приезжал. До нее никак не доходило, что можно иметь искусственные зубы, внешне совсем такие же, как настоящие.

В течение августа и сентября я не раз посещал Юрасовых, мне почему-то легче стало у них бывать, но не мог не заметить, что в отношениях между матерью и дочерью что-то не заладилось, хотя Зина продолжала по-прежнему хвалить Ангину.

Как-то привез цветные фломастеры, блокнот.

- Нет, — перехватила подарок Зина, — что надо, я сама куплю, незачем ее баловать.

- Так это ж я для развития... Тебе же лучше: будет рисовать, увлечется, а ты занимайся своими делами.

Зина заколебалась:

- Лина, где ты? Ну-ка иди сюда.

- Вот я, здесь, — сверху и быстрое топ-топ по ступенькам. — А, это ты приехал, ну здорово.

Я попытался пожать ей руку.

- Нет, не так!.. Давай сначала!

Снова протянул ей ладонь, и она по ней лихо, запанибратски хлоп своей: мол, вот как надо, отныне никаких рукопожатий между друзьями.

Зина прыскает, я тоже хохочу.

- Ну и удалая!..

- Пойдем, что ли, опять в лес? — без особой надежды.

- Нет, сегодня не пойдем, мне надо накопать молодой картошки.

- Я буду тебе помогать.

- Ты что, ничего не понимаешь? Я же тебя только что испугала, опять вся перепачкаешься, — не на шутку взвинтилась Зина. — Никакой картошки. Вот тебе дядя привез фломастеры, иди к себе, садись и рисуй.

- Нет, я буду помогать ему! Ты слышала? Хочу на огород...

Не раз мне приходилось видеть капризных, избалованных детей, часто подобные эксцессы сопровождаются истерическим припадком, солеными брызгами. У Ангины никаких слез, се буравчики стали алмазными. И от этого какой-то холодок шел по коже. Но Зина тоже упрямая. Вот уж где коса на камень.

- Кто тут кого воспитывает? — вступился я за Зину, грозя пальцем. — А ты уступи, — сказал ей. — Не по годам взрослая девочка. И своевольная. Ее не переладишь. Да и полезно, сама знаешь, это... оно, трудовое воспитание.

- Любит она работать. Всю посуду перемывает, стирает себе трусики, ленточки, а как ванну отчистила к приходу Сашки, сияет, я и не просила ее. А гордая! — рассказывала изменившимся голосом, с прежним блеском в глазах Зина, когда Ангина после моих слов о трудовом воспитании, так и не дождавшись разрешения матери, утонула на огороде искать лопату. — Были мы давеча в городе, в приют ездили, захотелось ей снова подружек повидать, пофорсить перед ними в обновках, снимки показать. Очень хочу, говорит, арбуз, а то старшие девочки его ели, а я еще не пробовала. «Ну же! тебе не давали, — говорю, — такие жадные?». «Нет, не жадные!». И знаешь, что она еще добавила: «Просто я никогда ни у кого ничего не прошу». Вот какая она у нас.

Зина появилась неожиданно, как тень. Тут только я заметил, что чем-то она похожа на свой ставший местами довольно таки запущенным огород, ее лицо мне показалось серым, почти сливалось с ним.

- Вот пришла посмотреть, как вы работаете. А знаешь, ты прав был, когда спросил, кто кого воспитывает. Вчера ходили с Ангелиной на могилку, сидела там и думала: кто у кого в опексе, она у меня или я у нее? Кто кому нужнее?

- М-да... — Я разогнулся и в сердцах вонзил лопату в землю. — Трудно ответить на эти вопросы. Сразу не разберешься. Наверное, тут обоюдное... Лишь бы не получилось, как в одной шорской сказочке.

- Расскажи.

Я взглянул на Ангину, которая в это время издевалась над найденными ею

колоратскими жуками.

- Пусть играет... Одно злое чудовище полюбило маленькую девочку и забрало ее в свой дворец на Луну. Так и осталась эта девочка там, а когда выросла, стала женой чудовища. Ей приходится много работать. В ясную погоду ее хорошо видно. Она стоит на Луне с коромыслом на плечах, на котором висят ведра. И подолгу с грустью смотрит на Землю, и плачет...

- И это все, что ли? А вывод какой?

- Это все.

Что-то изменилось в жизни Юрасовых. Похоже, к лучшему. Например, Сашка, по словам Зины, стал меньше нить, старался больше бывать дома. Однажды с зарплаты купил жене байковый халат, а Ангине куклу Барби. Но почему-то беременную. Под платье он ей не заглядывал, просто попросил в магазине Барби, ему и дали такую. Ангина тут же поинтересовалась: «А кто папа? В тюрьме, что ли, сидит, как папа Игорь?» В тюрьме, впрочем, сидел не папа ее, а отчим. А мамы, с сожалением, уже не было на этом свете. Не знаю, что между супругами случилось, но за то, собственно говоря, что случилось, и отбывал «папа Игорь» длительный срок наказания. Нет, у Барби должна быть более счастливая судьба. Зина заметила, что Ангина раздевает и укладывает ее спать в одну постель с Мишкой, а когда Зина взяла игрушку в руки, то ей очень не понравились натуралистические подробности, тогда она подобрала ей туловище от другой куклы, а это выбросила. Получился смешной уродец. Теперь недовольна была Ангина.

- Она родила, - чуть замешкавшись, объяснила Зина.

- А где ребеночек? А, знаю: у папы... - и побежала к себе наверх, в детскую.

Зине оставалось только плечами пожимать и вновь в который раз удивляться: «Такая пигалица, а все, что не надо, знает».

- Через год ей в школу, скорее бы. Ум у нее, сам видишь, какой. Цепкая, как репейник. Будет в классе отличницей, лидером. Не хватает ей сейчас общения с детьми. А может быть, - вздохнула, - станет хулиганкой, ох уж и даст она прикурить педагогам.

- Устала ты?..

- Не то слово. Тяжело с ней. И знаешь, согрешила, как страшно согрешила: недавно впервые нашлепала. Читала ей, как всегда, книжку. Но чувствую - глаза слипаются, никаких сил терпеть.

Дай, говорю, посплю малость. А ей приспичило прыгать на кровати, а когда надоело, легла рядом, и давай меня ни с того, ни с сего пинать. Пинает и пинает. Такая непослушная. Ну, я и взвилась, весь сон прошел. Сказала, что если она так будет себя вести, я верну ее туда, откуда взяла. Тут, прости Господи, и подняла на нее руку. А она мне: «Злая старуха! Я и сама от тебя уйду». «Ну и уходи, говорю, скатертью дорога». Топ-топ, смотрю: собирает вещи, упаковала все в свою сумку. Думаю, куда уйдет, а увидела ее уже на улице, перед домом. Остановилась, размышляет, что же делать... Через некоторое время вернулась, часа два не разговаривали. Она все стояла у окна, дулась, сухих паучков между рам разглядывала...

- Может, наоборот, надо было поговорить, приласкать?.. - высказал я наконец про ласку. - Ну не хватает девочке этого! А ты обращаешься с ней, как командир. Только и слышишь: это можно, это нельзя...

- Да разве же я не давала ей ласку, не позволяла многое?.. А теперь не знаю что со мной... Но не могу... Никак не могу ее полюбить. Не люблю и все, - неожиданно призналась Зина.

От таких слов меня будто током обожгло до внутренности, но Зине точно стало немножко полегче. Выговорилась. Я попытался перенастроить сестру: несомненно даровитый ребенок, может, станет ученой, прославит их, а останется необразованной - что за славная работница по дому вырастет, сейчас нескладная, но какая сильная, широкоплечая, замсчала, поди, с тобой даже чем-то внешне схожа, чувствуется в ней рабочая косточка, вон с картошкой мне помогла, будет ухаживать за вами на старости лет, за чистотой следить, манной кашей кормить... «Если бы не был женат, честное слово, взял бы ее к себе, читал бы... эти проклятые сказки. Понравилась мне Ангина», - сказал даже. Но так же опрометчиво, очевидно, рассуждала и Зина, когда брала сироту. И рисовала себе в фантазиях некую милую Барби или Мальвину. С такими же голубыми, конечно, глазами и волосами. Совсем не испорченную. Этакую лунную девочку, приятную во всех отношениях, излучающую свет и тепло, признательность к приемным родителям. Где ее посадят, там и застанут, что покажут, тем и будет заниматься. А вдруг от нее не дождешься ни света, ни тепла? Вдруг она окажется не способной к тому? Ведь Ангина, хоть и маленькая, но, по существу, уже сложив-

шийся человек! Было же как-то: наставила на Зину ножницы, прямо в глаза тычет и смеется: «Мать и мачеха! Я тебя зарежу!..» Запомнила - таки!.. Я содрогнулся: как же теперь им дальше жить? Вспомнилось и из теленовостей: где-то в Америке судят женщину за убийство приемыша из России. Но там, видно, встал языковой барьер.

- Все равно перед школой устрою ее в садик, ей необходимо общение со сверстниками, - только и сказала Зина.

- А у нас сегодня кровавое воскресенье, так мама говорит! - услышал я сначала голос Ангины, а потом увидел и ее саму, она сидела на самом верху лестницы, приставленной к крыше. - Собака маминою петуха задрала и съела. Ха-ха...

- Сейчас же слазь, пока мама не увидела, не расстраивай ее.

Ангина проворно начала спускаться, хватаясь грязными ладошками за ступеньки, при этом на середине лестницы так покачнулась, что у меня сердце екнуло.

На этот раз все семейство было в сборе. Сашка пытался растопить камин, так как стало уже прохладно, был конец октября. Зина его отговаривала: ты сейчас снова напешься, а эта разбойница сунет туда газету и будет носиться по всему дому с факелом. «А ты-то на что?» - буркнул Сашка.

Оказалось, что Ангину уже неделю водят в садик. Она полна новых впечатлений. В первый вечер уже всех детей забрали, а она никак не хотела уходить: еще не наигралась. Особенно ее удивило то, что там никто не дерется: «одни хилыки». Воспитатели делились с приемными родителями впечатлениями, вежливо кивая головами: да ничего, сообразительная, на редкость живая, мягко говоря, девочка. Сразу же стала верховодить. Даже мальчики слушаются.

Все были расстроены в этот день. То ли из-за петуха, то ли из-за Зины.

- Такой красивый был, маленькой породы, - сокрушалась Зина, почему-то совсем осунувшаяся, похудевшая.

- Да и черт с ним, с четырьмя часами спать не давал, - остепенял ее Сашка. - Собаке не готовь сегодня.

- Лина, где ножницы? Опять брала? Где она? Все теряется, ничего не могу найти!..

- Да заткнешься ты наконец! - заорал Сашка. - Сама себя найди. Купил ей халат, а она ходит, как охланка.

Сделав поскорее свои дела на участке, я засобирался, день был прозрачно-

четкий, хотя и пасмурный, перед автобусом хотелось еще заглянуть в лес, чтобы проверить кое-какие свои догадки насчет последних опят. Но перед этим все мы расположились в прихожей, под лестницей, ведущей на второй этаж (мы с Зиной на табуретках, Сашка, развалившись, на своей любимой тахте). Семейство уже успокоилось, и разговор лениво шел о каких-то пустяках. Ангина как-то бочком приблизилась ко мне и тихо, чтобы никто не услышал, пролепетала с запинкой:

- Па... дя... Возьми меня на колени. - Сказано это было так, будто я мог ее спасти от чего-то.

Я взглянул на Сашку, на Зину.

- Нет, милая, дядя устал, сейчас, пожалуйста, я уже поеду...

- Иди ко мне, - сказала ей Зина. Наступило и потянулось молчание, которое вдруг прервала, вызвав наш смех, Ангина:

- И долго ты еще собираешься так у нас здесь сидеть?

Больше я Ангину не видел. Однажды спозаранку Зина собрала все вещи девочки, игрушки, вложила и альбом с фотографиями, однако только с теми, на которых Ангина была одна. Опрометью кинула себе в карман се зеркальце от пудреницы. Отнесла сумку в вызванное такси, которую велела водителю убрать в багажник.

- Куда мы едем-то? Опять к папе, да? - спросила еще заспанная Ангина, когда пересажали мост (как-то раз они уже бывали у Сашки в конторе).

- Нет, не к папе...

- А я уже догадалась: ты повезла меня снова к девочкам. Чтобы я поиграла. Вот здорово. Я и сама хотела тебя об этом попросить. Долго я там не буду...

В детском доме были предупреждены. Зина не успела даже попрощаться, прижать ее, Ангина сразу же кинулась с радостными возгласами к дверям группы.

Как малек, выпущенный в родную стихию. В свой полный опасности и остроты мир. Охранник приюта помог занести вещи. Зина постояла немного в дверях, как перед пропастью, кусая губы, затем с удивлением обнаружила зеркальце в кармане и пригладила выбившуюся из-под платка прядь. Но странное дело: на этот раз она не чувствовала в себе пустоты, нет, это была уже не пустота, в ее одиночестве вдруг все замерло и осело, будто придавленное чем-то сверху. Так бывает глубокой осенью, перед снегом.

В этой ее тишине долго еще звучало гулкое удаляющееся топ-топ маленьких но-

Театрик полутёмных признаний

жеск по облупившимся доскам коридора... ?missis Hellen Emil Markus... Да! ...Он молчит? Нет, он говорит. Он говорит молча.

Он смотрит не в тетрадку. Он смотрит на нее. Смотрит мысленно. Чуть-чуть растерянно. Тетрадку держит в руках только из вежливости. Ведь это она принесла ее.

Вот такой девочкой я была, такой, как другие мои подруги. Но все же не такая, как они. Он слышит это. Он восхищен...

Смотрит в тетрадку благоговейно. Но ничего там не видит. Потому что он смотрит сейчас на нее. На ту, далекую.

Он слышит сердечбиение школьницы, втихаря от родителей переписывающей из другой такой же тетрадки стихи: «Моей любви младой военнопленный...» От слова «любовь» щеки девочки загораются. Ну вот, опять эта краска! Девочка похожа на еще нераскрывшийся бутон розы. Впервые ему становится приятен этот душный, колючий кустарник...

Как он любит ее, теперь уже седой мужчина. Зачем дан ему этот растревоженный пронзительный взгляд?

И рядом с ним в кресле зрелая и красивая дама. Абсолютно недоступная. К тому же виртуальная.

Возраст ее только украсил. Но каким-то внутренним оком он видит в ней ту неуловимую школьницу, девочку.

Два времени сливаются в одно. Сливаются в ней.

Тихо и гармонично.

Его умиляет эта женщина.

Ему хочется хоть дождевой каплейкой случайно влиться в ее времена, которые теперь едины. У нее все было в жизни - не как в тетрадке. Хуже ли, лучше - он не знает. Скорее хуже. Ведь занесенные в тетрадку стихи, изречения, толкования новых для нее тогда слов и запретных слов, имена мальчишек - все обернуто в лепестковый ветер надежд, веру в счастье. Которое обязательно будет, когда она

станет большой и встретит ТОГО... Наступит ли счастье? Ему печально за нее.

Но разве счастье - самое главное в жизни, будет думать она. Живут же многие и без счастья, просто живут и все.

Соединение времен в ней теперь похоже на волшебную купель, откуда вышла она - вот такая, какая есть.

Он отласт ей тетрадку: «М-да, видел подобное.» Она кладет ее в сумочку. Он старается глубже вдохнуть запах духов «Сальвадор Дали», на сегодня самых ее любимых. Чтобы еще лучше понять ее. Но таких же горьких, как те сладко-приторные цветы! Он говорит ей тихо - так, чтобы никто из сидящих близ в этом старом театрике не услышал. Настолько старом, что вот уже ЗАВТРА его должны снести, и это представление - лишь «лебединая песнь» труппы. Он говорит: «Всю жизнь я любил только тебя. Я стоял ночью под окнами твоей квартиры. Зимой кидал в твоё окно снежки. Но когда ты выглядывала, я прятался

за стволом старого тополя».

Она смотрит удивленно. Хотя отлично знает, что так все и было.

«А однажды увидел тебя вместе с НИМ. Вы смеялись. Я на тебя обрушивал все звездное небо, а ты... ты все равно шла с ним. Даже не оглянулась».

«Ревновал?»

«Еще как!»

Свет гаснет. Начинается последнее представление на сцене этого театрика.

И тогда он кладет ладонь на ее колено. Она кладет сверху свою ладонь и прижимает его руку. У него замирает сердце. Всего одно единственное мгновение, длинное в акт ли, в целую пьесу? Оно оказывается таким значимым. Как будто только ради этой капелюшки счастья - всего-то лишь! - и стоило жить на самом деле!..*

*Все это навеяно стихотв. в прозе «Из недописанной повести... отрывок» Елены Есилевской.

Дмитрий МУРЗИН

Дмитрий Владимирович Мурзин родился в городе Кемерово 28 апреля 1971 года. Отец – горный инженер, мать – учитель русского языка и литературы. После школы окончил Кемеровский Госуниверситет математический факультет. Стихи начал писать в 18 лет. Долгие годы был сотрудником молодежного литературного журнала «После 12». В 1998 году поступил в Литературный институт под крыло к Игорю Леонидовичу Волгину. Институт закончил. Вышло четыре книги: «Белое тело стиха», «Ангелопад», «Полноценный валет» совместно с Алексеем Гамзовым и «Носитель языка». Участвовал в сборниках стихов «Площадь Пушкина», «Поэты Кемеровского университета», «Дороже серебра и золота». Публиковался в журналах «Москва» (2002г. №12), «Огни Кузбасса» (2005г. №4, 2006г. №3, 2007г. №4) «День и ночь» (2004г. №1-2, 2006г. №1-2, 2007г. №5-6, 2008г. №1). Член Союза писателей России.

Поздно, автор, слишком поздно

За окнами хмуро и сиво,
Уснёшь и увидишь во сне,
Что мир разделён на два мира
В какой-то ужасной войне.

В какой-то продуманной бойне,
В каком-то тумане и мгле...
И колокол на колокольне
Звонит обо всех на земле.

Ты держишь винтовку, как палку,
От страха и злости дрожишь,
Такой близорукий и жалкий
Кого-то убить норовишь...

Окопы, обстрелы и взрывы,
И будет всё именно так,
Пока не увидишь красивый
Пробитый осколками знак:

До вражьей столицы 2 мили.
И тут же проснёшься без сил,
От счастья, что мы победили,
И ты никого не убил.

Пока не кончатся патроны,
Пока не почернеет ворон,
Мы выстоим. Но наши жёны
Возьмут нас лаской и измором.

Пушай взирают благосклонно
С доски почёта наши лица,
Мы хороши, но наши жёны
Нас знают лучше сослуживцев.

Пусть на заре прихлынут волны,
Поймём, что никуда не деться...
Мы не рабы! Но наши жёны
Похожи на рабовладельцев.

Катит шарик скарабей
Из навоза и песка.
Покопаешься в себе:
Всё одно – одна тоска.

Вот усмешка на губе,
Вот чернила, вот февраль,
Покопаешься в себе:
То аптека, то фонарь.

Грибоедов на арбе
Едет Пушкина встречать...
Покопаешься в себе,
И охота закопать.

limita la commedia

Каждый год усталая провинция
Лучших сыновей и дочерей
Посылает, чтобы откупиться,
В главный город Родины своей.

Чтоб найти себе в столице нишу,
Сядут в самолёты, поезда
И покинут город их возраставший,
Чтобы не вернуться никогда.

Станут кофе пить в кафе на Бронной,
Будут пачкать Чистые пруды...
В сумерках покурят на балконе –
И звезда полей им до звезды.

Край родной повспоминав ночами,
Выбросив от прошлого ключи,
Станут даже больше москвичами,
Чем все коренные москвичи...

Будут на работу торопиться,
И красот Москвы не замечать.
Будут новым жителям столицы
В спину «понаехали» ворчать.

Жизнь пройдёт, как очередь у кассы
И шепнёт: «Чего-то мне херо...»
Пушечное офисное мясо,
Пассажир московского метро.

Поздно, автор, слишком поздно.
Завертелся твой сюжет.
Он уже несёт ей розы,
И назад дороги нет.

Всё уже в ней сердцу мило,
Коток уже увяз.
Автор ничего не в силах
Изменить на этот раз.

Всё – на взводе, всё – на нерве.
Поцелует полон рот.
Только он – совсем не первый
Кто, как в пропасть, к ней шагнёт.

Автор нагуляет проседь,
Но не выдержит – шепнёт:
- Да она тебя же бросит!
Зачеркнёт! Перелистнёт!

Так и будет, так и будет,
Ты уж автору поверь...
И не станет бить посуду –
Просто выставит за дверь.

Автор спит, но ранит душу
Еле-еле слышный глас:
- Автор! Я тебе не слушал...
Автор! Что же ты не спас?..

- Что-то рано ты ликуешь,
Рано екает в груди!
Так – меня не завоеуешь!
Ты по воздуху иди!

- Может – рано я ликую,
Может – и наоборот!
Но тебя я завоеую!+-
И по воздуху идёт.

- Ты явился слишком поздно
И с другим мне хорошо!
И его – не держит воздух
По которому он шёл.

Что тебе мир, валяющийся у ног,
Будто не ты, а мир беспробудно пьян.
«Есть ещё Океан!» - говорящий Блок.
«Есть ещё Блок!» - отвечающий Океан.

Есть ещё порох на складе пороховом.
А на продуктовом складе нет ни шиша.
То, что писал топор – зачеркнёт пером
Сытое тело. Резиновая душа.

Бутылки стоят, забвениями дразня,
Но чем дешевле питье – тем мертвее сны.
Будут конфликты. Мелочная возня.
Только возня. И никакой войны.

Каждый забился в свой отдельный мирок
Напоминающий пластиковый стакан.
В мире, почти забывшем,
что есть ещё Блок.
В мире, почти забывшем, ЧТО есть Океан.

Прибыль растёт, растут объёмы продаж.
Даже зарплата – медленно, но растёт.
С прошлой полочки приобретён трельяж,
С этой полочки можно купить комод.

Случка «американ дрим» с русским «давай»
«Этой страны» бездонные закрома...
Яблоко капитализма, советский рай.
Если не пить, то можно сойти с ума.

Я и не пью. Я и почти сошёл,
Глядя на эти нравы и времена,
Кроха не знает, что плохо, что хорошо,
Если что и спасёт – так только война.

Только война расставит всё на места,
Только война и только враг у ворот.
Только странная надпись на пол-листа:
«Офис закрыт. Офис ушел на фронт».

Жизнь похожа на монету
Аверс там, а реверс здесь.
Счастье есть, а чаю нету.
Счастья нет, а сахар есть.

Ин и янь не уживутся,
Решка закрывает орла.
С голубой каёмкой блюдец
Опустело. Все дела.

Счастья нет и денег нету,
Кошелёк пустой дотла.
Словно из ребра монеты
Эта женщина была.

Давай я тебя выдумую.
Давай я тебя выдумую капризной.
Ты будешь дуться на меня за верлибр
И просить сонет.

Я выдумую тебе
Лукавые глаза,
Непослушные волосы,
Веснушки,
И всё остальное.

Ты скажешь:
Открой дверь
Закрой глаза.

И войдёшь.

Я спрошу:
Где ты была?

Ты ответишь:
Ходила за хлебом.
Купила сумочку.
И у меня не осталось денег.

И когда ты раскрываешь объятия,
снимаешь платье,
Путаешься в чулках,
будто ногу вставляешь в стремя,
Я вдруг вспоминаю, что платье –
китайское, как проклятье:
«Чтоб ты жил в интересное время!»

А когда меня оставляют силы,
Мысли становятся вязкими,
словно тесто,
Я шучу, что поскольку рождён в России,
Интереснее времени может
быть только место.

Таяна ТУДЕГЕШЕВА

Думы - караваны...

Из книги «Небесный полёт девятиглазых стрел»

АБИНСКАЯ СТЕПЬ

Степь Абинская —
как забытая мать седая:
Все пути караванов её
уж давно заросли.
Она вечно глядит
то в священные горы Алтая,
То в безмолвие Синей Тайги
долгий взгляд устремляет.
Ждёт своих сыновей,
что за Солнцем навеки ушли.

Древний воин Аба-Тура,
позабывший веками,
Сквозь столетия глядит
на Кузнецк-город — «Бурный котёл».
Жизнь промчалась, как скачущий всадник,
исчезнув с дымами,
и тумены-года
в Горизонтах исчезли войсками,
и зарницы тревожных эпох
ветер студёный размёл.

Бьются думы о Прошлом, томят...
Плачет ветер во мраке, стена...
Может, крик мой услышит
пространство ушедших Вреён?
Натяну тетиву я из слов,
истории бег нагоняя,
Разбужу от дремучего сна
ширь Великой Степи, высь Алтая —
И очнётся седая земля,
забытая сбросив плен.

ОТ СВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛИ

На земле предков дремлют седые века,
А душа молча плачет, утратив дороги,
По которым впервые
нежной мамы рука
Повела в жизнь,
устало поставив на ноги.

И пошла по земле я на слабых ногах,
Беззащитной девчонкой, хранящая Небом.
По неведомым тропам, в чужих городах,
Направляясь к вершинам
с нехоженым снегом.

Ледяные ветра хлестко били в лицо,
Вслед свистели метели, устав от погони,
А в глазах — мать с отцом,
опершись на крыльцо,
Всё, сутулясь, стоят, как
с молитвой, в поклоне.

От священной земли поднималась в полёт,
Камнем падая вниз, я взлетала ввысь снова.
Мне казалось: с высот голос предков зовёт,
Покорять вышину призывает сурово.

У тайги научилась, живя, побеждать,
Узаоблачных гор — сторожить зорко недра.
У стремительных рек —
в горе не унывать,
У могучего кедра — добро сеять щедро.

Пу, а если случится мне
в пропасть упасть —
На крылатых легендах взлечу в выси снова!
И во мне спят века, их шаманская власть
Пробуждается магией вещего слова...

ПОЗДНО

Мне ни к чему теперь ненужных
слов любезность
И позднего раскаянья холодный пыл.
Твои слова — как трав
усохших бесполезность,
Им расцвести уже не хватит нынче сил.

О, где ты был вчера, когда ночные птицы,
Чертя круги, глумились
хищно надо мной?..
Той ястребиной ночью только
лишь зарницы
Смотрели в душу мне с печалью неземной.

Ты жил в тиши, когда
о стремя гулко билась
Врагом распятая поэта голова,
Когда из сердца кровь ручьем струилась
И гибли под копытами коней мои слова.

Но дух мой жив ещё.
Я вижу сердцем вещим:
Рассветный луч изгонит
мрак с ночных полей.
И слышу: «К солнцу!» —
так кричат по-человечьи
Не ястребы, а стаи белых лебедей...

ПИСЬМО В МИР ЗАКАТОВ

Моему отцу —
Василию Васильевичу Каныпгарову

Папа!!!
Вот пишу я письмо,
и пред памятью дрогнула строчка...
Жаль, при жизни твоей
не пришёл долгожданный рассвет.
Я уже повзрослела,
твоя непослушная дочка,
И тебе в край Закатов
всё шлю запоздалый привет.

Папа!!!
Стужу-Время прости,
что Судьба тебя не согревала,
Что непонятым жил и мечтал
среди Эпохи измен.
Над тобой вьюга смерчем кружила,
пути заметала,
Но ты, выдержав вихрь,
не дождался тепла Перемен.

Без тебя много трав проросло,
расцвело и увяло,
Много лун без тебя, народившись,
навеки ушло.
Солнце так же восходит лучисто,
уходит — устало,
Но над жизнью суровой твоей,

засияв, не взошло.
Каплям мыслей твоих
почему ж, папа, я не внимала?
Легкокрылой волной
по реке жизни ветром несло.
Поздно плачу,
но в розовой юности не понимала,
Что на свете без глаз мне твоих
будет так тяжело!..
Жизнь струится, бурлит,
и ничто будто не изменилось,
Так же реки бегут,
унося горе-радость с собой.
Мир надеждой живёт,
полагаясь на Божию милость,
Но нет мира того,
что навеян был только тобой!..

ЖИЗНЬ, ХЛЕСТНУВ, НАУЧИЛА

Вот и я научилась все боли терпеть,
Прятать внутрь нестерпимые раны
И не плакать от слов, беспощадных, как плеть,
Значит, крест на себе ставить рано!

Жизнь, хлестнув, научила галопом летать
На коне сквозь терновник и ели
И одной на скаку, словно дружная рать,
Покорять неприступные цели.

Но растерян мой ум, когда труссы плетут
За спиной хитромудрые сети.
Пуля тем и страшна, что её в лоб не шлют,
Чаще — из-за угла, в тихом месте...

О, не надо смотреть сквозь
прищур узких глаз
На меня: всё равно бесполезно!
Я в неравной борьбе умирала не раз,
Сердце — в шрамах.
(Я стала железной).

И не бойтесь, клеймя, выжигать мне тавро:
Я душой зачерстветь не сумела.
На ревнивое зло — всем желаю добра,
Неуклюже, порой неумело.

Всем когда-то придется порог разметать
Меж неправдой и праведным делом.
Неподкупный Судья нам наложит печать,
Разлучив навсегда душу с телом.

Потому научилась молчать и терпеть,
Искував губы в кровь, прятать раны
И не плакать от слов, беспощадных,
как плеть,
Ведь во мне бьётся кровь Чингисхана!

ТОЛЬКО ЗДЕСЬ

Только здесь, в пределах края вечного,
Головой склонюсь, колена преклонив.
В золотистых бликах утра млечного,
Средь долины, у ручья беспечного
Упаду на бархат трав, про всё забыв.

И забуду сумрак часа горького,
Снежный ветер, рвущий дерзко все пути.
О душа, прости ошибки прошлого!
Не предречь пути опасно — скользкого,
Только смерть понятней жизни впереди..

Я умру в пределах края отчего,
Тихой осенью навек покину дом...

Над долиной, у ручья проточного,
Начертав на небе имя прочное,
Отгорит моя звезда, блеснув клинком.

ГРУСТЬ ОДИНОКОГО ЖУРАВЛЯ

Что позволило тебя вдаль
из тихого, мирного луга?
О, зачем же тебе горизонт
в дымном небе чужом?
Иль тебе надоела
заснувшая в ивах лачуга?
Разделив мир крылами,
зачем ты покинул свой дом?

До последней луны
все смотрю в небосвод без ответа;
С вышины тихо в душу
глядит одиноко печаль.
Над чужим горизонтом
кочует туман без просвета,
Заслонив от меня сизой мглой
молчаливую даль.

Возле плачущих ив
остаюсь жить в забытой лачуге,
Мир неведомый веет вокруг
от пустынных полей.
Может, в той неизвестной дали
вспомнишь ты об оставленном друге
И весной весть пришлешь мне со стаей
друзей-журавлей...

Воркует человек, что голубь,
Когда он хочет угодить всем.
Рычит, как медведь недовольный,
Стараясь угодить лишь себе.
Есть люди — трусливы, как зайцы,
Но, как лисы, другие хитры,
А третьи — коварны, как змеи.
Когда бы в одном человеке
Три качества мирно сплетались:
Сердечность добрейшего зайца,
Расчетливость умного лиса
И гибкая мудрость змеи!..

Кедры мои печальные,
Легко ль вам всю жизнь стоять,
Скорбный обет молчания
Пред Небом высоким держать?

Где родина птиц непуганых,
Певцов тишины лесной,
Там кедры за всех поруганных,
Как воины, встали стеной.

Лишь эта тайга печальная
Помнит отца и мать...
Родина изначальная,
Мне здесь — вековать, умирать.

Худая молва —
Дурная трава.
Пустая трава,
Ползучая.
Молва — что змея:
Опасна она,
В сердце ужалит
Ждёт лучшая.

Людмила ЛУКЪЯНЦЕВА

Рельсы судьбы

Рассказ

- Андрюша, вставай, пора идти на работу. Завтрак на столе, нажарила тебе картофельных драников — сметана в блюдец. Чай заварила черный, со смородиновым листом, как ты любишь.

Андрей Каюров любил хлопотную жену — от Марии всегда веяло спокойствием, добротой и врожденной мудростью. Порой в народе говорят: «Живет за мужем, как за каменной стеной!» Только в их семье было все наоборот — жена стала для него защитной каменной стеной.

Она родила ему шестерых ребятшек. Старший сын Володя походил на дедушку, родился рыженьким, как солнышко, младший сын Саша — на отца. Четыре дочки — Фаина, Маша, Люда и Аннушка — разделились пополам: две на него, две на Марию. Дядя на жену, думал: «Как она успеет справляться с детьми, многочисленным хозяйством, уборкой по дому — не забывая о внешности? Двужильная, что ли?»

Андрей до женитьбы долго ухаживал за Марией. Нравилась парню ее статная фигура, черные косы, глубокие ямочки на обсах щеках.

Влюбился сразу в голубые глаза доброй девушки, но больше в душу запала милая приветливая улыбка будущей невесты. Упорным ухаживанием все-таки своего добился — Машенька стала любимой женой. Порой он спрашивал жену:

- Машуль, скажи, за что ты меня полюбила? За тобой такие красавицы ходили, не мне чета!..

Мария строго, задумчиво смотрела на него, потом застенчиво улыбалась и говорила:

- Знаешь, красота для меня ничего не значит. У народа есть мудрая пословица: «С лица воды не пить». Тебя, Андрюша, полюбила за твою добрую душу, оставайся таким всегда, и мы никогда не расстанемся.

Усевшись за стол, налил из старого медного самовара чай, вдохнул в себя смородиновый аромат — блаженно улыбнулся. Запах душистых драников заполнил весь дом. Взял драник в руку, обмакнул в сбиту Машей из молока домашнюю сметану и с наслаждением положил в рот.

Он всегда ел с большим удовольствием стряпню нареченной половинки. Съев больше десятка вкусных картофельных оладьев, сладко, до хруста во всем теле, потянулся и подумал: «Господи! Как же хорошо жить на свете! Как немного нужно человеку для счастья — дом, построенный своими руками, цветущий яблоневый сад, разбитый им, женой и детьми. Корова Зорька — кормилица семьи, овцы, куры с голосистым петухом Яшкой, боров Митька, лохматый пес Полкан, кошка Муська — вот вся эта спокойная размеренная жизнь с любимыми детьми, женой и есть настоящее счастье». Налившись чая, Андрей расцеловал жену в обе разругавшиеся щеки и отправился на работу.

Уже двенадцать лет он трудился на железной дороге путевым обходчиком неподалеку от Арзамаса, на станции с лирическим названием Соловейка.

Его дом стоял на границе двух дорог: Горьковской и Казанской.

Из-за такого расположения дома семьи Каюровых друзья прозвали Андрея Ивановича в шутку пограничником. Весело говорили:

- Наш Иваныч (так уважительно называли его молодые путейцы) ни одной шелочки между рельсами не пропустит, ни одного нарушителя, у него глаз — алмаз...

Именно он смог навести порядок в арзамасских механических мастерских среди молодежи.

Взял да и придумал «Книгу совести», в которой нарушители дисциплины сами давали оценку своим поступкам, обещая их больше не повторять. И действительно, больше не повторяли. Андрей Иванович молодец! И семьянин хороший — есть с кого брать пример.

И, правда, Андрей не курил и не пил, на это у него просто не было времени. В свободное время сочинял заметки о работе друзей в газету, писал грамотно, несмотря на то, что за спиной было всего четыре класса начального образования. Правда, орфографию, для верности, просил проверить дочку Людмилку, которой Бог с рождения дал талант к русскому языку.

Андрей Иванович любил свою работу, казавшуюся не очень трудной, но, увы, тревожной — не дай Бог, не доглядеть разошедшиеся рельсы — неминуема авария техники.

Страшнее всего, если она повлечет за собой человеческие жертвы.

Сколько же километров прошел он по железнодорожным путям за эти двадцать лет? Наверное, земной шар уже обогнул два, а может, три раза, если бы отправился в кругосветное путешествие. Шагая по шпалам, внимательно смотрел на рельсы, вбитые костыли, чтобы не пропустить малейшего развода рельсовых путей. Иногда в глазах начинало рябить, тогда останавливался и смотрел по сторонам, давая отдых глазам.

Каюров знал наизусть деревья, кусты, росшие по обеим сторонам дороги. Помнил каждую полянку, болотце, каждый бугорок, на который садился отдохнуть, когда падал от усталости и тихонько, как бы уговаривая самого себя, приговаривал:

- Вот посижу немножко, дам отдых своим ходункам и дальше пойду мерить нареченные судьбой версты. Только бы ничего с дорогой не случилось. Знаю! Знаю, от меня, да от тебя, родимая дороженька, зависят многие жизни людей. Ну, ладно, вставай, Андрюха, пойдем дальше, уже немного осталось колобродить, всего-то четырнадцать километров.

Вставал и снова шел вперед, не думая о боли в натруженных ногах и ломоте в уставшей спине.

Особенно Андрей любил высокую круглую сопку, созданную искусственно из насыпной глины при строительстве дороги.

Уже давно она сиротливо маячила на

виду у мчавшихся мимо поездов, у приходящих в лес грибников.

Андрею казалось, что сопка стыдится своей наготы, пожалел неприкаянный холм, решил прикрыть деревьями и кустарниками. В их саду разрослась вишня, но весне поросль приходилось вырубать.

Накапал поздней осенью молодых побегов любимых деревьев и посадил на оголенной сопке. Рядом с вишней приютил четыре яблоньки, три груши, семь слив, а чуть позже нашел место для черемухи, калины и жасмина.

На самой верхушке посадил два дуба и два кедра. Пусть будут восходами маленького райского уголка. Деревья и кустарники быстро принялись, потому что осень затянулась и напоила землю и корни дождливой влагой. Вскоре сопка стала не только его любимым местом, но и других селян.

Много влюбленных пар наполняли знойный воздух флюидами своих чувств. От них сопка клубилась белым облаком, источала душистый аромат, а осенью дарила вкусные сочные ягоды. Однажды, кто ее следов таковой красавицей, люди дали ей имя — Андреевская сопка.

За столько лет работы Каюров научился замечать малейшие изменения в природе. Придя с работы, домой, говорил ребятишкам с улыбкой:

- Я сегодня в лесу повстречался с весной. Она пряталась от меня за березкой. Думала, что не замечу ее, а я заметил. Там, где она стояла, осталась маленькая проталинка.

Видел зеленоглазую красавицу отдыхающую на нашей сопке...

Поднялся наверх и обнаружил рассыпанные ею по земле первоцветы: подснежники, стародубки, кандыки и медунки.

Весна и вам прислала в подарок цветы. Посмотрите, какие они красивые, пахнут свежестью и снегом.

...Младшие дети Людмила, Анютка и Машенька подбегали к отцу, он раздавал каждой из них по весеннему букетику цветов. Старшие Володя, Саша и Фаина загадочно улыбались, потому что знали, весна несет с собой не только первоцветы, но и волнующее, бердящее душу чувство — любовь.

Андрей больше всех любил весну: за нежную клейкую светло-зеленую листву, за белые кипенные сады, за шум и гам, устроенный перелетными птицами. Всегда с удовольствием бегал в детстве и в юности с друзьями смотреть на ледоход, покататься тайком от родителей на льдинах — поблагодарить смелостью перед девочками. Плыть и думать: «Я не боюсь, не боюсь! Я смелый, как Валерий Чкалов!»

Правда, за такой подвиг отец однажды прямо на берегу отдрал его розгой. Андрей молил только об одном, чтобы отец не снял с него штаны, потом от девочек стыдобы не оберешься. Старшеклассники в школе будут ехидненько спрашивать:

- Ну, что, каюрик, сидеть-то сможешь, или в вечного пенька превратился? А, может, в неваляшку, она тоже не садится, не ложится?

А потом зальются зловредным смехом. К счастью, отец штаны не снял, наверное, вспомнил, как сам когда-то катался

на льдинах и так же получал порку от отца. Иван так отхлестал Андрея по спине и ниже, что тот, действительно, не мог сидеть за партой без выступивших на глазах слез.

Весной и работать было легче: не стояла испепеляющая жара. Рельсы и шпалы не раскалялись, не жгли подошвы ног. Главное, воздух...

Этот особенный аромат, исходивший от цветущих деревьев, от испаряющейся земли, первоцветов — пьянил и кружил голову. Андрею в это благодатное время хотелось скорее возвратиться домой и, обняв нежно Марию, наговорить ей море ласковых слов.

В ответ услышать призывный смех жены. После весенних волнующих сердце почой появлялось в их доме желанное звонко-голосое дитя.

Лето — солнечное лето!.. В детстве он наслаждался жаркой порой. Не вылезал с друзьями из речки. Не было искуснее ныряльщика под воду, чем он, умел дольше всех задерживать дыхание под водой. А какое наслаждение приносила запрещенная родителями ночная рыбалка. Бывало, прибежит в полночь дружок Вася Сковорцов, кинет камушек в окно и тихонько позовет:

- Андрюха, вставай, пошли на рыбалку, я много червей накопал, на двоих хватит. Слышишь, что ты там возишься, давай скорей, а то наше прикормленное место Петька Самохин с Ванькой Симкиным займут.

Андрей высовывал взъерошенную голову в окошко и шепотом ворчал:

- Да тише ты, мамку разбудишь! Накроется тогда наша с тобой тайная рыбалка.

Затем брал приготовленную заранее котомку с пирожками, бутылкой молока и удочку, запрятанную с вечера под кроватью, и выходил через окно во двор.

Полкан, увидев друзей, начинал прыгать, повизгивать, просился с ними на волю. Но Андрей знал, что пес должен оставаться у дома, чтобы охранять его обитателей.

Мальчик с сожалением доставал из котомки пирожок с ливерной начинкой, клал в собачью миску и тихонько приговаривал:

- Ешь, Полкаша, пирожок, только не подавай голос, а то отца с матерью разбудишь — походит тогда по моей спине отцовский ремень.

Пока Полкан заглатывал пирог, они, пригнувшись к земле, огородами убегали к реке Теше. Наловив сорожек, чебаков, окуньков, иногда маленьких шурят, делили улов на три части.

Мальчики давно придумали хитрость, как отдавать наловленную рыбу матерям, чтобы те не догадались, кто и когда поймал ее на самом деле. Возвращаясь под утро с рыбалки, заходили к старому деду Никодиму, живущему на самом берегу Тешы.

Никодим был бобылем, почти совсем ослеп и обезножил. Старуха померла десять лет назад, детей у них не было. Кормился с реки, ставил мордушки. В соседнем лесу добывал зайцев, попадающих в его силки.

Но, чем старше становился, тем труднее было добывать пропитание. Спасибо односельчанам, стали от каждого дома приносить ему всякой снеди: кто хлебушка и молока, кто картошки, овощей, а вот Анд-

рейка с Васильком отдавали ему после ночной рыбалки третью часть улова, но с таким условием, что оставят у него в погребеке свои две части до обеда. Вернувшись домой на рассвете, залазили тихонько в окна, мирно досыпали, как ни в чем не бывало.

А после обеда, забрав у деда Никодима рыбу, каждый нес часть улова в дом к другу и говорил его матери:

- Мы вчера с отцом ходили на ночную рыбалку и наловили много рыбы, вот решили с вами поделиться.

Матери, ничего не подозревая, брали подаренную рыбу с благодарностью. Это позволяло закадычным друзьям вновь играть в таинственных доброжелателей-рыбаков. Но, когда вырос и стал путейцем, лето приносило ему немало неприятных минут.

Особенно невыносимой была жара, трудно ходить по раскаленным шпалам под палящими лучами несколько часов подряд.

А гроза!.. Молнии следуют за тобой по рельсам, как смертельные змейки. Стоишь на деревянной шпале и боишься ступить чуть в сторону — железные грозовые рельсы несли неминуемую смерть. Ни один раз с ним бывали тепловые удары — все это были издержки его профессии.

Но больше всего запомнилось лето позапрошлого года.

В начале июля температура воздуха поднялась до отметки сорок пять градусов. Дождя не было — воздух раскалился так, что при дыхании обжигал легкие. Начались суховеи — пыльные бури. На сто шестьдесят пять километров железнодородных путей с правой стороны насыпи находились болотистые места. От жары болота высохли, камыш пожух, побурел. Вот именно в это место попала не загашенная каким-то пассажиром папироска. Казалось, выскользнул тростник только и ждал этого момента: запольхал необузданным огнем, который быстрым всадником понесся по болоту, испепеляя все на своем пути.

Загорелись торфяники, дорогу и все вокруг застилал густой ядовитый смог, дышать было нечем. С жалобными криками поднимались дикие утки в воздух и кружились над своими выводками, горевшими на их глазах. Малыши не могли взлететь на своих крошечных, еще неоперившихся крыльях. Сила огня была страшной, надо было все сделать для того, чтобы огонь не перекинулся на левую сторону от дороги, где стоял сосновый бор. Иголки сосен, елей и молодых кедров тоже подсыхли, пожелтели и были готовы вспыхнуть мощным костром от малейшей искры. Дорога разделяла две стороны: одну уже пылающую и другую, замерзшую в немом страхе, от нависшей над ней беды. Насыпь по весне покрылась полынью, вьюнком, муравой, но и эти сухие травы стали кормом для ползущего вверх к рельсам огня. На борьбу с огнем вышли жители села Соловейки, Боровки, из города прислали солдат из стройбата. Начальник станции Павел Сергеевич Паршин, обращаясь к работающим на пожаре, умоляющим голосом кричал:

- Земляки, родные мои! Не подведите, спасем реликтовый бор — родовое достояние, в этом бору заложен труд дедов и отцов. Бор — наша память о предках. Сам не уйду отсюда, пока не погашу последнюю искорку...

И не ушел... Он и односельчане стали неистово выдирать руками с насыпи горящую траву, молча, без стонов и охов дуть на обожженные руки, на вздувшиеся на ладонях пузыри. Навалившись скопом, вместе одолели огонь, спасли бор и раскинувшееся за ним село Боровки, названное так в честь грибов боровиков, росших в неисчислимом количестве в зеленом бору. Уже тогда Андрей усвоил для себя одну важную истину: силу духа и человеческого единства ничем нельзя победить.

Немаловажное место в его душе зани-

мала осень. Она, как рыжая лиса, подкрадывалась внезапно. Все вокруг начинало светиться необыкновенным сияющим светом. Казалось, солнце не заходило на закате, не садилось за небольшие холмы, а сияло денно и нощно на небе. Андрей, отправляясь ранним утром на работу, вдруг обнаруживал, что в кроне его любимой березки, стоящей за калиткой, появлялась небольшая золотистая челка. Земля в саду, выросшем на сопке, становилась желто-красной. Листья лежала грудями-сугробами и горела темной охрой. Казалось, природа подставила уставшему за лето солнцу всю себя, чтобы покрыться перед наступающими холодами, последним золотисто-шоколадным загаром. Загорев, она блаженно сияла пленительной улыбкой, увидев ее улыбку, улыбались и люди. Их лица тоже светились, казались загорелыми.

Однако и осень не всегда была ласковой, вот в этом году по весне стояли сильные заморозки, а потом лето не побаловало ни солнцем, ни теплыми дождями. Ягод, грибов в лесу было мало, дикий малинник не разягодился. Медведи не нагуляли жира, не залегли в ноябре в спячку, а бродили, как неприкаянные, по пустому лесу. Зайцы, белки и другая мелкая живность мигрировали в другие более сытные леса. Волки начали по ночам приходить в села и нападать на собак. Лисы делали подкопы в стайки и крали кур. Но намного стало страшней, когда три медведя погодки, объединившись, повадились на пасеки, разорив ульи, перекинулись на сарай. У Петра Анисимова задрала молодую телку.

Андрею тоже пришлось встретиться ноябрьским вечером с разъяренной медведицей, стоявшей прямо на его пути, среди рельсов. Метров тридцать разделяло их друг от друга. По-видимому, медведица переходила на другую сторону дороги в дикий малинник, где надеялась собрать засушенные ягоды. Но на пути встретилась более сытная пища — человек. Оголодавший зверь ринулся навстречу путейцу и, если бы не поезд, мчавшийся с огромной скоростью, не сшиб его, то неизвестно еще, ходил бы он сейчас по заветным путям. Вот так иногда заканчивалось это чарующее время, после которого наступало самое трудное для него — зима.

К зиме у Каюрова сложилось двойственное отношение: селянскую зиму просто обожал. Родная Соловейка зимой превращалась в большое белое блюдце, на котором тихонько ютились дома, с серебристыми заплатками-крышами, деревьями с кружевными пелеринами, сплетенными в декабре искусным художником инеем. Многочисленными змейками-тропинками, требующими от пешеходов умелого лавирования при ходьбе. Особенно лавируешь, когда несешь из сельского колодца на плечах коромысло с двумя наполненными водой ведрами. Чуть оступился и тут же плюхнулся вместе с ведрами в глубокий рыхлый сугроб. Такая тропинка, облитая не одним ведром воды, превращалась в любимую катушку ребятни. Санки употреблялись реже, а вот цинковый таз, с дном, намазанным коровьим навозом и смоченным на морозе водой, был излюбленным детским транспортом. Андрей в детстве сам катался на нем с горки. Мастерил веселую «крутешку» детям каждую зиму. Нравилась Каюрову подледная рыбалка на любимой звонкоголосой речке Теше. В выходные дни часами сидел с удочкой над прорубью. Деревенская радостная зима доставляла ему большое удовольствие.

А вот другая зима — железнодорожная, не нравилась. Именно она доставляла ему много хлопот и тревог. Метели переметали пути так, что ни зги не видно. Во время зимнего обхода дороги путейца часто преследовал страх, думал:

- Вдруг я не заметил прощелины под снегом, выскочившего скрепителя-костыля, или трещины в рельсе? Нужно вернуть-

ся и перепроверить! Подстраховать себя, чтобы избежать беды...

И, действительно, возвращался. Разметал самодельной метлой сомнительное место, заново проверял, а через минуту метель делала свое черное дело, опять посыпала след за путевым обходчиком сомнение и тревогу. Такая зима изматывала, мочалила его нервную систему, подрывала здоровье, а, главное, делала очевидцем многих бед.

Десять лет назад чуть из-за такой беды не получил инфаркт. А дело было так. На дворе стоял февраль, какой-то необыкновенный: метели никому не давали вздохнуть. Родная Соловейка превратилась в один монолитный сугроб, из-под снега торчали только снежные шапки крыш. Казалось, дым шел не из труб, а из заснеженной земли. Стало тяжело ходить и по железной дороге. Ветер со всей силы толкал в спину, иногда подхватывал, как пушинку, и нес вперед. Вот таким метельным, ветреным оказался тот злополучный вторник. Андрей прошел, вернее, почти пролетел под натиском ветра половину пути. Неоднократно возвращался, чтобы перепроверить тревожные участки, очень устал, но все время в голове сверлила одна и та же мысль:

- Хоть бы Мария догадалась не отпускать в школу четвероклассницу Людмилку. Он сильный мужчина, и то, как перышко, летает по дороге, по которой беспрестанно с бешеной скоростью мчатся поезда. Если дочь пойдет со школы домой в такую метель, а идти, ни мало, ни много, целых четыре версты по шпалам, может обессилить от выюги, скатиться с насыпи в низину и назад, на дорогу, не выбраться. Занесет метель девочку — замерзнет, до весны не найдешь.

Шквальный ветер ударил в лицо с такой силой, что Андрей не устоял и упал коленями на ледяные рельсы. Снег залепил глаза, от боли закружилась голова. И все-таки по вибрации в рельсах почувствовал, что с горы спускается товарный поезд. Стоять на коленях было некогда, нужно было проверить еще двадцать метров пути. Он резко поднялся и побежал вперед, но внезапно наткнулся на маленькую фигурку — кто-то сидел на рельсах, скорчившись, почти переломившись пополам. Маленькая голова человечка представляла сплошной комок снега, было непонятно, какого он пола. Дитя, обессилив от ветра, больше не мог идти, сдался на милость стихии и обреченно засыпал от холода вечным сном.

Андрей почти из-под колес выхватил ребенка, молниеносно соскочил с дороги, чтобы не попасть под колеса поезда. Крепко-крепко прижал тело замерзшего к груди, заслонив голову от двойного удара ветра и вихря, созданного мчавшимся поездом. Когда поезд прошел, Андрей протер залепленные снегом глаза, чтобы рассмотреть того, кого держит на руках. Одежда маленького человека совсем задубела, превратилась в ледяную панцирь. Лицо и волосы были забиты толстым слоем снега настолько, что ему потребовалось несколько минут, чтобы соскрести снег с лица. Когда он увидел его, у него подкосились ноги, на глазах появились слезы. На его руках лежала девятилетняя дочь Людмилка. Он послушал сердечко, к счастью, оно чуть слышно, но еще билось. Андрей снял с себя фуфайку, завернул девочку, потом достал из походной сумки баночку с медвежьим жиром и растер им ее обмороженное лицо. Понес дочку на ближайший переезд, там стрелочница Нина Ашпина вызвала дрезину, на ней их доставили домой. Впервые в жизни Андрей накричал на жену, отпустившую Людмилку в сильный бурян в школу. Мария заплакала и выскочила на кухню. К отцу подошла старшая дочь Фаина и сказала:

- Папа! Не ругай маму! Она строго запретила Люде идти в школу. Но, когда мама отправилась в магазин, Людмилка ушла

тайком из дома вместе с другими ребятами. До школы ребят через речку отвез дедушка Макар на лошади, запряженной в зимние сани. Узнав о беглецах, мама сбегала в медицинский пункт, дозвонилась директору школы и попросила оставить детей в интернатском отделении на ночь. Директор Тамара Владимировна согласилась, и пять четвероклашек остались ночевать в интернате. Ребята заигрались и не заметили, как одноклассница ушла домой. Мама не знала, что дочка не осталась в школе. Она сильно переживала и за тебя, и за Люду. Спасибо тебе, папа, что ты спас сестренку. Мама просто умерла бы от горя, если с ней или с тобой случилась беда. А вот с Людмилкой, когда придет в себя, строго поговори. Нельзя быть такой самовольной.

Выслушав старшую дочь, Андрей почувствовал себя виноватым. Раздевшись, пошел на кухню, обнял зареванную жену и прошептал:

- Прости меня, Маша, страшно перенервничал. Как представил, что бы могло с дочерью случиться, так душа от страха чуть из тела не выпрыгнула. Но ничего, кажется, все обошлось. Сейчас истоплю баню, намажешь ее медвежьим жиром, грудь натрешь барсучьим салом и хорошо прогреешь в легком пару. Потом дома разотрешь водкой, да напоишь травяным чаем с медом. Думаю, воспаления легких избежим. Иди, готовь дочку в баню.

Случай с дочерью долго не стирался из памяти. К счастью, Людмилка отделалась простой ангиной. Десять дней провалялась в постели. Андрей сделал ей серьезное внушение за своевольный поступок, с той поры старшие дети по очереди встречали сестру со школы.

Зима! Зима! В мирное время приносила радость, иногда тревоги. А вот зима 1941 года запомнилась ему на всю оставшуюся жизнь.

Началась война с фашистской Германией. Андрей Каюров, как и многие мужчины призывного возраста, пошел 23 июня в военкомат. Решил добровольцем отправиться на фронт — защищать Родину, но его просьбу в военкомате отклонили.

Начальник станции Паршин Павел Сергеевич попросил для него бронь, чтобы он, как самый опытный путеобходчик, остался на станции. Уже в 1939 году участились диверсионные аварии на железных дорогах.

А их железнодорожная ветка с Арзамаса вела в Москву. Зима 1941 была особенно лютой. Порой мороз достигал пятидесяти градусов. Шла битва за Москву. Фашисты устремились к столице, поставив цель взять ее, во что бы то ни стало.

Со всех концов страны к Москве летели литерные поезда, доставляющие войска, пушки, танки, бронемашин и другое вооружение, а назад многочисленных раненых. Тыл должен был обеспечивать фронт всем необходимым.

Мирная работа путейца приравнялась к военной службе. И днем и ночью Каюров находился на дороге, помощников почти не было — молодежь забрали на фронт, а старики были плохими ходоками, да и глаза их подводили. А сейчас на дороге нужен был глаз да глаз.

В трудные военные дни, когда совсем становилось невмоготу, обходчик ставил под ружье членов своей семьи: и жену, и детей. Благо, что их семья с Марией Федоровной была большая.

В морозы стали подводить рельсы, выпущенные еще в 1914 году. Перекаленные, изношенные они не выдерживали, трескались, разъезжались, как коровьи ноги, на льду. За месяц порой приходилось менять до трехсот шпук. Останавливали пассажирские поезда ненадолго, снимали «отходы», пилили прямо на месте простой но-

жовкой, обжигая раскаленным на морозе металлом пальцы, и ставили на место.

Литерные поезда шли один за другим, останавливаться было строго запрещено. Прерывать движение военного состава без уважительной причины в это тревожное время тоже нельзя — угодишь под трибунал.

Допустишь аварию: решение беспристрастное — расстрел. Вот такой дамоклов меч навис над головой Андрея Ивановича. Пробега километры дороги туда и обратно, думал всегда об одном: «Только бы мне не подвести фронтовиков, не просмотреть «кожную» болезнь рельсов, но ее то проще заметить, а вот, что там у них внутри..., попробуй, узнай».

Андрей ждал восхода и заката солнца с нетерпением. Именно в это время особенно тщательно осматривал старые рельсы на полотне дороги. Ориентировался по отсвету: если рельс отливал красноватым, как окалина, стало быть, бедой пахнет. Снова, несмотря на смертельную усталость, брался за ножовку и часами онемевшими от холода руками, пилил запасные части рельсов, лежащие на насыпи, кроил их, кромсал, подгоняя до нужного размера устранимого рельса. Потом по рации вызывал аварийную дрезину и вместе со всеми устранял опасную брешь в железнодорожном пути. Казалось, все беды остались позади, но не тут-то было. Самое опасное зимнее испытание ждало его впереди.

Шел уже тридцать третий год его работы на железной дороге.

Годы давали о себе знать. Больше, чем полвека прожить на земле, что-то да значит. Этот морозный январский день запомнился ему на всю жизнь.

Утро двадцать пятого января 1941 года было неимоверно жгучим, туманным. Андрей пошел в обход путей один, жалко было морозить детей.

Уходя на работу, размышлял: «Может, сегодня все обойдется, что зря детей простужать, вон, как сладко спят. И так за войну сильно похудели. Пусть хоть в субботу вдоволь отоспят, все равно из-за морозов в школе занятия отменили».

Недавно Каюрову выдали теплый армейский бушлат, шапку ушанку, а, главное, катаные валенки. И все-таки мороз пробирал до самых костей. Ресницы заиндевели, видимость дороги стала нулевой. Андрею приходилось часто протирать глаза платочком и все ниже наклоняться к рельсам, чтобы не пропустить очередной аварийный отход.

Пройдя пятнадцать километров, ничего серьезного не обнаружив, облегченно вздохнул, прошептал:

- Кажется, сегодня пронесло! Осталось совсем мало, там путь более надежный, рельсы недавно меняли. Думаю, выдержат сегодняшней небывалой морознице.

Успокоившись, пошел вперед, но, как, оказалось, расслабляться было рано. Продолжая обход, подошел к 426 километру, здесь путь заметно искривлялся. Вдруг Андрей заметил, что именно в кривой части лопнул рельс.

Сантиметров в семнадцать вылетел кусок. Каюров знал расписание поездов наизусть. Через пятнадцать минут по этому пути должен пройти пассажирский поезд Свердловск — Москва. Мысли лихорадочно заметались:

- Что же мне делать? Один в такой мороз не справлюсь! Перестань паниковать, успокойся!.. Выход один: оградить путь и петардами остановить состав. Срочно по рации вызвать дрезину с рабочими.

Собравшись окончательно с мыслями, все сделал, как надо. Поезд остановил, подоспевшие ремонтники устранили аварию и отправились назад. Андрей радостно помахал рукой машинисту, который от всей души выразил ему благодарность за проявленную бдительность, и пошел дальше.

Единственное, что тревожило обходчика — отсутствие петард, потратил все полчаса назад на остановку поезда. Подумал: «Не может такого быть, чтобы в конце пути что-нибудь снова случилось, осталось всего-то пройти каких-то полтора километра».

А вот и случилось! Страшная беда нависла над ним, а главное, над литерным, который должен проследовать на Москву через тридцать минут. Каюров уже заканчивал осмотр 427 километра и на свою беду обнаружил в конце пути лопнувший пополам рельс. В отчаянии осмотрелся по сторонам — вокруг ни души, помочь не кому. Самое ужасное то, что поезд даже нечем остановить: петард нет. Прикинул в уме: «Авария неминуема! Зачем я только отпустил дрезину с рабочими, надо было попросить их доехать со мной до конца пути. Сегодня суббота, а завтра выходной, значит, ремонтники отправились по домам».

Мелькнула спасительная мысль: «Бригадир Ашпин Алексей Петрович не поехал домой с рабочими, пошел пешком на разъезд попроведовать жену Нину, работавшую стрелочницей. До разъезда всего 1,5 километра, нужно добежать до него, сообщить бригадиру об аварии. Он с поста дозвонится в мастерские, хоть три дежурных ремонтника да придут с нужным оборудованием и новым рельсом. А я возьму у Нины красный сигнальный флажок и побегу назад, навстречу поезду, попытаюсь его остановить». Времени на раздумывание не было. Быстро огородил аварийное место и поспешил на пост.

К сожалению, кроссами Андрей никогда не занимался. Его работа требовала медленной ходьбы для тщательного обследования дороги. А теперь надо было бежать из последних сил, которые в конце пути, да еще на таком морозе, совсем иссякли. Каюров помчался, как мог, но тяжелый полушубок, валенки замедляли бег. Понял, что с такой тяжестью на плечах, быстроты не добьешься. Не думая о морозе, о последствиях для здоровья, скинул с себя полушубок, валенки и, оставшись в одной железнодорожной форме и носках, побежал к разъезду. Не забегая на пост, позвал чету Ашпиных. Когда они вышли, запыхавшись от бега Каюров сообщил им об аварии:

- Алексей, срочно звони в мастерские, вызывай рабочих, на 427 километре пополам лопнул длинный рельс. Когда они подъедут, вместе с ними отправляйся к огороженному месту, устраните аварию. Я же побегу назад, навстречу литерному, может, успею его остановить, хотя бы метров за триста до опасного места. Нина, кинь мне сигнальный флажок, показывающий, что путь закрыт.

Поймал на лету флажок и, не теряя драгоценных минут, пулей помчался обратно, навстречу военному составу. А поезд уже начал спускаться с крутого холма. Подъезжая к нему, машинисты метров за пятьсот начинали сбавлять скорость, чтобы благополучно спуститься вниз. Это было на руку Каюрову. Путеец подумал: «С высокого места при замедленном ходе машинист должен заметить бегущего по шпалам человека, размахивающего сигнальным флажком». И действительно, машинисты, охрана увидели что-то невообразимое впереди: навстречу поезду несется из последних сил, падая и вновь поднимаясь, железнодорожник с сигнальным флажком и что-то громко кричит.

Капитан Кравцов Александр Васильевич приказал остановить состав и пошел навстречу к уже не бегущему, а еле-еле плетущемуся нарушителю движения. Достал из кобуры пистолет, направил на Каюрова и сурово спросил: «Кто ты? Почему нарушил военный устав о запрете останавливать литерные поезда?»

Андрей Иванович прошептал осипшим от мороза и крика голосом:

- Я путевой обходчик Каюров Андрей Ива-

нович. Остановил поезд, потому что обнаружил на 427 километре лопнувший пополам рельс. Времени на устранение аварии не было. Если бы вы не остановились, могла бы случиться непоправимая беда.

- Ну, что ж, показывай свой аварийный рельс. Но, если врешь, пристрелю, как лаязучика, на месте.

Обратившись к подошедшему машинисту, сказал:

- Прохорыч, отдай ему свой бушлат и валенки, а то он совсем в сосульку превратился. Ты же в кабине паровоза пока посиди, там не замерзнешь. Я с бойцами пойду к месту аварии.

Увидев, что обходчик стучит зубами, то ли от холода, то ли от страха, достал алюминиевую фляжку с чистым спиртом и подал Каюрову:

- На, глотни, хоть немного согреешься. Столько бежал в раздетом виде на морозе, поди, ни рук, ни ног не чувствуешь...

Андрей взял дрожащими руками фляжку, выпил три глотка, задохнувшись от крепкого зелья, закашлялся, на глазах выступили слезы. Капитан и пять бойцов рассмеялись. Кравцов добродушно проронил:

- Сразу видно — не фронтовик, не привык неразведенный спирт пить.

Через пять минут подошли к огороженному месту, половинки лопнувшего рельса уже разошлись сантиметром на двадцать в стороны друг от друга. Брешь, которая зияла между двумя половинками рельса, неминуемо привела бы к сходу поезда под откос. Увидев ее, капитан поблелел и, громко свистнув, проговорил:

- Да ты, Каюров, подвиг совершил! Столько бы танков, пушек, минометов и солдат пошли середняк под откос, какое бы здесь было месиво, страшно подумать. Столько бы жизней солдат потеряли. Да! Работа твоя несколько не легче, чем воевать на фронте. Вот бы фашисты обрадовались аварии. Ты такой молодец, можно сказать, настоящий храбрый солдат!

Потом подошел к Андрею, крепко обнял его и расцеловал в обмороженные щеки.

- Знаешь, Андрей Иванович! Я о твоём подвиге командованию сообщу и попрошу представить к награде. Огромное спасибо тебе, друг, за спасение нашего поезда, жизней солдат и так необходимого московскому фронту оружия.

Потом снова достал фляжку и отдал Каюрову, сказал:

- Забирай насовсем, дома основательно погреешься.

Каюров хотел было сказать капитану, что не пьет, но голос окончательно пропал, а капитан уже насильно вложил фляжку ему в руки.

- Ладно, возьму, будет, чем растереть онемевшие ноги, — решил про себя Андрей Иванович, и кивком головы поблагодарил капитана.

Показалась дрезина, Ашпин Алексей с тремя дежурными рабочими привезли новый рельс. Солдаты помогли поставить его на место. Андрей отдал машинисту его бушлат и валенки, надел свой полушубок и катанки, которые подобрал по дороге бригадир. Капитан поблагодарил всех за быстрое устранение аварии, и поезд помчался дальше.

Андрей от выпитого спирта, от безмерной усталости и пережитого стресса почти терял сознание. Товарищи завернули его в старенькое ватное одеяло, положили на сено, которым была застелена платформа дрезины, и повезли домой. Дома жена Мария будет лечить медвежьим и барсучьим салом его обмороженные ноги и руки, натруженную поклонами поясницу. Она сумеет поставить на ноги любимого мужа. В этом они не сомневались, зная таланты Марии в лечении здоровья отца ее детей.

Война продолжалась, и болеть было некогда. Полежал пять дней с высокой температурой: жестокий бронхит взял над

ним власть, а как только температура спадала, вышел на работу. Правда, теперь ему дали помощника — фронтовика-инвалида, его соседа, Свиридова Федора, потерявшего в бою под Москвой кисть правой руки. Теперь стрелок из него был никакой. Вернувшись в Соловейку, Федор смастерил себе железный протез, научился захватывать им инструмент, а здоровой рукой закручивать гайки, вбивать костыли, словом, помогал делать ремонт. Вдвоем было намного легче, четыре глаза больше замечали «болезни» железнодорожных путей.

Война больно ударила по семье. Порой, дома есть было совсем нечего, особенно голодно становилось весной. Картошку за зиму быстро съедали, что ни говори, восемь ртов давали о себе знать. Все, что выдавали по карточкам, мать старалась скормить младшим детям, им нужно расти. Пыталась подкармливать хоть как-то мужа, иначе ноги передвигать не сможет, а вся работа держалась на его ногах, руках и глазах. Выручала корова, молоком поддерживала всю многочисленную семью. Уже в марте, как только снег сошел с картофельных полей, Мария давала ребятам корзинки и отправляла собирать замерзшую картошку. Потом пекла из нее тошнотики, от которых детей действительно тошнило, но отвар корней бадана помогал успокаивать ворчащие после такой еды желудки. В общем, война напоминала о себе всему селу каждый день: то горьким плачем по погибшим, пропавшим без вести, а то горькими вздохами, глядя на вернувшихся домой, калек.

Андрей не был на войне, но каждый день встречался с грозной техникой, шедшей на поля сражений, за которую отвечал головой, с санитарными поездами, вагоны которых были наполнены стопами и криками раненых солдат. Иногда от увиденного сильно болело сердце. Слушая военные сводки с фронта, неотступно верил в победу своей Родины над врагом. Ждал всей душой победного часа и дождался. Одним из первых среди односельчан услышал из громкоговорителя на станции Соловейка об окончании войны. В его память на всю жизнь врезалась картина радостных и горестных слез односельчан. Объятия знакомых и незнакомых друг другу людей. С большим воодушевлением и ликованием встретили люди долгожданную, завоеванную кровью и потом, Победу.

Капитан Кравцов сдержал свое слово, доложил командованию о подвиге Каюрова Андрея Ивановича в тылу. Еще в 1945 году его пригласили в военкомат города Арзамаса и вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Андрею Ивановичу присвоили звание «Почетного железнодорожника». Вся семья радовалась за любимого отца. Приехавшие журналисты спросили его:

- Андрей Иванович, какие качества больше всего цените в человеке?

Каюров немного подумал и ответил:

- Прежде всего: доброту, справедливость, совесть, любовь к труду, человеку и родной земле.

Он и сам пронес в своем сердце и душе эти качества и старался воспитать их у детей. Дети выросли, получили профессии, создали семьи, родили им с бабушкой Машиной внуков. Внуки продолжили род Каюровых, подарив маленьких звонкоголосых правнуков. На его шестидесятилетний юбилей съехались многочисленные гости: дети, внуки и закадычные друзья по работе. Андрей Иванович смотрел на своих наследников, друзей и думал:

- Много ли человеку надо для счастья? Нет, немного! Просто ты уже счастлив от того, что ты достойно прошел по рельсам нареченной судьбы, что в конце пути увидел плоды своей жизни: детей, внуков и друзей. Увидел мирное небо над головой — вот это и есть истинное земное счастье.

Сергей ТИВЯКОВ

Тивяков Сергей Дмитриевич – профессор КузПА, очень интересный и разносторонне развитый человек. Прежде всего он краевед, ещё студентом географического факультета Новокузнецкого государственного педагогического института активно включился в изучение земли Кузнецкой. В 1960 году вступил в ряды членов Кузнецкого отдела Русского географического общества, обследует Кузедеевскую липовую рошу, ищет заброшенный серебряный рудник 1826 года.

В 1961 году руководителем группы студентов обследовал хребет Тыдын в Кузнецком Алатау. В 1968 году под руководством Владимира Северного пересёк Кузнецкий Алатау от Южсиба до Транссиба, через главные вершины: Верхний зуб, Двуглавую, Бол. Каным, Крестовую, Чемолян, Бол. Церковную, Бол. Таскыл. В последующие годы проводил краеведческие обследования в Горной Шории, Салаира и Кузнецкой котловине.

Сергей Дмитриевич собрал сведения об особо охраняемых природных территориях, разработал рекреационное районирование Кемеровской области... В 2001 году Международная московская академия детско-юношеского туризма и краеведения присудила Сергею Дмитриевичу приз «Золотой компас России».

Перу профессора Тивякова С.Д. принадлежит более 350-ти научных работ. Кроме этого Сергей Дмитриевич увлекается поэзией: в 2005 году

выпустил сборник стихов и песен «Поэтическая россыпь»; в 2007 году Научно-исследовательской лабораторией КузПА (при поддержке Новокузнецкого городского Совета ветеранов и Кузнецкого отдела Русского Географического Общества) выпущен второй сборник стихов Сергея Дмитриевича «Краеведческие зарисовки». В котором стихами автор рассказывает своему читателю и о своих исследованиях, и о краеведении, и о своей жизни.

Открывается данный сборник небольшой информацией «От автора»: - Моё детство прошло в Кемеровской области, в селе Салтымаково, которое привольно раскинулось в долине Томи на высоком крутояре в центре Кузбасса. Вид с Салтымаковского яра вызывал желание заглянуть за горизонт, разгадать тайны природы, увидеть новые места. В первых походах и поездках по родному краю рождались поэтические строки. После окончания школы, став студентом, продолжил писать стихи.

Работа в институте, поездки на практику, туристические походы с песнями у костра позволяли заносить в записную книжку наиболее удачные поэтические строки. Так набралось несколько десятков стихотворений, которые стали использоваться на занятиях по краеведению и географии Кемеровской области.

Поэтому свой сборник я назвал «Краеведческие зарисовки».

Мне говорят:

Я – краевед.
И о Кузбассе много знаю...
Да, я уже десятки лет
Крупницы знаний собираю.
О милой мне земле Кузнецкой,
Её загадочной природе
Пишу стихи, слагаю песни
Всегда и при любой погоде.

Я думаю, что краевед
В ответе за родную землю.
Горечь утрат, радость побед,
Всё обнимаю и приемлю.
И боль земли моей родной
На сердце у меня ложится,
И радость за своих друзей
В груди стучится синей птицей.

Мне говорят,

Я – краевед!
И это звание приемлю,
И буду до скончанья лет
Я воспевать родную землю!

Томский завод

В тенистых лесах Салаира,
Где дремлет блаженная тишь.
Меж пихт, где прохладно и сыро,
По камням бежит Томь-Чумыш.
Там высмотрел место Чулков,
И над безмятежностью вод
В безбрежье зелёных холмов
Был выстроен Томский завод.
А строил его Головин,
Известный в Алтае строитель,
Искателей доблестный сын
И опытный управитель.
Построил плотину и пруд,
Колёс хитроумную вязь.
И молотов грохот вокруг,
Как громкая песня, разнеслась.
Пылают железные печи,
Кипит раскалённый металл,
Рабочих могучие плечи
Куют здесь добротную сталь.
Аносов на Томском заводе,
Где труд, как преддверие в ад,
Готовил кузнецкий булат
И славу на долгие годы.

Прошли за годами года...
Леса затянули завод.
И только по камням вода,
Как встарь свою песню поёт.
В тенистых лесах Салаира
Вновь дремлет блаженная тишь.
Меж пихт, где прохладно и сыро,
Как прежде, бежит Томь-Чумыш.

Горная Шория, Горная Шория.

Слышится в слове поступь истории...
Видится – горных хребтов долготы,
Гор, над которыми мчатся столетия.

Горная Шория – реки кристальные,
Слышна над Кондомой песнь венчальная.
Это легенды слагают сказители,
Здравницу Шории и её жителям.

Кедрам, что в синее небо возносятся,
Соболю, что в кедрах вихрем пронесётся,
Недрам, где скрыты богатства несметные,
И слаломистам, спорящим с ветрами.

И я желаю, Горная Шория,
Пусть продолжается твоя история,
Светлою радостью жизнь твоя полнится,
И над тобой светит ясное солнце.

Вдоль Кондомы цветущий луг

Владенья шорца Кузедеев.
В округе слышен кузниц стук,
Куются здесь мечи и стрелы.
Нависли скалы у реки,
А в водах отблески пожаров.
Толются конницы полки,
То на Кузнецк идут джунгары.
Их вождём шорец Кузедей
На лошади каурой скачет,
Кичится силою своей,
Бахвалится своей удачей.
И, натянув могучий лук,
Он на скалу стрелу пускает,
Победным кличем оглашая,
У Кондомы цветущий луг.
Прошли года – как ручейки...
Покрылся пеплом жаркий пламень.
Скалу, у Кондомы – реки,
С тех пор, зовут «Стрелецкий камень»!

По зелёной долине Абы,

Где в лугах запах чины и мяты,
Вырастали дома, как грибы,
И деревни – Зенково, Усыты.
И Прокопьев здесь хату сложил,
Распахал чернозёмов угодыя.
Он селение здесь заложил,
Видно так было Богу угодно.
В недрах спрятан был угольный пласт
Его золотом чёрным прозвали.
И геологи в холод и грязь
По весне его здесь отыскивали.
И на склонах пологой гряды
Заложили шахтёрские копи,
И в просторной долине Абы

Поднимается город Прокопьевск.
Он жемчужиной чёрной горит,
Уже век в ожерелье Кузбасса.
И судьба его нам говорит
О величье рабочего класса.

Где даль небесно голуба,
Стремглав бежит река Аба.
На горных склонах Салаира.
Она себе долину рыла.
Затем через сосновый бор,
Через Зенковский косогор
К Кузнецку путь свой проложила
И всех водою напоила.
Но годы шли... И стал завод
Смотреть в лицо абинских вод.
Из труб, поднявшись до небес,
Дымы укрыли стройный лес.
С канав, вода земли черней,
Влилась в Абу... и вдруг, по ней
Плывут бензиновые пятна,
То за доверие расплава.
Но помнит чёрная Аба,
Что даль небесно голуба,
И где в отрогах Салаира
Она себе дорогу рыла.

Стоит среди гор уже много веков
Вершина с названием «Пик Дураков».
Ведь каждый турист начинающий – глуп,
Он верит тому, что пред ним Верхний Зуб.

И только поднявшись с трудом на утёс,
Он всем задаёт этот глупый вопрос:
«А что подо мной?» Уже много годов
Ему отвечают, что Пик Дураков.

ВЕСНА

Очнулись почки вербы ото сна
И в белых шубках вылезли на ветки.
Цветенье вербы верная примета,
Что наступает первая весна.

Вечно вторая, снег лежит в лоцинках,
А в перелесках первые цветы
Качаются на тоненьких былинках.
И тем цветочкам радуешься ты.

В округе буйство трав, всем не до сна.
Ковёр зелёный выткан медуницей.
В листьях деревьев веселятся птицы,
То третья в гости к нам идёт весна.

Когда придёт последняя весна,
То сердце начинает колобродить,
И в жилах кровь кипит сильнее вина,
И всех весна с ума тихонько сводит.

Так пусть весна в душе весну сменяет,
А осени на сердце не бывает!
2001 г.

ПОДСНЕЖНИКИ

Из взлохмаченных серых туч,
Разорвав пелену дождя,
Брызнул яркий солнечный луч,
По промокшей земле скользая.

И повсюду в прелой листве,
Разорвав покрывало снежное,
Как матросы на корабле,
Закачались цветы подснежников.

Луч сверкнул и опять исчез...
Тучи серые мчатся низко,
Но наряден весенний лес
От подснежников белых, чистых.
1961 г.

В берёзовой роще алеет закат.
Берёзки - подростки рядами стоят.
Их белые платья все в ответе красном,
Берёзки - подростки
свежи и прекрасны.

Они хороводят старинным обрядом,
Берёзки - подростки весне очень рады.
И я закружился в берёзовой роще,
Где белые платья под ветром полощет.

В берёзовой роще закат догорел,
У белых берёзок счастливый удел.
Я с ними прощаюсь и вдалеку ухожу.
«Прощайте, родные!» -
им тихо скажу.
2005 г.

ЧИНА ГМЕЛИНА

Веселиться есть причина,
Зацвела на лугу чина –
Это чина Гмелина,
Говорю уверенно.

Цветы словно лодочки
И цветут оранжево.
Цветики - молодочки
Рукой нежно глажу я.

Я отправлю прямо в рот
Стебелёчек чины.
Во рту тает словно мёд,
Значит, есть причина
Говорить уверенно –
Цветёт чина Гмелина.
2003 г.

Валерий Фёдоров -Северянин

На безымянной высоте

На Украине в Запорожской области, недалеко от села Гоголевка, у проселочной дороги, стоит скромный обелиск. Надпись на нем гласит:

*«Остановись прохожий
здесь погиб
гвардии старший сержант
АФРОСИН
Алексей
Антонович».*

Я хочу рассказать вам историю появления этого памятного знака.

В январе 2011 года, разбирая архивы недавно ушедших из жизни родителей, я наткнулся на портрет и пожелтевший, обветшалый листок:

*«Временное удостоверение № 720453
Предъявитель сего
Гвардии старший сержант: Афросин
Алексей Антонович,*

Награжден: приказом № 080 от 25. 02. 43 года по 54 гвардейской стрелковой дивизии

за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецкими захватчиками.

*Орден «Красная звезда» №1416160171
Вручающий: гвардии капитан Бугаев
6 мая 43 года».*

На обратной стороне от руки приписано:

«Убит 15.09.43год».

С портрета, на меня глядит красивый, молодой парень — родной брат моей мамы. На обратной стороне, се рукой, сделана надпись: *«Афросин Алексей. Год рождения - 1922».*

Мои знания о нем минимальны: родился в маленьком Сибирском шахтерском городке Осинники — погиб на войне.

Жизнь распорядилась так, что не довелось нам встретиться. Я вглядываюсь в его родные черты и думаю — он мог бы прожить долгую и счастливую жизнь, обзавестись семьей...

Я бы дружил и играл с его ребятишками, вместе ходили бы в школу. Но нет — я уже в три раза старше его. Не будет у гвардии старшего сержанта ни детей, ни внуков. Закончился род Афросиных. За что? Он был бы опорой родителям, но война...

Ушел добровольцем защищать Отечество и отдал за него жизнь.

Вспоминаю раннее детство — гляжу на его портрет, висающий в доме дела, и спрашиваю: «Где воевал? Как погиб? Где похоронен?». Но в ответ, лишь скупая слеза, да слова — *«Не знаю... Прости внучок... Где не спрашивали все без толку».*

Когда пошел в школу — увлекся рассказами о войне. В моем воображении, мой дядя, вместе с книжными героями, поднимался в атаку, громил врага...

Прошли годы. Пришли новые информационные технологии. И то, что не смогли сделать мои деды и родители, получилось у меня.

В результате долгих поисков, я узнал, что Алексей Афросин, с 1941 года воевал в составе Калининского, а затем юго-западного фронтов. Командуя орудием ба-

А. Афросин 10-11.02.43г. В боях за село Гоголевка.

тареи 76мм пушек, прошел битву под Сталинградом, брал Сальск, Белую Калитву, за что был награжден орденом «Красной Звезды».

В описании совершенного им подвига говорилось:

«Афросин с 10 по 12 января 1943 года в боях за хутор Сенной уничтожил прямой наводкой с открытой огневой позиции две автоматические пушки противника.»

22.01.43г. В боях за высоту 110,5 — Белая Калитва. Уничтожил одну автоматическую пушку, две минометные батареи, два станковых пулемета и разбил четыре ДЗОТа противника. На его счету уничтожено из винтовки двенадцать гитлеровцев. Достоин правительственной награды — ордена «Красной Звезды».

Я вчитывался в этот документ и волна гордости за моего предка, поднималась во мне. Каков был воин — ведь здесь, из двух боевых лет, описаны всего несколько дней!

Вскоре Алексей был назначен командиром отделения разведки батареи 76мм пушек.

Впереди были: Ростов на Дону, Таганрог, Украина и последний бой — Из списка безвозвратных потерь по 28 армии: *«Алексей Афросин погиб на юго-западной окраине хутора Украинка Куйбышевский район Запорожской области».*

Вскоре на сайте «Мемориал» нашлась схема захоронения моего дяди Алёши и рядового Бочкарёва — в ней хорошая привязка к местности, река Гайчул.

Правда на современной карте, хутора с таким названием, нет, но есть село Новоукраинка.

Из переписки с преподавателем местной школы Павлом, я узнал, что до 1946

года Новоукраинка называлась Гайчул, а хутором Украинка именовали рядом расположенное село Гоголевка.

Изучая спутниковые снимки местности, и накладывая на них схему захоронения, я, как мне казалось, определил место погребения, с точностью до десятка метров, но Павел там, ничего не обнаружил. Прояснить, что-либо у старожилов, он тоже не смог.

Сердце подсказывало — не сдавайся, поезжай и найди...

Наступило 8 августа. В Гоголевке я появился около пяти часов вечера, въехал на улицу и вдруг у дороги, почти напротив места, где по моим расчетам были захоронены разведчики, увидел небольшой обелиск. Сердце ёкнуло. Разум возликовал. Но оказалось рано — надпись на камне гласила, что улица расположенная далее, носит имя, погибшего под Веной, героя Советского Союза Василия Андреевича Баранова.

Я положил к его подножью несколько сорванных тут же полевых цветков и подумал — разведчики, хоть и не оценены так высоко, но достойны не меньшего, ведь они отдали за это село свои жизни — они где-то здесь, они частичка этой земли.

Через несколько минут мой автомобиль тихо покотился по пустынной улице. Я разглядывал проплывающие мимо хаты, заборы, безлюдную улицу. У открытой калитки, одного из дворов, стоял здоровенный мужик. Я остановился, подошел, познакомился и стал рассказывать о цели моей поездки.

Мне крупно повезло. Александр Вакула, потомок Гоголевских, Диканьских

кузнецов, оказался честным и открытым человеком. Несмотря на чувство неловкости — нашел в себе силы признаться, что он тот самый тракторист, который исполняя приказ начальства, запахом мешающее полевым работам захоронение.

Вскоре мы уже были у места гибели гвардии старшего сержанта Афросина и гвардии рядового Бочкарёва. Как оказалось, могилка находилась в двух километрах от указанного на схеме места. Вокруг рос подсолнечник, в долине виднелись спасённые ими от разрушений Новоукраинка и Гоголевка.

Забегая вперед скажу, что из рассказов местных жителей сложилась следующая картина: сплошной линии фронта здесь не было. Немцы спешно отступали. На этой высоте ими был оборудован опорный пункт и велся минометный и пушечный обстрел сёл и наступающих советских войск.

Разведчики по балке подобрались буквально на расстояние семидесяти метров, (там их нашли после боя) и, передав координаты цели, корректировали огонь.

Катюши и артиллерия обработали врага так, что он, побросав часть своего снаряжения, бежал.

Для Новоукраинки и Гоголевки бои на этом были закончены — разрушения минимальны.

Девятое августа, восход я встречал посреди поля подсолнухов — у места гибели бойцов. Дул легкий, свежий ветерок. Солнце, устремляясь в небесную синеву, медленно всплывало над горизонтом. Я достал привезённую из дома горсть земли, высыпал её и подумал — царствие вам небесное, далеко ваша родная земля, но теперь частичка её присутствует и здесь.

День пролетел на одном дыхании: В поселковой администрации было дано разрешение на установку памятника. Съездил, за восемьдесят километров, в бывшую вотчину батьки Махно — Гуляй поле, заказал гранитный обелиск и к восьми часам вечера с готовым памятником вернулся в Гоголевку. Договорился с местными мужиками Анатолием Гончаром и Александром Вакулой (помощь с установкой), и на следующий день к обеду, уже всё было готово. Оставалось организовать небольшие поминки и собраться в обратный путь.

Чтобы не перегружать статью, многие подробности мною упущены. Трудностей было предостаточно. Порой казалось всё — тупик. Но главное я думаю, передал — никто не должен быть забыт! Связь и память поколений не должна быть нарушена...

15 сентября исполнилось 70 лет со дня освобождения Новоукраинки и Гоголевки от фашистских захватчиков. За это были отданы две бесценные жизни героев разведчиков. Они хотели дойти до победы и вернуться домой, но жизнь распорядилась по-другому. Вечная память вам ребята!

Кемеровская обл. г. Осинники 2013 год.

Геннадий БУРЛАКОВ

У камина в саду
под гитаруУ камина в саду
под гитару

Жар каминных углей согревает
озябшие плечи,
Темень, с веток стекая,
сонною негой манит,
Звон гитарной струны песней
тихою души нам лечит,
И с поленьев, как звёзды,
срываются искры в зенит.
И пригубив бокалы с искрящимся
терпким напитком,
Тесным кругом друзей мы о жизни
ведём разговор.
И заслушавшись, стих ветерок
у садовой калитки,
А от тихой речушки крадётся туман,
словно вор.
А гитара звучит.
И терзают сердца эти звуки,
В нас истому вливая,
как будто хмельное вино.
И негромко поёт гитарист
про любовь и разлуку...
И не хочется спать,
хоть и сумрак сгустился давно.
Месяц лодкою яркой средь
крошева звёзд проплывает,
И прохлада ночная змеёю
скользит по траве,
Первый желтый листок август
с веточки робко срывает,
Снова скорую гибель пророча
беспечной листве.

Я душу настезь распахну,
Бери, что хочешь.
И счастья высь и глубину,
И боли корчи.

И веры в чистое родник
В душе струится,
И дружба крепче, чем гранит,
И милых лица.

Я поделюсь с тобой теплом
Души нетленной,
Всем, чем богат мой малый дом,
И всей вселенной.

«Кинотуристам»
Такое не снилось в веках...
Россыпи звёзд золотых,
Закаты, рассветы,
Музыку леса
Мы носим в своих рюкзаках.

Да, мы бродяги.
Зовут нас друзья чудаками.
Что ж, ну и пусть!
А я молодую зарю
С ветки смолистой
Возьму, согревая руками,
С запахом хвои
Любимой своей подарю.

Да, мы бродяги

Ветер весенний,
Позови меня снова в дорогу,
В звёздную даль,
В заревую купель.
Веткой кедровой
Поманит рассвет у порога,
Звонкий и чистый,
Как будто ручьи апрель.

И у костра,
Под негромкие всплески гитары
Песня бродяжья
Со мной поведёт разговор,
Сердце снежничкой
На тёплой ладони растает,
Звёздами искр
Вспорхнёт к поднебесью костёр.

Что ж приуныли вы,
Скептики и домоседы?

Перволедье

Октябрь сковал морозцем первым пруд,
А рыбаки уже над лункой чахнут,
Устроив рыбе блёснами игру
И наблюдая пляску льда со страхом.

По что там страх, когда такой азарт!
О, перволедье — праздник рыболова!
Удар, рывок, подсечка, вновь удар,
Рывок, потяжка и... подсечка снова.

Растёт гора мороженой плотвы,
И гордость распирает рыболова.
Да! На год хватит пищи для молвы
О перволедном небывалом клёве.

Огонь откровения

Солнце палящее щедро светит над нами,
Звёзды нам дарят свет неоткрытых миров,
Кедры смолистой и пряной
прохладой нас манят,
Манит огонь откровенья
таёжных костров.

Здесь, у реки, мы с тобою
поставим палатку,
Будем закат провожать и
рассветы встречать.
Будем шагать напролом, напрямик,
без оглядки,
Будем смеяться, грустить
и любить, и мечтать.

Светом багряным умоет огонь наши лица,
Вспыхнув зарницей, развеет печали туман.
И откровенья родник
у костра заструится —

Здесь неуместны ни хитрость,
ни лесть, ни обман.

Холодно станет — к огню протяну я ладони,
Сердце остынет —
согреют мне сердце друзья.

Будь же, костёр, родником
откровенья бездонным,
Тем, что так любит
туристов бродяжья семья.

Февральский этюд

Восток светлеет. С каждою минутой
Февральской ночи ставивает мгла.
И облаков пейзаж рассеяв мутный,
Заря лазурь в полнеба пролила.

А гвалт вороний оттепель вещает...
Душа предчувствий радужных полна.
То зимний день погожий обещает —
Вот-вот, и грянет на земле весна.

Играй, дитя

В глаза ребёнка глянул я,
В них ни тревоги, ни печали,
Они ещё не изучали
Печальный опыт бытия.

Глаза детей надежд полны.
В них сто вопросов ежечасно,
В них отраженье душ прекрасных
И мирозданья глубины.

Но, как ни долгодетства срок,
Беспечности не вечно длится.
И горестной слезе пролиться
В ответ на горестный урок.

Покуда ж не пришла пора
Утрат и разочарований,
Недужных встреч и расставаний,
Вся жизнь — лишь детская игра.

Играй, дитя, и не спеши
Упасть в пучину взрослой жизни.
И пусть из глаз не слёзы брызнут,
А нежный свет твоей души.

О высоком и земном

Я подарить тебе весь мир хочу,
Огромный мир цветной, как сотни радуг.
Я для тебя хоть к звёздам полечу,
Превозмогу любые я преграды.

Но ты сказала: «Милый! Если ты
И впрямь готов свершить любое чудо,
Спустишь домой с небесной высоты,
Пойди и вымой для меня посуду».

Дороги мои

Говорят, дороги начинаются с вокзалов...
А моя дорога — в сердце пролегла.
А моя дорога не с вокзальных залов, —
С детства в путь далёкий увлекла.

Нет в моей дороге остановок,
Есть ночлег в палатке у реки,
Много песен есть хороших, новых,
Есть костров зажжённых огоньки.

С песней, словно с посохом шагаю,
Песней сыт и песнею дышу.
А ещё всё время я мечтаю,
Что такую песню напишу,

Чтоб её как хлеб, как соль в походы
Брали в рюкзаки и на привале,
В сумраке таёжном, дружным хором
У костров бродяги напевали.

Искусство и реальность

Ещё не довершён мазок последний,
А уж толпа нахлынула к холсту.
Один чудаков воскликнул даже: «Гений
Лишь мог создать такую красоту!».
А он был нищ! Увы, был нищ до смерти,
Не получив за это ни гроша...
И дела не было толпе, что на мольберте
Не холст был распят, а художника душа.

Начало музыки

Оркестр замер, как бегун на старте.
Сгустилась смолью в зале тишина,
Взлёт палочки — и в трепетном азарте,
Как конь ретивый вздыбилась струна.

Наохлились по-птичь мандолины,
Миг — и сорвутся балалайки в пляс.
И, по-гусарски деки выгнув спину,
Взгудел ещё беззвучно контрабас.

Вздожали барабаны в лихорадке,
В предощущеньи палочной гульбы,
Межа баянов потянулись сладко,
В волненьи взмокли музыкантов лбы.

И взглядом, словно молния сверкнувшим,
Оркестр окинул дирижёрский глаз...
И, тишины томящей плен разрушив,
Взлетела, покатила, понеслась

Раздольных звуков тройка удалая,
Вздымая круговерть из-под копыт.
Как будто это Русь моя родная
Над полем песней звонкою летит.

Был воздух прян и банно-липок,
Немилосердно солнце жгло
И время медленной улитой
Лениво к полудню ползло.

Цветы почти уже лежали,
К траве поникнув головой.
Земля — наложницей дышала
В истоме страсти роковой.

Всё тщетно жаждало укрыться,
Не в силах пекла превозмочь...
Но вот, на грома колеснице,
Накрыла Солнце тучи ночь.

Потом протяжно, как из скрипки
Извлёк тончайший стон смычок,
Подуло и уже не липкий,
вскружившись разом как волчок,

Сорвался воздух в пляс удалый,
Взметая пыли хоровод.
Вновь гром литаврами ударил,
И раскололся небосвод.

И ошалев, хмельной от страсти,
Дождь наземь пал миллионом стрел,
Землей стоимившейся он страстно
В соитии бурном овладел.

И, вдруг иссяк, и отжужжали
Дождинок пчелы, петь устав...
Земля счастливая лежала,
Поля блаженно разметав.

Сергей ЕРОФЕЕВ

Ерофеев Сергей Сергеевич - литератор, старший преподаватель кафедры экономики и управления производством Сибирского государственного индустриального университета, член Русского географического общества, собственный эксперт комитета по вопросам культуры Совета по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства при главе Новокузнецка, путешественник, краевед. Автор повести «Акт веры», поэмы «Андакте для комуса и струнных», более 60 публикаций в литературных альманахах и периодической печати.

Легенда о Кузедее

Глава первая

Споём, комус, и вспомним о былом:
Ломаем кругляши мирских печатей,
Отыщем пепел, чтоб уткнуться лбом
В торец полатей.

Споём, мой друг. Споём, что всё вокруг
Незыблемо, но всё же неодолимо
Изменчиво, — чредой тележных дуг
Плывёт помимо...

Хмельная песнь низринется в огонь,
Пламенногробивый поухнет конь,
Окрепнет дума,

Вплетясь в венки негаснущих речей,
Сакральный танец матовых плечей
И толщ Молдума.

1.

Темны века, но тьма ещё темней,
Ягуци волны сонного потока...
Устал очаг... Глас дочери пророка
Исполнился безбрачием теней

И цепью фраз... Ещё гудки заводов
Не оглашали выморочный быт;
Лесоповалом русских хороводов
Не орошались нёба горных плит,

Манчжурских армий бронзовый оскал,
Польстившись на пушину и металл,
Не излучал языческого ига;

Не утруждался выбором ярма
Служивший на границе задарма
Премьер-майор Франтишек де Гаррига;

Рассеянное не было в цене,
Рассветные — не столь плакучи — ели,
Ещё не пробудились вполне
Заплоты, маяки и цитадели;

Крестя и отпевая на берегах,
Не просиял в глуши отец Василий,
Не отлегла тропа людских бессилий,
Теряясь в припорошенных стогах;

Ещё не все киргизские роды
Несли дары от дребей и воды,
Признав в орле всесильного кумира, —

Когда слова сплелись на алтаре
В непамятном простылом сентябре,
И песня обратилась плотью мира.

2.

Едва лишь стал вытягиваться в гору
Рмацкого наследья буйный век, —
Уже служивый пришлый человек
По косогору

На головёшках сгубленных трудов
Сажал ростки заборов и рогаток
И тыном огороженных заплоток
Педосадов.

Твердя: «Не зря, не зря, не зря, не зря», —
Молитвами избранного царя
И властью светской

Творил он под заклатья топора
Не выселки, не стан, не хутора,
А град Кузнецкой.

Лишающим готовился приют —
Лихим столам, отторгнутым коленам,
И вызов, кочевавшим за Уеном
Насельникам каркасных тюркских юрт.

Преданьям вторя,
от столбов стены,
Покинув впопыхах родные крыши,
Берёзок звонких рожицы-акчиши
Шагнули в хмарь отпрянувшей страны.

Святым глаголом, спорым ли мечом,
Скупым братаньем, рыхлым калачом,
А толь искусством толмача-поляка,

Ковался ключ к далёкой Уч-Сюмар —
Вожди себя отписывали в дар,
Примером ставя князя Базаяка.

3.

А между тем в сени живых вершин
Алтайского белёсого бурнуса
Сбиралась рать в поход на злого русса,
Склоняясь перед
волею старшин.

Мирскую соль и тайны ведовства
От древних переняли эти люди —
Десятки сотен рериховской чуди —
Клеймённые заложники вдовства.

Поднятые
в воздушных волненьях,
Кольчужной глади хладных завихренях,
Они ступали, и земля томилась...

Единый прах, воссозданный вершить,
Единой силой силу сокрушить,
Чтоб песня в мира плоть не обратилась.

Когда ж просторы поперхнутся кровью,
Когда, пришельцам жертвою грозя,
Наметится обратная стезя
К Средневековью,

Казачьи крепи сгинут без следа,
Нарывы скроет снега одеяло, —
Истории такое иногда
Перепадало...

Хмельная песнь растрачена до дна,
И зольная прокралась седина
В девичьи ласки.

Рождай, комус, над брением веков
Неясный гул мятущихся подков
Из страшной сказки.

Междуглавие

Устали ноги вдавливать шаги,
стало тело, вдохами редая,
От дивных глаз батыра Кузедая
Остались неприметные штрихи

Под млечными косматыми бровями.
Цикл нерушим, и непреложен срок, —
Предания раздроблены в песок,
Песок исчез меж крупными камнями.

Смерть временит, и множатся стада,
Ожгла и распрощалась страда,
Курумками оплыли павших лики;

Старик Молдум глядит на старика,
И движет величаяя река
К острожным башням солнечных блики.

Глава вторая

Запоем вехи сладостных тревог,
запомним, как светило утонуло,
Переступив озёрного зарок
Баянаула,

Как, прошивая коконы эпох,
Всползая по колоннам мироздания,
Всеведущий готовил ложе мох
И назиданье

Бодрящимся в рифмованной сурьме
Кромешного стального буриме, —
Так интересней,

Чем соблазняться нежитью чудес
Истлевших и истаявших телес
Из Песни песней.

4.

Единственный и чаемый финал
зды верхами долгой, многодневной, —
Что заточённой нервной королевной
Воителей не мешкать заклинал, —

Прокладывал им путь Калмыцкой гатью
К приабинским аилам кузнецов,
Привявших на уделах мертвецов
Пленяющее крепостью и статью

Кольцо из бревен, сбитых в частокол,
Дозорных вышек дощатый сокол,
Накаты изб и лица, лица, лица...

Нездешние — с иной, чужой тоской —
Впитавшие сибирский непокой,
Не норвя однажды им напиться.

А достигнув складки голого увала,
орога расплескалась по лугам;
Подставив струи вторгшимся ногам,
Она у самых яслей пролежала.

Взяв тяжкий лук и кожаный колчан
Отвыкшими от юности руками,
Пред пришлыми друзьями иль врагами
Привстав на перевёрнутый топчан,

Возник жилиец встревоженного дола.
Острой, чем боль студёного укола
Проснулся возглас в сумрачных рядах:

«Ты, Кузедей?» Зарвавшееся эхо —
Сварливых склонов редкая утеха —
На радостях затихло словом «Да».

5.

Единый прах повывался на шаг
единой силой, к взору прикипая,
Не веря или недоумевая...
«Пусть будет так...»

Всесильные сыны полдневных круч,
Иззубренных бездонностью промоин,
Мы думали, что ловок и могуч
Великий воин.

А ты едва удерживаешь лук...
Не мучайся, не надо столько мук, —
Твоим скотам ничто не угрожает.

То старость отверзает мрака пасть
Для поколений, призванных отпасть,
То песня мира плоть уничтожает».

Еловых лап протянутые длани
ещё щадит сознание певца:
Морщины кузедеева лица
Открылись жару рыкающей рани.

Над берегом, где вырастут редуты
И крыши приграничного села,
Над бором, над плесканьем водной смуты
Взвилась оперённая стрела,

И дрогнул мир воссозданных вершить —
Пример тому, что может предрешить,
Сбирая силы, правый человек:

Дремавшая во власти бестревожья,
От темени до самого подножья,
Скала располовинилась навек.

6.

Встань прежде нас, прославленный боец! —
оззвали рати. — Пусть ты и не молод...
И мы наденем жертвенный венец
На новый город...

Открой нам путь, и с измахом десным
Уроним чаны хлопкового масла
На москвитян несбыточные сны, —
И вспыхнут прясла...

Повырежем сей род до холодов,
Возьмём Сибирь, Сибирь своих дедов —
Свое кормило!..»

Старик отвечает: «Я на их посту
Поклялся в вечной верности Христу
И Михаилу.

Акчишей вьюга движется на юг,
Я движенью этому внимаю...
Вам надлежит землю оставить круг
Ещё до соков будущего мая, —

Во мрак пещер, куда пути мне нет,
Сойти, отдав пришельцев половодью
Укрытый вами знаньем древний свет,
Чтоб песня обратилась мира плотью.

Споём, комус, над брением веков,
Споём, мой друг, над негой сонной ласки,
Пад куполом недужных облаков,
Влеченьем сказки...

Сомкнутся веки, пламенных идей
Уж нет как нет, истаивает дума
О том, что в вечность канул Кузедей
Средь толщ Молдума.

Авторские примечания

Глава первая

Полати — лежак, устраиваемый в русских избах под потолком, — либо между стеной и печью, либо в углу. В последнем случае — две стороны крепятся к венцам, свободный угол — к брусу, устанавливаемому в полу или закрепляемому в потолочной балке — матице.

...**Сакральный танец матовых плечей**... — Чтобы текст «легенды», уложенной в «твёрдые формы», не казался слишком однообразным я решил с периодичностью «через два» использовать «хромой» сонет. Помимо этого, уместным мне показалось и некоторое усложнение смысла, в том числе и намёк на эротический подтекст. Таким образом, повествование превращается в воспоминание о повествовании, расцвеченное налётом чувства к первоначальной рассказчице.

Молдум — эта река сейчас более известна под названием Кондома. Левый приток Томи. Исток находится в отрогах хребта Бийская Грива. Кондома впадает в Томь в черте современного Новокузнецка.

1.

Выморочный — обречённый на гибель, отмирающий. Здесь имеется в виду отмирание крестьянского быта под натиском процессов урбанизации и индустриализации в первой половине XX века. Этот процесс в контексте поэмы можно рассматривать как превращение заштатного провинциального Кузнецка в «Стальное сердце Сибири» на рубеже 20–30-х годов, хотя подобное толкование, на мой взгляд, слишком поверхностно. В этом и следующем сонетах время раскручивается вспять, вновь открывая взгляду основные вехи, оставленные за спиной населением и территориями, но — в обратном порядке, оставляя нас у начала реальной и окончания легендарной эпохи.

...**Лесоповалом русских хорободов**... — аллюзия (намёк) на каторжную и лагерную

судьбу Кузнецкого края.

Манчжуры — одна из народностей Дальнего Востока, в середине XVII века установившая власть над Китайской империей. Манчжурская династия Цин правила ею с 1644 по 1911 год. Конфликты между Китаем и Русским царством/Российской империей по поводу спорных территорий случались не раз, да иначе и быть не могло, учитывая гигантскую протяжённость (в XVIII веке и казахский хан присягал китайскому императору) и фактическую неконтролируемость границы, пролегающей в малонаселённых степных и горно-таёжных районах, а также и амбиции правящих кругов обоих государств. Строительство Кузнецкой крепости (1798–1826), к примеру, также было связано с «китайской угрозой». Поводом послужило резкое обострение отношений между императорами Павлом I и Цзяцином.

Ярмо — часть упряжи тяглого рогатого скота, заменяющая хомут. Здесь употребляется в переносном смысле — бремя.

Фрагментек Иосиф (Франц Францевич) де Гаррига (Дегаррига) — командующий войсками на Кольвано-Кузнецкой дистанции Сибирской линии пограничных укреплений, полковник. Речь идет об инциденте периода третьей ойрато-манчжурской войны (1755–1759). Спасаясь от истребления со стороны китайских отрядов, алтайские зайсаны (старшины) вышли к российской границе с просьбой принять их в русское подданство. Де Гаррига имел прямой приказ командования во избежание начала военных действий никого через границу не пропускать. Выбор был таков — подчиниться приказу и иметь на своей совести целый народ или не подчиниться и нести всю полноту ответственности за дальнейшие события. К тому времени как китайцы форсировали Катунь, Коллегия иностранных дел сняла с плеч полковника это бремя.

Премьер-майор — чин в российской армии XVIII века, соответствующий современному подполковнику. В тексте мною сознательно допущена неточность. Насколько мне известно, на момент «выбора ярма» де Гаррига был уже в чине полковника.

...**Заплоты, маяки и цитадели**... — Имеется в виду система пограничных укреплений — Кольвано-Кузнецкий участок Сибирской линии. Заплот — это сплошной глухой забор из уложенных горизонтально бревен, вставленных торцами в пазы столбов, отграничивающий некоторое пространство с той или иной целью. Маяк — укрепленный наблюдательный или сигнальный пункт. Цитадель — обычно, внутреннее, основное укрепление крепости. Здесь — как синоним слова «крепость».

Отец Василий — Василий Иванович Вербицкий (годы жизни: 1827–1890). Священнослужитель Русской православной церкви (протоиерей), выдающийся ученый-этнограф и лингвист, член Императорского Русского географического общества. Отец Василий многие годы занимался миссионерской деятельностью, собирал образцы фольклора Алтай и его предгорий. По его инициативе была построена православная церковь в селении Аил (ныне часть села Кузедеево).

...**Трона людских бессилий**... — путь в легендарную страну Беловодье, земной рай, зачастую отождествляемый с приснопамятной Шамбалой. В поэме намёки на этот «Потерянный Эдем» будут встречаться достаточно часто.

Киргизы — речь, разумеется, идёт о коренном населении Кузнецкого края, к которому термин «шорцы», в общем-то, неприменим. Однако «киргизами» переселенцы обычно именовали снисейских киргизов, кочевников-телеутов и джунгар называли соответственно «белыми и чёрными калмыками», собственно же население

края — «татарами» или «кузнецкими татарами» (от самоназвания «талар-кижи»).

...**Признав в орле всеильного кумира**... — «Тамга» переселенцев — двуглавый орел «Третьего Рима».

Алтарь — место, где происходит священнодействие. В данном случае, на алтаре Кузнецкого края слова в Песне демиурга складываются в начало новой эпохи, и облик края меняется с каждым следующим её словом. Поэма же — человеческая песнь, текущая параллельно песне мира и позволяющая определить значения слов и фраз, некогда переплетённых нечеловеческим сознанием.

2.

Ермак — Ермак Тимофеевич (годы жизни: ?–1585) — казачий атаман, покоритель Сибирского ханства. «Ермацкого наследья буйный век», следовательно, семнадцатый, а поскольку указано, что век этот шел «в гору», речь о первой его половине.

...**На головёшках стубленных трудов**... — В XVII веке русские городки в Западной Сибири подвергались опустошительным набегам кочевников, и если укрепления — остроги, как правило, успешно держали оборону, то местность вокруг разорялась полностью.

Рогатка — конструкция из заострённых кольев, сбитых с горизонтальным брусом, отдалённо напоминающая плотничьи козлы.

Тын — изгородь из тонких жердей; обычный плетень также иногда называют тыном.

Избранный царь — Михаил Фёдорович Романов (годы жизни: 1596–1645), первый русский царь из династии Романовых. Избран на царство в 1613 году Земским собором. Упоминание о молитвах царя — намёк на патриарха Филарета, отца и соправителя Михаила, не только оказывавшего существенное влияние на сына, но и, по сути, определявшего политику Русского государства в первые десятилетия по окончании Смуты.

Светская власть — власть, на которую не оказывают существенного влияния установления господствующей церкви. В данном контексте — просто государственная власть, однако, учитывая, что соправителем царя был отец-патриарх, об отсутствии такого влияния речь, мне думается, всё же не идёт.

Выселок, хутор — по сути, синонимы, — одно или несколько крестьянских хозяйств, расположенных за околицей поселения. Разница в названии может обуславливаться разве что местностью, из которой прибыли владельцы этих хозяйств.

Стан — обычно охотничий балаган или землянка, служившая пристанищем в тайге; однако здесь, скорее, — путевая, часто долговременная, стоянка переселенцев, иногда с вполне добротными срубленными строениями, позволяющими, к примеру, перезимовать. На это указывает и то, что слово употребляется в единственном числе — «стан», а не «станы», среди слов «выселки» и «хутора».

Кузнецк (Кузнецкий град) — прародитель современного Новокузнецка. Считается, что город основан в 1618 году отрядом служилых людей из Томска под предводительством Остафия Харламова-Михалевского и Молчана Лаврова. Однако эта версия весьма условна, — попытки закрепить «в кузнецках» случались и раньше, и строились острожки, в которых казаки отбивались от местных князей. Например, отряд Ивана Павлова укрепился здесь в 1610-м. Поселения же кузнецких татар и вовсе существовали на территории города испокон веку...

Лишающие — те, кто лишает. Первопроходцы открывали и осваивали новые территории, в первую очередь, для сбора яса-

ка — дани для пополнения государевой казны. Сбор дани, что совершенно очевидно, предполагает лишение местного населения части охотничьей добычи или продовольственных запасов.

Колена — поколения. Отторгнутые колена — те представители родов, что не вписываются в рамки устоев и общепринятых правил. Не секрет, что в Сибирь зачастую шли люди, у которых были серьёзные проблемы с законом; или же те, кто жаждал хлебнуть вольной волюшки по азиатскую сторону Каменного пояса (Уральского хребта).

Уен (Уень, Уэнь) — река Иня, правый приток Оби. Фактическая восточная граница теленгетского (телеутского) государства. Теленгетское ханство просуществовало полтора столетия — с середины XVI века вплоть до 1717 года, когда джунгары переселили северных соседей в глубь своей кочевой державы.

Насельники — жители, те, кто населяет какую-либо местность, территорию, жилище.

Тюрки — группа народностей, объединённых по языковому признаку. Средневековые предания возводят Тюрка, мифического общего прародителя тюркских народностей, к ближайшим потомкам библейского Иафета, сына Ноя. Коренное население Кузнецкого края, — телеуты и кузнецкие татары, а также их соседи алтайцы и хакасы, — относятся к народам тюркской языковой группы.

Юрта — переносное каркасное жилище степных кочевников.

...**Преданьям вторя**... — Существует легенда, что берёза, — дерево, образ которого неотделим от образа России, — появилась в Кузнецком крае лишь с приходом первых русских поселенцев. Это обыгрывается в поэме довольно своеобразно — распространение берёзовых рощ — акчишей — трактуется Кузедеем как символ неизбежности русского владычества.

Длагол — здесь, в значении «слово».

Толмач — переводчик. В тексте указано, что переводчик — поляк по национальности, видимо, один из призраков Смутного времени.

Уч-Сюмар (Уч-Сумер, Белуха) — наивысшая точка Алтайских гор. Сюда держали путь искатели «земногорая», здесь чаяли они отыскать врата в сказочную страну Беловодье — землю вечной справедливости и благодати.

...**Вожди себя отписывали в дар**... — С усилением влияния Русского государства за Уралом всё больше сибирских правителей признавали себя вассалами русского царя и обязались платить яса (дань) «в государеву казну». Первым среди князей «в кузнецках», кто принял «покровительство» Москвы, был полугенеральный Базаяк.

3.

Бурунс — просторный шерстяной плащ с капюшоном, обычно — белый. Вечные снега, плотной непроницаемой материей отягощающие горные вершины и плато, часто представляются впечатлительному созерцателю белыми одеждами.

Старшины — старейшины, выборные вожди, как правило, у народностей, где не сложилась наследственная аристократия.

Рериховская чуда — к использованию темы легендарной чуда, той самой, чей уход под землю от Белого Царя русских запечатлён на известной картине Николая Рериха «Чуда подземная» (1928 год), меня подтолкнул отрывок из «Кузнецкой летописи» Ивана Конохова. Конохов приводит свой вариант истории о Кузедее, фразой «поднялась на них чуда» снимая все вопросы о «национальной» принадлежности появившегося на Молдуме воинства. Теперь немного о природе этого воинства из текста поэмы: мы знаем, что изначально, это всё же люди, но ныне — это живой прах, представляющий

собою единую силу, обитающую в вечных снегах Алтайских гор, то есть там, где должна существовать страна Беловолье. Мы также знаем, что людям этим ведомо мирская соль (новозаветные носители истинного знания), но также и тайны ведовства... Чуть дальше (во второй главе) мы читаем, что языческая Сибирь — их кормило. Так кто же они, и что это за «Беловолье», искушающее страждущих возможностью змного блаженства и обрекающее на верную гибель? Думаю, ответ очевиден.

Воздух — тканый покров для священных сосудов, используемых в церковной практике для отправления Божественной литургии. Перскликается с темой алтаря и жертвенника.

Кольчуга — боевой доспех, представляющий собой длинную «рубашку», составленную из металлических колец.

Припелыцы — имются в виду пришлые люди, русские переселенцы.

Средневековье — исторический период между античностью и новым временем. Нет единого мнения о конкретных границах этого периода, однако, применительно к Российской истории, в качестве его окончания логичным было бы принять либо второе (завершение Смуты и воцарение Романовых), либо последнее (начало этапа петровских реформ) десятилетие XVII века.

Крепль — укрепление, острог. Сибирские остроги — небольшие городки — представляли собой ряд рубленых строений жилого, бытового и религиозного назначения, окружённых частоколом с дозорными и проездными башнями.

Бренье — грязь, прибитая и размоченная дождём льный, прах. Звучит комуса возносятся рассказчика над тяжестью напластований минувших столетий, позволяя взглянуть на события прошлого «несмысленным» взором.

Мягупиесея — при помощи комуса можно вполне натурально симитировать перестук копыт, а использование нескольких инструментов и, к примеру, голоса, даст и эффект приближения целого воинства.

Междуглавие

Батыр — у тюркских народов слово, обозначающее великого воина, богатыря.

Куздеи — татарский (шорский) воитель, по имени которого названо одно из старейших русских сёл Кузнецкого края. Имя это встречается в ряде сказаний, причём не только у населения Шории. В некоторых из них он именуется дивнооким, в связи с чем я, собственно, и упоминаю о его глазах. Как литератору, кстати, мне кажется весьма примечательным, что в произведении, состоящем всего лишь из двух глав, читатель знакомится с основным героем лишь по прочтении первой из них, то есть половины всего текста.

...Смерть времени... — Согласно тексту поэмы, Куздеи, — представитель той эпохи, что дошла до времени появления русских первопроходцев лишь полузабытыми сюжетами древних былин, бившийся с великанами, давным давно почившими, ставшими одинокими вершинами и, в большинстве, оплывшими и распавшимися. Что чувствует живой персонаж легенд в мире, где легендам более места нет? Каково невыполненное предназначение, не позволяющее ему умереть?

Страда — в данном случае, период косьбы, заготовки сена.

Острог — имется в виду Кузнецкий острог. Существует версия, что изначально его поставили не на правом берегу

Томи (у Вознесенской горы), где впоследствии и вырос Кузнецк, а на Красной горке, то есть на берегу Кондомы (Молдума). Этой версии придерживаются не все историки, но именно она принята в тексте как данность. Судя по особенностям местности, явно изменённой рукой человека, можно предполагать, что какое-то поселение на Красной Горке было, но вот русское или татарское, — сказать сложно.

Глава вторая

Баянаул — горно-озёрный район на территории Казахстана. В Шории закатное летнее солнце опускается за линию горизонта как раз в направлении Баянаульских гор. Первый сонет второй главы вновь адресует читателя ко времени, когда историю о Куздее услышал сам автор-рассказчик. Из контекста можно понять, что легенда была поведана ему за два вечера.

Сурьма — химический элемент, соединения которого издревле применялись для чернения ресниц и бровей.

Буриме — интеллектуальная игра, заключающаяся в составлении стихов на заданные рифмы.

Песня песней (Книга Песни Песней Соломона) — одна из книг Ветхого Завета, породившая немало споров в части трактовки. Так или иначе, эта книга — о любви.

4.

Часмый — желаемый. Часмым финалом для выступившего из Алтайских гор войска, видимо, являлось уничтожение русских поселенцев и заложеного ими города.

...Заточённой первной королевной... — «Нервной королевной» в тексте именуется Марина Мнишек — польская авантюристка, умудрившаяся стать русской царницей. Слово «королевна» употребляется лишь для создания нужного эффекта, в жилах её не было ни капли королевской крови. По одной из версий, по окончании Смуты заключена в Коломенском кремле, где и скончалась, и хотя дата ее смерти (как и дата рождения) оспаривается, умерла она еще до основания Кузнецка, — это несомненно. Упоминается в тексте как собирательный образ врага Московского государства того времени.

Калмыцкая гать (Калмыцкая дорога) — древний ясачный путь из Средней Азии в Западную Сибирь. Пограничные укрепления XVIII века возводились в предгорьях Алтая, чтобы перекрыть именно его, устранив тем самым единственную возможность для вторжения крупных сил неприятеля, в условиях практически непроходимого для войск региона. Гать, вообще, это дорога в болотистой местности, представляющая собой сплошную уложенную из брёвен полосу. Брёвна гати укладываются перпендикулярно направлению движения по ней, часто укрепляются лагами или же сбиваются скобами. Калмыцкая дорога, конечно же, не была гатью, да и дорогой в привычном смысле — тоже, это просто пригодная для продвижения большого количества людей местность.

Приабинские айлы — поселения кузнецких татар, расположенные в районе реки Аба. Аба — левый приток Томи, некогда имевший сакральное значение для местного населения (слово «Аба» означает «отец»). Ныне — это отравленный промышленными и бытовыми отходами поток, забраный в пределах Новокузнецка в бетон. Сёла коренного населения севера Кузнецкого края — улусы, юга — айлы или аалы.

Кузнецы — кузнецкие татары. Считается, что население Кузнецкого края в древности мастерски владело искусством выплавки железа (кричный способ) и превращения этого железа в оружие и предметы быта.

Удел мертвецов — Территорию Кузбасса в прошлом населяли различные народности, которые приходили сюда из неведомых далей и впоследствии уходили в дали столь же неведомые. Многие современные поселения стоят на местах, обжитых человеком ещё в глубокой древности. По словам археологов, можно начинать копать на стрелке любых двух речушек и найти следы былого человеческого присутствия. Это конечно не совсем так, но доля истины в подобных утверждениях всё же есть. Удел мертвецов, — в данном случае, вовсе не кладбище, как может показаться на первый взгляд, а местность, где стояли жилища тех, кто уже мёртв.

Сокол — рогатина, спаренные кольца. Фраза «сокол вышек», означает, что их две, например, в разных концах поселения.

Накаты изб — венцы, ряды брёвен, обрезающие сруб.

...сибирский непокой... — особое тревожное состояние сибирской природы и неотступное, непреходящее ощущение душевной тяжести, им порожаемое. Ощущение это — тёмная изнанка «сибирского характера», ставшего притчей во языцех.

Увал — протяжённая пологая возвышенность. Район нынешнего села Куздеево, — местность описываемая в поэме, — расчленён петлей Молдума (Кондомы). Левый берег (западный, внешняя сторона петли) — спускающийся к реке увалы, правый берег (внутренняя сторона) — поросшие тайгой сопки, — порождающие эхо сварливые склоны.

...Подставив струи вторгшимся ногам... — Дорога здесь сравнивается с потоком, выносящим предавшихся его власти людей к единственно-возможному, предопределённому месту — к своему устью.

Ясли — корыто для кормления скота. Слово это употребляется в тексте в несвойственном ему значении «скотный двор», то есть комплекс построек, где, собственно, и помещаются эти корыта. Исходя из общего контекста рождения новой эпохи, включить в текст упоминание о «яслях» я счел необходимым.

Топчан — здесь, в значении «чурбак».

5.

Полдень — юг, южное направление.

...Для поколений, призванных отпасть... — Воины удивлены и указывают Куздею, что он — дряхлый старик, которому, видимо, недолго осталось существовать среди живых, представитель поколения, давным давно канувшего в небытие, и судьба его предрешена.

...сознание певца... — здесь, как и прежде, певец — это край-демиург.

...Открылись жару рыкающей рани... — Фраза эта свидетельствует о том, что события имели место утром, — Куздеи, отворачиваясь от войска, глядит в сторону поднимающегося из-за гор правого берега Молдума солнца, уже набравшего силу, ярящегося, подобно дикому зверю, готовому напасть: Рыкающий — издающий рычание, рык.

Редут — полевое укрепление, предназначенное для круговой обороны. Куздеево ещё в XVIII веке было приграничным селом, располагавшимся прямо на трассе Кольвано-Кузнецкого участка Сибирской линии укреплений. Здесь был «угол» границы, здесь она

поворачивала к северу — на Кузнецк.

...Скала располосилась навек... — «След от стрелы, пущенной Куздеем», это глубокое ущелье на правом берегу реки, в нескольких километрах ниже по течению. Скала, высящаяся рядом, называется Ог-аттыг-таш — Стрельный камень. В самом ущелье, ещё на моей памяти, существовал пионерский лагерь.

6.

...прежде нас... — то есть впереди. Показавшему свою силу батыру было предложено вести воинство на Кузнецк. Надо сказать, что существуют версии легенды, где он согласился это сделать.

...жертвенный венец... — намёк на терновый венец Спасителя. Надеть на город венец мученичества означает предать головному истреблению его жителей.

...Открой нам путь... — Благодаря этой фразе мы понимаем, что вождям, в отличие от Куздея — местного жителя, не известно точное местоположение острога.

...с измахом десным... — со взмахом правой руки.

Хлопчатник — одна из древнейших масличных культур. Думаю, если бы чудь решила запалить город при помощи растительного масла, это было бы именно хлопчатковое (хлопчатниковое) масло из Средней Азии.

Москвитяне — бывшее наименование жителей Москвы, в более широком смысле — Русского (Московского) государства.

Прясли — секция ограды между двумя ближайшими столбами, либо участок стены-частокола между двумя стоящими рядом башнями.

...Сибирь своих дедов... — Этой фразой вожди не столько даже утверждают, что Сибирь в прошлом была под властью их рода, сколько акцентируют внимание Куздея, что он по крови и по духу ближе им, нежели пришлым.

...на их посту... — Имется в виду либо сам город, либо вынесенный на некоторое расстояние в глубь территории сторожевой пункт.

...Христу и Михаилу... — то есть Богу и государю. Неоднозначный момент, который, как я предполагаю, может вызвать массу нареканий, поскольку формально, если не вдуматься в контекст, превращает былинного героя в мучника за веру. Здесь я имел в виду конечно не это, — фраза лишь характеризует Куздея как одного из местных владетелей, признавших власть русского царя и обязавшихся платить яса в казну. Хотя, отказавшись вести войско на Кузнецк, батыр пострадал за веру в том смысле, что сохранил русский город — базу её распространения.

Круг земель (Orbis terrarum) — расхожее выражение, восходящее к римскому государству. Римляне называли так известный мир, окружённый неведомым.

Споём, комус... — Вторая глава (воспоминание о втором дне повествования) заканчивается тем же, чем начинается первая, — обращением к комусу. Кроме того, здесь присутствует ряд ссылок на предыдущий текст, — вновь появляются «бревни веков», «ласки», «сказка» и «толщи Молдума», появляются, что бы исчезнуть навсегда в глубинах памяти.

...О том как в вечность канул Куздеи... — Уложить легенду со всей предысторией в пятнадцать стихотворных отрывков, припечатанных «стрелой куздеевой», — достаточно интересный для меня опыт, а уж если оригинальничать, так до конца. Финал сжат в четыре строки и не оставляет никаких сомнений, — батыр поплатился жизнью за отказ нарушить данное им слово.

Георгий БАЛАХНИН

Балахнин Георгий Васильевич родился в 1936 году в поселке Мундыбаш Таштагольского района в семье рабочего. В 1951 году закончил школу-семилетку и поступил в Кузнецкий металлургический техникум на отделение сталеплавильного производства, по окончании которого прослужил на флоте четыре года. Осенью 1959 года вернулся в Новокузнецк и устроился на КМК в мартеновский цех №1 подручным сталевара, где и проработал до весны 1987 года. Вышел на пенсию, будучи старшим сменным мастером разлива стали. В 1995 году впервые переступил порог Православной Церкви. С 2002 года диакон Храма во имя св. прп. Сергия Радонежского при Сибирском государственном индустриальном университете.

Час Божий

(по одноименной повести Н.С. Лескова)

Действующие лица:

Ангел Божий;
Дмитрий Степанович Мамонтов — молодой купец;
Дарья — жена его;
Василий Данилович — купец 1-ой гильдии;
Маркел Ильич Мамонтов — дядя Дмитрия Степановича;
дворовый при купце Дмитрии Степановиче.

Храм. Рождественская служба. Звон колоколов. Пение тропаря Рождества. В масовке прихожане. На переднем плане купец Дмитрий Степанович с женой Дарьей и двумя детьми. Из 1-й кулисы является Ангел перед Дмитрием Степановичем с вестью.

Ангел. В сей день Господь посетит тебя. Ожидай. Встречай.

Под пение и звон колоколов закрывается занавес. Действие переносится в дом купца.

Стол с самоваром и чайными приборами. За столом Дмитрий Степанович и купец 1-ой гильдии Василий Данилович — чаевничают.

Василий Данилович. Хорошо у тебя, Дмитрий Степанович. Дом хороший отстроил. Лобазы тоже. И дело свое купеческое хорошо ведешь. Молод, а братия наша купеческая тебя уважает. Не обижает никого. Не хапает. И богалельню вон открыл в городе нашем. А колокола-то, колокола какие на церковь пожертвовал. На всю округу звонят.

Дмитрий Степанович. Да чего уж, Василий Данилович. Господь всем управляет. Я — человек маленький. Ему — Ему слава (осеняет себя крестным знаменем).

Василий Данилович. Бог то Бог, да и сам не будь плох. Не ошибся я в тебе. Двенадцать лет уже мы с тобой в одной упряжке ходим. Не везло мне с приказчиками. То заворуется, то умом не богат. А вот появился ты у меня во дворе, такой тихий, скромный. Должность самуцк маленькую просил и угол. Чем-то тронул ты мою душу. «Дай, — думаю, — возьму за лабазами приглядывать.» Э, вон как все вышло то. Через год ты приказчиком стал. А дело-то как пошло! Но главное — честный ты человек оказался и смекалистый.

Дмитрий Степанович. Да что Вы, Василий Данилович...

Василий Данилович. А ты не перебивай. Полюбил я тебя, как сына родного. Вот и взял тебя в компаньоны. Восемь лет ты уже

в купцах ходишь. И хорошо преуспеваешь.

Дмитрий Степанович. Спасибо Вам, Василий Данилович. Во всю свою жизнь обязан Вам. Да и Вы мне, как отец родной. Да хранит Вас Господь.

Василий Данилович. Да. В самом деле, пути Господни неисповедимы. (Помолчали.) Вот только один вопрос меня меня все эти двенадцать лет волнует. Я все не спрашиваю. Вроде как не время. Помнишь, когда я брал тебя к себе, сказал: «Ничего не рассказывай о себе: я тебе верю. Сочтешь нужным, со временем расскажешь». Может, сегодня? Откуда ты появился у нас в Минусинске? Кто твои родители? Ну, сирота и сирота, но ведь кто-то же родил тебя? А, Дмитрий? Клянусь тебе, все между нами останется. Чай не чужие мы теперь.

Дмитрий Степанович. Да что и рассказывать-то? Отец мой, Степан Ильич Мамонтов, — царство ему небесное, — был купец первой гильдии. В Нижнем Новгороде мы жили. На Волге. Кораблик у нас был и ватага бурлаков. Дела хорошо шли. Отец был щедр, даже слишком. Все о работниках своих заботился. Платил хорошо, на праздники одаривал всех. Одно слово — благодетель. И был брат у него, дядя мой Маркел Ильич. Тоже купец. Скулой. По характеру — молчаливый, сам себе на уме. С батей моим в компаньонах был. Отец доверял ему. Как так случилось, я до сих пор не пойму. Но Маркел Ильич разорил отца и завладел всем, что у нас было. Отец не вынес этого и умер от разрыва сердца, и маменька слегла и скоро почилла. Вот и остался я один в свои шестнадцать лет. Ни кола ни двора. Куда деваться? Просился к дяде в работники — не взял. Вот и пошел я с босяками искать свою долю. Много исходил по России-матушке за три хода пока пришел в Сибирь. Тут вот с Вами меня Господь и свел. Ну а дальше Вы, Василий Данилович, сами все про меня знаете. Пока жив, буду за Вас Богу молиться и детям своим накажу.

Василий Данилович. Да... Вот ведь как бывает. Ну а что дядя твой? Что о нем слышал?

Дмитрий Степанович. Да как Вам сказать? Я как ушел из Нижнего, так и не был там ни разу. Да и никому не рассказывал о себе: начни рассказывать — осудишь кого ненароком. Грех-то какой. Да и что случилось, все по воле Божьей! Смирился. Вот так и живу. Зла ни на кого не держу. Слава Богу! Господь милует!

Василий Данилович. Ты уж прости меня, Дмитрий. Разбередил душу твою своими вопросами. Будем считать, что не было у нас этого разговора. И никто об этом знать не будет. Прости, Христа ради!

Дмитрий Степанович. Бог простит, Василий Данилович! Забудем!

Входит Дарья с пирогом. Кланяется Василию Даниловичу.

Дарья. Курничка отведайте, Василий Данилович. Сама испекла к празднику. Еще тепленький. А в чай-то молочко полливайте, оно и ладно будет.

Василий Данилович. Спасибо, Дарьюшка! Уважила. Курничек! Это я люблю (вкушает кусочек). Угадала, очень вкусно! Дай тебе Бог здоровья.

Дарья. И Вам того же, Василий Данилович, благодетель наш. Ну вы вечеряйте, а я пойду детишек спать уложу! (уходит)

Василий Данилович. Хороша у тебя жена, умница. Глаза добрые... Кроткая: по улице идет — всем кланяется, глаза не поднимает. А деткам все наказывает: «Папеньку слушайте. Папенька сказал... Папеньку любите, он у нас вон какой хороший...» Молодец жена!

Дмитрий Степанович. Да, Василий Данилович, она у меня — клад. Слава Богу и за Дарьюшку! Хорошо мне с ней.

Василий Данилович. Ну вот и живите во славу Божию... И мне в радость (утирает глаза).

Дмитрий Степанович. Что Вы?! Что Вы, Василий Данилович?!

Василий Данилович. Да так это. От радости за вас расчувствовался. Однако засиделся я. Домой пора. Спасибо тебе, Дмитрий, за гостеприимство. Будьте здоровы. Еще раз — с Рождеством вас Христовым.

Встают, собираются.

Дмитрий Степанович. Вам спасибо, Василий Данилович, не забываете нас. Всегда Вам рады! (Провожает. Возвращается. Задумчиво ходит по комнате. Входит дворовый.)

Дмитрий Степанович. Чего тебе, Петрович?

Дворовый. Там, за воротами, путник какой-то просится к нам во двор.

Дмитрий Степанович. Путник, говоринь? (Себе — Господи, неужели?) Впусти, впусти! Веди его сюда. (Петрович уходит.) Господи, прости меня недостойного!

Входит дворовый. С ним человек в ветхой одежде, продрогший, старый, изнуренный.

Дворовый. Вот, Дмитрий Степанович, мы пришли.

Дмитрий Степанович. Спасибо, Петрович. Иди, дорогой, иди. (Вглядывается в путника.) Как же это? Вы ведь совсем не одеты — мороз такой... Кто Вы, откуда?

Путник. Не узнаете, Дмитрий Степанович? Вот до чего дожил Ваш лялюшка.

Дмитрий Степанович. Маркел Ильич?! Боже мой! Вот радость-то! Дарьюшка, Дарья!...

Вбегают Дарья.

Дарья. Что, батюшка? Что случилось?

Дмитрий Степанович. Ты глянь, кто к нам пришел. Дядя Маркел! Родной мой дялюшка. Не сирота я, оказывается. Ты, радость моя, распорядись насчет банкы, да стол нам накрой. Радость-то какая.

Обнимает дядю. Тот падает на колени.

Путник. Прости меня, Дмитрий Степанович, прости меня за все. Господь наказал меня. Все потерял, все прахом пошло. Вот, смотри. Все что осталось — все при мне. Будь милостив. Не прогони меня. Дай мне угол какой-нибудь. Измотался я. Измерз весь. Я жизни не рад. Прости меня, Дмитрий Степанович. Только не прогони. Век за тебя бога молить буду.

Дмитрий Степанович. Успокойся, дядя Маркел. Да разве я оставлю тебя. Самую лучшую опочивальню тебе отдам. И самое первое место за столом твое. Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть. А что было меж нами — все будем поросло. Забудем. Я давно уже простил тебя. Ты меня прости. Я столько лет не удосужился узнать о тебе.

Входит дворовый.

Дворовый. Дмитрий Степанович, банка нагрелась.

Дмитрий Степанович. Вот и ладно. Веди дялю моего в баню. Да попарь его там хорошенько. Скажи Дарьюшке, пусть из моих одежд подберет ему самое лучшее. Ну, дядя Маркел, давай в баню. А потом поговорим за ужином.

Уходят. Дмитрий Степанович устремляет свой взор к небу и молча утирает слезы. Молится.

Дмитрий Степанович. Слава Тебе, Христе Боже, упование наше. Слава Тебе. Не оставил и меня недостойного без внимания. Посетил меня в этот великий праздник. Открыл сердце мое и вошел в него. Нет для меня большего счастья, чем этот час Божий.

Общий поклон.

Людмила ТАНКОВА

Сказка о смелом Принце и отважной Принцессе

В далёкой ли, близкой стране Намурляндии жили-были пана Король, мама Королева и их дети: сынок Принц и дочка Принцесса.

Принц Александр был уже почти взрослый и учился в лицее. Принцесса Анастасия ещё только собиралась пойти в детский садик, потому что ей исполнилось лишь три годика.

Жители доброй страны Намурляндии очень любили Принца и Принцессу, а потому называли их ласково Саша и Настя. Только девочке не нравилось, как произносят её имя. Услышав вопрос: «Как зовут тебя, Принцесса?» - она, не задумываясь, коротко отвечала: «Наня!»

Давным-давно в Намурляндии был посажен сад-виноград. Там росли пушистые мальвы, весёлые анютины глазки, солнечные георгины и чудесные голубые незабудки. На больших грядках восседали детки и внуки ворчливого дядюшки Лука и доброй тётюшки Капусты, а на маленькой грядке бока молодые зелёные огурчики. Чуть подальше тянули к солнцу ветки величественные яблони.

По вечерам зелёные жители сада-винограда говорили: «Пить!» Король включал поливальный, который умывал и поил каждый кустик и каждую травинку.

Принцесса Наня строго следила за тем, чтобы все жители сада-винограда ложились спать с мокрой улыбкой на каждом листочке.

Как-то однажды папа Король и мама Королева с детьми собрались в гости в соседнее королевство, где жили бабушки и дедушки Принца Саши и Принцессы Нани.

Там Саша с папой занялись мужской работой, они помогали дедушке Вите обустроить дворец тридцать четвертого королевства, а дедушке Витале перекрывать крышу другого дворца.

Принцессе досталась трудная работа - надо было погулять по улицам королевства с бабушками. Пришлось следить, чтобы одна бабушка не упала, а другая не потерялась, и защищать их от чужих кошек и собак.

Пришло время возвращаться домой в Намурляндию.

«Пока, пока! - говорила Наня бабушкам и дедушкам. - Будьте осторожны и не потеряйтесь без меня. Чтобы перейти дорогу, вначале посмотрите налево, а потом направо - нет-ли там машины Бибики. Коварная Бибика так и хочет, кого-нибудь напугать».

Помахали гости на прощанье руками и поехали восвояси.

Всё ближе Намурляндия, всё тревожнее на душе. Всюду слышны странные звуки, вроде бы кто-то жалуется или плачет. Пана Король прибавил скорость машины, заторопилась и мама Королева.

Подъезжают к королевству и видят, что жители Намурляндии ходят грустные, детишки по домам сидят, на улице не выхоят, чтобы по саду-винограду погулять, свежей ягодки покушать.

- Что за напасть такая, - вскричал папа Король, - что произошло в моём королевстве? Дети мы с мамой должны навести порядок в Намурляндии, а вы пока погуляйте по саду-винограду.

Заходит Принцесса в сад-виноград, а там стонет яблоня, трава жёлтая, пожухлая, листья у пушистых мальв висят, как тряпки. Молодые огурчики на грядке уже и не молодые, а морщинистые, бурым цветом подёрнулись.

- Что за напасть, - заплакала Настя, - почему сад-виноград погибает?

Побежала Принцесса Настя к Принцу Саше, зовёт его:

- Санека, у сада-винограда беда. Вянут травы, чахнут деревья. Что делать? Как им помочь?

Открыл Принц свои умные книжки, почитал их и отвечает:

- Пришла в сад-виноград Злодейка

Засуха, от неё всё гибнет. А живёт она в дали-далёкой, глыбе-глубокой, пустыне каменной.

- Санека, посмотри в книжках, можно ли с ней справиться, и где её отыскать?

- Справиться с ней нелегко, - отвечает Принц, - вначале надо найти Бродягу Дождик летний. Только его и боится Злодейка Засуха.

- Где же живёт Бродяга Дождик летний?

Раскрыл Принц Саша карту большую, посмотрел внимательно и отвечает:

- Идти надо за далёкие моря, за высокие горы прямо на Запад.

- Как же мы туда попадём? Мы заблудимся?

- Не печалься, Принцесса, - говорит Саша, - мы с собой возьмём компас, карту и ноутбук. Если что-то будет непонятно, то заглянем в Интернет. Но прежде, чем пуститься в путь, надо полить сад-виноград из лейки, иначе растения погибнут от Злодейки Засухи.

- Хорошо, - говорит Наня, - носи воду

из колодца, а я буду поливать.

Принялись они за работу: Саша воду носит, а Наня из лейки поливает.

- Пи-и-ить, - просит пушистая мальва.

- Пи-и-ить, - чуть-чуть шепчет огурчик.

- Пи-и-ить, - скрипит ветками яблоня.

Носят воду Саша и Настя, а всё мало. Вот уже в колодце воды не стало.

Что делать?

Папа Король и мама Королева заняты государственными делами, им и оторваться нет возможности.

- Санека, - зовёт Принцесса, - пойдём искать Бродягу Дождика летнего, без него нам не справиться.

Положили они в сумку карту, компас, ноутбук и отправились за далёкие моря, высокие горы, искать Бродягу Дождик летний.

Идут они, идут, остановятся, Саша посмотрит на компас, сверит с картой, и дальше идут. Пришли сестра с братом на большой луг. А там тоже хозяйничает Злодейка Засуха.

- Пи-и-ить, - просит Травка.

- Пи-и-ить, - стонет Красавица Черёмуха.

Принялись Саша и Настя воду из ручья носить, да поливать лужок. Приободрились Травка и Черёмуха, стали благодарить Принца и Принцессу.

- Куда вы путь держите? - спрашивает их Красавица Черёмуха.

- Идём за далёкие моря, за высокие горы, хотим отыскать Бродягу Дождик летний, который поможет справиться со Злодейкой Засухой.

- Хорошее дело вы затеяли, - говорит Красавица Черёмуха, - только дорога в те края трудная и опасная. Её охраняют слуги Злодейки Засухи Сухостой да Жаждища. Хотите вам помочь. Возьмите мой цвет и ветку, надежнее их помощников не сыскать.

- Возьмите и мою пыльцу-удальцу, пригодится, - сказала Травка и насыпала им полные карманы золотистой, душистой пыльцы-удальцы.

Принц и Принцесса сказали Красавице Черёмухе и Травке спасибо и пошли дальше. Устанет Принцесса Настя идти, Саша посадит её себе на плечи, отдохнёт - снова сама по дорожке бежит. Долго ли коротко они шли, а пришли к чащобе горькой. Стоят кусты Тёрна стеной, ни проехать, ни пройти, ни обойти.

- Что делать? - печалится Принцесса Настя. - Неужели нам домой возвращаться?

- Не плачь, Настенька, - утешает сестрёнку Саша, - сейчас мы в Интернет заглянем и узнаем, что больше всего любит Тёрн.

Включил Саша ноутбук, открыл Интернет, а там говорится, что кусты Тёрна вредны для здоровья, непригодными, если за растением не ухаживать. Прочитал Принц, как надо ухаживать за Тёрном, взял в руки садовые ножницы и вырезал лишние ветки. Настенька полила растение, ягоды с него собрала, да варенья наварила.

- Уф-ф-ф! — вздохнул облегчённо куст Тёрна. - Спасибо вам ребята, что помогли мне, а то уж расти некуда стало, ягод никто не собирает, говорят «кислые». Я и сам знаю, что кислые, а вот как холодом их прихватит, такие они становятся вкусные и полезные. Никто меня не любит, а вы помогли. Оставайтесь.

- Извини, Тёрн, - говорит Саша, - нам дальше надо идти.

- Далеко ли путь держите?

- Идём мы за далёкие моря, за высокие горы, в гости к Бродяге Дождику летнему.

- Так вы идёте к Бродяге Дождику летнему?

- Ты его знаешь?

- Конечно, это мой приятель.

- Значит ты знаешь, как его найти?

- Знаю, только зачем вам понадобился Бродяга? Он не любит, когда его беспокоят?

- Поселилась у нас в саде-винограде Злодейка Засуха, хочет все растения погубить, засушить. А справиться с ней может только Бродяга Дождик летний.

- Вредная старуха — эта Злодейка Засуха. Хотя мне она сделать ничего не может, потому что кусты у меня густые, корни глубоко в землю уходят и жары не боятся, однако и любить её не за что. Так и норовит напакостить. А Бродяга Дождик летний сейчас отдыхает, силы набирает. Сердится на всех, кто ему мешает. Это очень опасно.

Тёрн подумал немного, покачал ветками, и снова заговорил:

- Хорошие вы ребята, а потому я вам помогу. Идите по тропке, никуда не сворачивайте, ни с кем не разговаривайте. Как доберетесь до Старого пня, позовите деда Старинушку, скажите, что от меня. Да передайте ему варенья моего тернового, что Принцесса сварила.

Расступились ветки тернового куста и показали тропинку. Саша и Настя сказали кусту Тёрна спасибо и побежали по тропинке.

- Конфеты, пирожные... Подходите, даром берите, - слышался из кустов тоненький голосок.

Хотела Настя свернуть за пирожными да конфетами, только Саша взял её за руку:

- Нам куст Тёрна не велел ни с кем разговаривать.

- Я же не разговариваю, а хочу взять конфет.

- Ладно, давай посмотрим, кто там конфеты раздаёт даром.

Заглянули ребята за куст, а там сидит чудо-юдо Перикюль. Глазки маленькие, ушки зелёные, тело крохотное. Весь Перикюль — это громадный рот. Разинет чудо-юдо рот, так туда целый самосвал въехать может. Вот и сидит Перикюль, рот разинул, ждёт, кого бы съест.

Испугалась Настя, замерла. А Перикюль её спрашивает:

- Как тебя зовут, девочка?

- Наня.

- Куда ты, Наня, путь держишь? Иди ко мне поближе, а то я плохо слышу.

Хотела Настя подойти поближе, да Саша загородил от чуда-юда.

- Не хорошо, маленьких обижать, - говорит Саша.

- Я и не обижаю, - отвечает Перикюль, - просто поближе хочу увидеть и услышать девочку.

Глянула Настя, а губы чуда-юда уже совсем близко подтянулись к Сашиним

ногам.

- Ты наверное кушать хочешь? — спрашивает чудовище Принцесса.

- Целый день никто не попался мне в рот. Иди ко мне.

- Открывай рот и закрой глаза, - говорит Настя.

Чудовище довольно заурчало, закрыло глаза и открыло рот. Принцесса Настя вытащила из карманка горсточку пыльцы-удальцы и кинула её в пасть Перикюля. Сморгались губы Перикюля.

- Что ты мне дала, негодница? - закричало чудовище.

- Пыльцу-удальцу.

- Кха-кха-кха, - закашляло чудо-юдо, стало уменьшаться, губы втянулись...

- Санека, - засмеялась Настя, - по-

шек Принцесса Настя, - веселее будет.

- А вы куда путь-дорогу держите?

- Идём за далёкие моря, за высокие горы, хотим отыскать Бродягу Дождик летний, который поможет справиться со Злодейкой Засухой.

Обрадовались кошки и говорят:

- Мы с вами пойдём, хочется сад-виноград вернуть к жизни.

Идут они дальше. Уж и солнце поднялось высоко, а идти ещё далёким далёко.

- Санека, - говорит Настя, - я пить хочу.

- Потерпи немного, скоро придём.

Вдруг из-за куста послышалось журчание ручья и голосок позвал:

- Подходите, люди добрые, водицы

напугались они, что и шерсть дыбом.

Вот уже и полдень подошёл. Настя отдохнула в тени куста.

- Саша, - говорит Настя, - я кушать хочу.

- Эх, - вздохнул Саша, - надо было краюху хлеба с собой взять. Нам с тобой видно далеко идти. Когда ещё до Старого пенёчка дойдём.

Огорченно Принц махнул черемуховой веткой. А ветка та была волшебной и тут же перенесла брата и сестру к Старому пенёчку.

Стоит пенёк-пенёк, трухлявый теремок. Муравьи по нему бегают, суетятся.

- Что случилось, муравьи-топтуны? - спрашивает Настя.

- Проходила мимо Злодейка Засуха и засыпала наши кладовые. Пропадать теперь нам голодной смертью, не успеем мы сделать новые запасы.

Вспомнила Настенька, что у неё полны карманы пыльцы-удальцы. Спрашивает муравьёв: «Будете ли вы муравьи-топтуны есть золотистую пыльцу-удальцу?»

Удивились муравьи.

- Разве вам есть не хочется? Разве вам не жаль отдать нам пыльцу-удальцу?

- Нет не жаль, - говорят Принц и Принцесса, - вы вон какие голодные, а мы можем немного потерпеть.

Насыпали они на пенёк-теремок кучку пыльцы, стали муравьишки есть, да Сашу с Настей благодарить. Наелись муравьи силы набрали, и бросились делать новые кладовые да заготавливать припасы.

- Мур-мур-мя, - сказала чёрненькая кошечка Соня, - Принц Саша, я могу вам на ужин мышку поймать.

- Спасибо, Соня, только мы мышек не едим.

- А птичек? — спросила белая кошечка Бела.

- И птичек тоже не едим.

- Принц Саша, - сказала Бела, - у вас есть варенье из терновника, можно его покушать.

- Что ты, - возмутилась Настя, - мы его для дедушки Старинушки несём в подарок от Тёрна.

- Ну можно чуть-чуть покушать, дедушка же не знает, сколько Тёрн ему варенья послал, - облизывает усы Соня, - и мы немного попробуем. Вкусное наверное варенье.

- Эх, Соня, Соня, - качает головой Настя, - знает дедушка или не знает — это неважно, важно, что мы все знаем. Варенье-то не наше и не для нас.

- Давайте, позовём дедушку Старинушку, - сказала мудрая кошечка Боня, - он нам и поможет.

- А как его позвать? Где здесь может жить дедушка, кругом кусты, да камни, - повесила усы Соня.

- Не знаю, - опечалилась Принцесса Настя, - Тёрн нам об этом ничего не сказал, а мы его не спросили, поторопились.

- Тёрн нам сказал просто позвать дедушку, - сказал Саша, - вот мы его и позовём. Дедушка Старинушка, мы тебе привет принесли и варенье от Тёрна.

Никто не отозвался на слова Саши.

- Дедушка Старинушка, мы тебе привет принесли и варенье от Тёрна, - снова повторил Саша.

- Здесь я, - слышался голос от пенёка, - давно здесь на вас гляжу.

- Где же ты, дедушка? — спросила Настя.

- На пенёчке сижу.

И впрямь на пенёчке сидит опрятный маленький старичок. Курточка серая, шляпа белая, рубашка алая, ботинки лакированные.

- Ой, дедушка, как мы тебя не заметили? — воскликнула Настя.

- Зато сейчас видите, - усмехается дедок, - не всякое видеть должно и не вся-

смотри, это ведь простая маленькая жаба.

- Конечно жаба, - всё ещё кашляя, говорил Перикюль. - Ел комаров и мошек, все со мной дружили. Но проходила мимо Злодейка Засуха, просыпала на меня волшебное зелье и превратила в чудо-юдо. Спасибо вам ребята, расколдовали меня. Вот вам за это доброе слово Перикюля. Случится нужда, скажите: «Доброе слово Перикюля, приди на помощь».

Пошли Принц Саша и Принцесса Настя дальше по тропинке. Навстречу им три кошки: Соня, Боня и Бела. Идут, бредут, усы до земли повесили.

- Здравствуйте, кошечки, - говорит Принцесса Настя, - что не веселы, что усы повесили?

- Чему веселиться? Жили мы в зеленом саде-винограде. Ни забот, ни хлопот. Соня мышей ловила, Бела птиц гоняла, Боня за порядком следила. А сейчас засыхает сад-виноград. Мыши разбежались, птицы разлетелись, Злодейка Засуха всех перессорила. Вот и пошли мы куда глаза глядят.

- Пойдёмте с нами, - приглашает ко-

испейте, отдохните.

Свернули путники за куст, а там сидит Жаждица: - нос шишаком, глаза кувирком, волосы дыбом, ноги со скрипом. Испугалась Принцесса, слова сказать не может. А Жаждица её как родную обнимает, в свой дом приглашает. Сделала Настя шаг, ноги стали как ватные. Сделала другой, почувствовала, что дальше идти не может.

- Санека, - зовёт она брата, - я устала, я спать хочу.

А Принц Саша слышит сестру, да сделать ничего не может. Чувствует он, что вот-вот упадёт и уснёт. Вот уже на колено встал, голову клонить начал. Тут он случайно задел рукой за цвет Красавицы Черёмухи. Словно током его прошибло. Встряхнулся, с коленей поднялся, схватил Настю на руки и побежал прочь. Как только вступил на тропинку, так Жаждица силу потеряла. Заскрипела, заворчала, зубами камни грызет, а сделать ничего не может.

- Ничего, - шипит она вслед Принцу и Принцессе, - я с вами ещё встречусь.

Идёт Саша, Принцессу на руках несёт, а сзади кошки бегут, трясутся — так

кому. Разные тут люди гуляют, да не всем, всё видеть дозволено.

- Здравствуй, дедушка Старинушка, - поздоровались путники с хозяином, - Тёрн тебе привет передаст и баночку варенья.

- Варенье терновое? Откуда? Кто же его варил?

- Принцесса Настя собирала ягоды и варила, - сказал Саша.

- А ты что делаешь? - нахмурил брови Старичок.

- Извини дедушка, не мог я помочь Насте, надо было вырезать старые ветки у Тёрна, чтобы ему полетче дышать было.

- Хорошо, что правду говорите, - улыбнулся Старинушка, - Принц и Принцесса - а работающие, значит родители у вас хорошие. Расскажите-ка с чем пожаловали и зачем пришли.

Рассказали путешественники про горе-беду, что поселилась в саде-винограде.

- А сейчас мы идём за далёкие моря, высокие горы, чтобы найти Бродягу Дождика летнего, только он в силах победить Злодейку Засуху - завершил рассказ Принц Саша.

- Чем я могу вам помочь?

- Дедушка Старинушка, помоги нам найти туда дорогу.

- Дорога у тебя в руках, вот этот прутик черёмуховый. Взмахни им и скажи, куда вас перенести, там и окажитесь.

Заторопился Саша, но Старинушка его остановил.

- Не спешите, погостите у меня немного, вам подкрепиться надо.

Хлопнул дедок в ладоши, расступились кусты и показали домик Старинушки, а в доме стол накрыт. Около стола три блюда с молоком для кошек.

Отобедали путешественники, поблагодарили Старинушку. А он их напутствует:

- Окажитесь за далёкими морями, высокими горами, бойтесь Сухостоя и Жажлищи. Зловредные слуги у Злодейки Засухи. Бороться мне с ними не под силу. Есть у них заклинанье, справитесь с ним, значит победите и Злодейку Засуху. Да к Бродяге Дождику летнему сразу не ходите. Посмотрите не лежит ли он в озере. Потревожите, так он вас молниями закидает.

- Спасибо, дедушка, - сказали Саша и Настей.

- Мяу-мур, - поблагодарили кошки.

Саша взмахнул веточкой черёмуховой и тут же оказались они в дали-далёкой. Вокруг горы высокие, моря глубокие, облака роятся, ветры летают. Кошки прижались к ногам Саши и Насти. Делать нечего, надо искать Бродягу Дождика летнего.

Идут Принц и Принцесса, кошек в руках несут, навстречу им Жажлища летит, нос шишаком, глаза кувирком, волосы дыбом, ноги со скрипом. От страха кошки бросились в рассыпную.

- Ага, - кричит Жажлища, - вот вы мне и попались, не уйдёте, пропадёте.

Произнесла страшное заклятье, потрясла свой драный плащ, в который Сушь да Зной завернуты были. Сушь да Зной кинулись на Принца и Принцессу и давай их изводить, сушить.

- Пить, - просит Настенька.

- Пить, - мурлычат кошки.

Чувствует Саша, что и его Сушь да Зной изводят, вынул он цвет черёмуховый и бросил его в слуг Жажлищи.

- Ой-ё-ё-ёй, - завопили злодеи, - убери цвет черёмуховый, у нас на него аллергия. Ой-ё-ё-ёй, помираем.

Кинулись они бежать, только пятки сверкают.

- Ап-чхи, - чихает Жажлища, - ап-чхи, опять весна пришла, мокрень, да сырень, ой ноги мои, ой руки мои...

Заскрипели ноги у зловредины, волосы намокли, потекли слёзы из глаз, на-

мочили платье... Крутилась, крутилась Жажлища и растаяла.

- Ура-а-а! - закричали кошки.

- Кто тут кричит, меня тревожит? - послышался страшный скрипучий голос.

Из-за валуна вылез пенёк ни пенёк, дерево ни дерево а валежник страшный. Руки, как ветки-коряги во все стороны торчат.

- Кто это, - испугалась Настя.

- Ха-ха-ха! - заскрипело страшилище, - бойсья меня?

- А вот и нисколечко, - храбро сказала Настя.

- Чего тебя бояться, - заслонил собой Настю Принц Саша, - старое сухое дерево, скрипишь, да людей пугаешь. Кто ты такой, чтобы тебя бояться?

- Я Великий Сухостой! - взревело страшилище. - Меня водой не проймешь, черёмуховым цветом не изведёшь. Вот я вас сушинной завяжу, и в клетку посажу. Прибудет Злодейка Засуха, пусть вас испечёт.

Сказал и сделал. Откуда ни возьмись прибежали сушняки, путников повязали и в клетку затолкали.

- Саша, - зовёт брата Настя, - что делать будем? Как нам освободиться?

- Мы вам поможем, - послышался тихий голос.

Глянули ребята, а рядом с ними муравьи-топтуны, их сотни и тысячи. Стали муравьи-топтуны сушняков грызть да кусать. Так в прах их и перегрызли. Осталась от злодеев только кучка сора.

- Спасибо, муравьи-топтуны, - говорит Принц Саша. - Как вы узнали, что мы в беде?

- Наш народ везде живёт, друг с другом связь держит. Вы нас спасли, теперь наш черёд помогать.

Вышли Настя и Саша из клетки, а тут Сухостой. Рыком рычит, скрипом от злости скрипит, страшное заклятье произносит. Вот-вот засушит.

- Доброе слово Перикуня, приди на помощь! - воскликнул Принц Саша.

Зазаскрилось всё вокруг, расцвела земля, раскинулась радуга-дуга, упали на Сухостой радужные капли, спеленали руки коряги.

И случилось чудо. Из сухостойной коряги вдруг потянулись к небу молодые зелёные побеги. Листочки нежные растут к коряге прижимаются: «Защити нас!»

Остолбенел Сухостой, такой радости он уже сто лет не испытывал. Обнял своими корягами листочки, цветочки и пошёл искать тень, чтобы уберечь молодую поросль.

Налетела вдруг Злодейка Засуха, жарой-попылем дохнула.

- Ах, ты негодник, так-то ты мои приказы выполняешь? - кричит она надрывается.

- Осторожно! Посмотри, какие листочки на мне выросли, - радостно шепчет Сухостой.

- Спалю вас всех Жарой Неминучей.

И напустила на всех самую верную и самую жестокую Жару Неминучую. Летит Жара Неминучая, всё на своём пути скручивает, спаливает. Вот уже у Сухостоя спина дымиться начала, вот уже и молодые листочки стали вянуть...

- Не будет по-твоему, - закричала Принцесса Настя и бросила на землю черёмуховую ветку и черёмуховый цвет.

Выросла вокруг них черёмуховая роща, распустились гроздьи цветов, напоили воздух живительным ароматом весны, и

рассыпалась Жара неминучая на осколки. Упали те осколки на землю, из них выросли прекрасные цветы Жарки-Огоньки.

Затряслась от злости Злодейка Засуха.

- Вот теперь я ваш сад-виноград спалю до тла, чтоб только зола и осталась.

И взвилась в небо.

- Не успеем мы найти Бродягу Дождик летний, - опечалилась Настя, - спалит злодейка сад-виноград.

- Я знаю, как найти Бродягу.

Это поддал голос Сухостой.

- Он сейчас у Горного ручья воду пьёт. Но лучше к нему не ходить, больно уж чёрён он стал и сердит. Так и громыхает, так и громыхает.

- Спасибо, Сухостой за помощь, - сказал Принц Саша, - идти всё равно придётся. Из-за этого мы и проделали такой длинный путь. Пойду я один. Ты, Принцесса Настя и вы, кошки останетесь здесь, под защитой черёмуховых зарослей.

Собрался Саша и пошёл к горному ручью. Дорога всё в гору и в гору. Вот уже и перевал, а за ним Горный ручей, течёт, камнями стучит, воду в Горное озеро несёт. Вдоль всего ручья вытянулся сизый туман, он как одеялом накрывал хвост

желтела. Прочитали мы в Интернете, что со Злодейкой Засухой только ты можешь справиться.

- Ишь ты, неужели в Интернете обо мне написано?

- Конечно. Там обо всём и про всех есть сведения.

- Ладно, - сказал Бродяга Дождик летний, - бегите побыстрее домой, да не попадайтесь на моём пути, а то и Засухе достанется, и вам не убежать. Большую силу я набрал, не слержусь. Да кошек заберите, а то намокнут.

- Погоди немного Бродяга Дождик летний, со мной ведь ещё и моя сестрёнка, Принцесса Настя. Она осталась в черёмуховой роще, около Сухостоя.

Тут из-за камня вышла Принцесса Настя и говорит:

- Прости, Саша, но мы с Боней, Соней и Белой вслед за тобой пришли, хотели помочь. Только как мы теперь домой вернёмся, черёмуховой веточки то у нас больше нет.

- Эх, потерплю я немного, но вы бегите, что есть духу, - загромыхал Бродяга Дождик летний. - Сильно уж я рассердился на Злодейку Засуху.

Бросились бежать Принц и Принцесса, Бела, Соня и Боня. Бегут, а Настя отстает, у неё ножки маленькие, шажочки крохотные. Взял Саша Настю, посадил себе на шею и дальше бегут. Кошки дорогу показывают. Вот сзади на горизонте показалась чёрная гроздовая туча. Это Бродяга Дождик летний выбрался из озера. Брюхо по земле тащится, молнии летят во все стороны, громы громыхают, путешественников догоняют. И спрятаться негде.

Вдруг видит Настя несётся им навстречу папина большая машина, за ней след мама. Остановились, папа с мамой открыли двери, посадили детей своих, кошек - и в обратный путь.

Скорее, скорее!..

Быстро домчались до Намурляндии, забежали все во дворец, тут и Бродяга Дождик летний подоспел.

Как начал дуть дождевым воздухом, с ног сшиб Злодейку Засуху. Кувиркнул её, по загревку молнией шлёпнул для отстрастки, громом к земле пришиб.

- Ой-ё-ё-ёй, - кричит Злодейка Засуха, - не буду больше пакостить... - Убирайся в свою пустыню - грохочет Бродяга, - а то размочу, залью-ю-ю-ю... Кинулась Злодейка Засуха бежать. Бежит подпрыгивает, через лужи перескакивает. Удрала, только её и видели.

А Бродяга Дождик летний начал поливать растения, кусты и деревья. Распрямилась цветы, подняли головки мальвы, раскрылись анютины глазки, яблоня расцвела пуще прежнего. Ожил сад-виноград.

Смотрят Саша и Настя в окно и радуются, что спасли они своих зелёных друзей.

- Папа Король, мама Королева, - спрашивает Принц Саша, - как вы узнали, где мы находимся, и что нам нужна помощь?

- Всё просто, - смеётся папа Король, - когда мы сделали государственные дела и пошли за вами в сад-виноград, то мальвы нам всё рассказали. Мы поехали к вам на выручку.

- Да, - сказала мама, - мы, пожалуй, вовремя успели, а то бы вы намокли, так Настенька?

Но Настенька молчала, она мирно спала на диване, рядом с ней свернувшись калачиком посапывали три кошки Соня, Боня и Бела.

Бродяги Дождика летнего. Сам Бродяга лежит животом в озере. Было непонятно, где кончается вода в озере, а где Бродяга лежит. Из глаз его искры-молнии летят, громыхают так, словно в сто пушек палат.

Позвал Принц Бродягу Дождика летнего, да где там, тот и не слышит из-за грома, не видит никого из-за молний.

Вдруг зашевелился Бродяга, засмеялся так будто его кто-то щекочет.

- Ой, не надо щекотать меня, - хохочет Бродяга, - ох, вся вода из меня в озеро уйдёт.

Поднял он свой хвост из ручья, а там три кошечки сидят: черная Соня, пестрая Боня и белая Бела.

- Вы откуда здесь, как не испугались меня? - поднял черные брови Бродяга Дождик летний.

- Мы кошки и не боимся никого.

- Зачем пожаловали, зачем потревожили?

- А ты помолчи немного и послушай Принца Саши. Он тебе всё расскажет.

Перестал Бродяга громыхать и молнии пускать, приподнялся над озером.

Спрашивает: «Какая нужда тебя привела в даль-далёкую? Знаю ваше королевство Намурляндию, люблю отдыхать у вас в саде-винограде».

- Беда у нас приключилась. Забралась в наш сад-виноград Злодейка Засуха. Цветы повяли, яблони сохнут, трава по-

Сборщики дани

Рассказ

День не задался с самого утра. Вчерашние посиделки с шураком не прошли даром. К мутоте в организме, прибавилось тихое, но настойчивое, ворчание второй половины. Большая фигура хозяина семейства Петра Ченикова проследовала на кухню.

Петр покрутил в руках распечатую бутылку водки, потряс содержимое. Налил в рюмку. Поднес к губам...

Тело содрогнулось в конвульсиях. «Законину тебе в бок», - дернулся всем телом страдалец. Теперь оставалась одна надежда на ледовский способ поправки здоровья огуречным рассолом. Однако способ не помог. Волшебные таблетки «Похмелин» тоже не принесли облегчения. Помаившись, Петро налил себе крепкого чая, положил в него ложку меда.

- Дображничился, - вошла на кухню жена, - что тебе не рад. Ты же терпеть не можешь чай с медом.

- Назло тебе полюбил, - вяло огрызнулся Петро. - Что ты все утро за мной по пятам ходишь? Делать больше нечего что-ли?

- Больно надо за тобой ходить. Это ты под ногами крутишься. Сядь вон на диван, посиди, не мешай убираться в квартире.

- Я и не мешаю. Просто меня лихотит.

- Еще бы не лихотило. Сколько вчера с Андрюхой выпили?

- Ты, что считать будешь, сколько мы выпили?

- Больно надо, - привычно ворчала жена, переставляя посуду и протирая полки в шкафу, - охота болеть, так и пейте.

- Валенька, - взмолился Петро, - помолчи маленько. Тут на мир смотреть не охота, а ты всё своё.

Жена отложила тряпку, внимательно посмотрела на мужа, вздохнула сочувственно.

- Если уж так не охота, так похмелись. Там в холодильнике еще есть.

Мужик обреченно махнул рукой.

- Пробовал, в глотку не лезет.

- Тогда уж и не знаю, может еще банку огурцов открыть?

- Я же не аквариум, итак в брюхе булькает от рассола, хоть акул запускай.

Петро ушел с кухни, чтобы не мешать жене, побродил по квартире, включил телевизор, потыкал по кнопкам каналов. Легче не стало.

За окном послышался визг тормозов. «Васька на дачу собирается, - равнодушно подумал Петро, - баню будет топить, париться. Париться! Конечно, надо в баню!»

От такой мысли сразу полегчало. В баню, срочно надо в баню!

Он влетел на кухню так, что жена от неожиданности отшатнулась.

- Валюся, - проговорил Петро, почему-то осипшим голосом, - я с Васькой до дачи доеду. Там в баньку схожу, попарюсь, а то у меня все жилы полопаются.

- Петя, а я слышала, что с похмелья нельзя в баню. Еще помрешь...

- Пока доедем, пока затоплю баньку, пока она натопится - я в себя приду. Здесь же заняться нечем, потому и помру от безделья. Будь они неладны эти человекники. Сели на этаж, будто в тюрьме. Поеду, а Валя?

- Конечно, поезжай. Сашка с работы вернется, я его за тобой пришло.

- Не-е, Валюся, я на все выходные. Сборы оказались недолги. Пока Петро бежал к соседу по дому и даче Василию Пшенко, Валентина уже собрала рюкзак, корзинку с продуктами и до самых дверей все наставляла мужа:

- Вначале затопи дом, а то он выстыл. На улице уж вон заморозки. Да сильно то не поддавай пару, все ж поберегись. Да вымоешься в бане, позвони мне, чтоб я не беспокоилась. Да с Васькой-то не загуляйте по-соседски. Наберешь воду, колонку-то спусти, чтоб не перемерзла...

Эти слова она уже говорила в пустоту, потому что Петро, закинув за спину рюкзак, спешил по ступенькам вниз.

...Дорога на дачи была проложена через тайгу. Пихты и кедровые как ни в чем не бывало зеленели, радовались последним каплям осеннего тепла. Только редкие тоненькие стволы березок печально кивали путникам безлиственными ветками. Под деревьями бурные безжизненные травы, переломанные жесткими осенними ветрами, говорили о том, что мир готовится к зиме с ее морозами и снегами.

- Да-а-а! Зима скоро, - подумал вслух Петро, отметив про себя, что тело перестало допекало его, из души почти улетучилось чувство похмельной галливости.

- И что? Зима - это хорошо! - меланхолично ответил водитель. - Зинка наконец-то перестанет меня гонять на эту чертову дачу. Каждый день, каждый день... Полежать не даст.

- Чего лежать-то? С тоски содхнуть.

- Да, понимаешь, - шмыгнув курносым носом Васька, - на работе накувыркаюсь так, что месту рад. А благоверная гонит на дачу. То розы укрыть, то землянику, то георгины привезти. Замотала совсем.

- Не знаю, а мне на даче нравится. Воздух чистый, добрый, хоть на хлеб намазывать. А тишина какая...

Петро мечтательно потянулся. Ноги уперлись в переднюю панель.

- Вася, а ты чего все на Ниве ездешь. Деньги есть, купи что-нибудь получше.

- Моя «Маруся» знает сколько раз меня выручала? А я ее продам, это как предательство. Я на ней всю тайгу исколесил. Дорог не надо.

- Охота тебе по тайге шастать?

- Еще как охота! - Васька счастливо заулыбался.

Широкое лицо мужика расплылось и стало еще шире. Глаза заблестели от воспоминаний.

- Вот идешь по тайге, и вдруг... Водитель оторвал руки от баранки и восторженно развел их в стороны.

Короткие пальцы как будто держали карабин, а указательный уже готовился нажать на спусковой крючок...

- Э-э-э! - гаркнул на него Петро, - руль держи. Ты не на охоте. Кувыркнуться то легко.

- А-а-а, - махнул на него Василий, - чего ты в этом понимаешь? Знаешь, как на меня однажды медведь вышел?

- Знаю, ты уже триста раз рассказывал про то как ты от него бежал.

- Рассказывал... Тебе бы с ним встретиться, куда бы бежал. Он машина!

- Прям машина? Обычный медведь. Вон их в цирке показывают. Чего особенного?

- В цирке они дрессированные, а тут дикий.

- Так дикие летом не нападают на людей. Они же сытые.

Василий покрутил головой, снисходительно хмыкнул:

- Если ты встретишь медведицу с медвежатами, да еще между ними попадешь, то тебе и бегство не поможет. Порвет на куски. Знаешь какие они свирепые?

присели, чтобы отдохнуть, да задремали. Ни голосов людских, ни собачьего лая.

- Заходи вечером, посидим, - сказал Петро, выгружая поклажу около своего участка.

- Не-е, - отрицательно помотал головой сосед, - хочу завтра по утрачку на рыбалку смотаться. А с тобой как сядем, так до утра протрепемся.

...Обиходить дом и баню было сущим пустяком. За делами день пролетел незаметно. После третьего захода в парную Петро почувствовал себя новорожденным. Растянувшись на полке во весь рост, он блаженно закрыл глаза. Дух русской бани он помнил еще из детства, когда отец уложил его на полок, плескал на каменку квас. Камни шипели, извергая пар словно вулканы. Кожа от прикосновения раскаленного воздуха вначале стонала, потом привыкала и начинала почесываться от нетерпения.

Отец вынимал из тазика распаренный веник и вначале потряхивал им над спиной сына, словно священнодействовал. Волны горячего воздуха опускались на тело, обнимали его.

Березовые ветки, связанные в единый пучок, постепенно меняли амплитуду колебания, от легких прикосновений листьев до ярых ударов. Жар носился вслед за веником, и приходилось прикрывать нос и рот ладонью, чтобы вздохнуть в очередной раз. Отец смеялся и приговаривал: «Терпи, казак, веник любую хворь на стол лет выгонит».

Ведро холодной воды и снова на полочку...

Петро с удовольствием растирал помолодевшее тело синим полотенцем. «Знает сын, что батьке подарить», - с удовлетворением думал он, наматывая полотенце вокруг бедер.

Морозный воздух позднего октября ошалело набросился на исходящее паром тело. Босые ноги радостно встретились с прохладой травяной дорожки. Мужик еще раз порадовался тому, что отстоял эту дорожку и не согласился с женой и сыном, положить плитку. «Так к земле ближе», - усмехнулся про себя Петро.

Уже лежа на диване, он вспомнил, что надо позвонить жене, да сказать, чтобы сын со всем семейством приезжал в баню.

В домике жарко топила печька, уютно гудела труба, на столе ожидали женены разносолы, бутылочка пивка, заботливо положенная Валюсенькой в корзинку, и это располагало к внутренней доброте, когда человек весь мир любит.

Ужинать пришлось в одиночестве, что не очень-то расстроило мужика, хотя поговорить очень уж хотелось. Пожалел, что не взял с собой телевизор, все-таки развлечение. Потягивая пиво, Петро задумался о следующем лете. «Надо бы вторую теплицу поставить, - размышлял он, - да качели для будущего внука или внучки. Да полянку выкосить, что ближе к лесу, пусть дитю будет где побегать, в мяч поиграть. Поставлю ворота, будем футбольную команду собирать...»

Размышления прервал тихий стук в дверь. «Васька! - обрадовался Петр, - Все-таки не выдержал одиночества».

Он резво побежал ко входу, скинул крючок, распахнул дверь во всю ивановскую и озадаченно осматрелся... На крыльце никого не было.

«Показалось», - подумал Петр и вернулся к столу.

Стук повторился, но уже более настойчивый.

«Шутник, ну, погоди!»

Петр рывком открыл дверь и оторопел... перед ним столбиком стоял медвежонок. Малыш внимательно смотрел на человека. В нем не было страха. Плюшевая шубка отвечивала от падающего света из проема двери. Хорошенькая мор-

дочка умильно наклонилась на одно плечо, передние лапки сцепились коготками на животе.

Слегка опомнившись, Петро присел и принялся разговаривать с пришельцем, пытаясь понять: откуда пришел медвежонок, и что с ним делать?

- Потерялся, маленький? Где же твоя мамка-то? Наверное, браконьеры убили. Остался сиротой и наверное есть хочешь?

Медвежонок лизнул губы, будто понял о чем с ним говорит человек.

- Погоди, не убегай, - поднялся Петро, - я тебе сейчас принесу покушать. Хлеб будешь? А консервы, сайру?

В большую металлическую чашку высыпал остатки еды со стола, схватил буханку и побежал на улицу. Медвежонок был на месте, только уже не стоял столбиком а присел на задних лапах. Чтобы не спугнуть лесную животинку, Петро потихоньку поставил на землю чашку, потом подвинул ее палкой.

Медвежонок покрутил носом, но с места не сдвинулся. Он продолжал смотреть на человека.

- Может ты хлебушка хочешь? - спросил Петро.

Также тихо он положил хлеб на землю и также подвинул его. Плюшевое создание подняло хлеб. Снова присев на задние лапы, медвежонок с наслаждением кусал буханку, смешно причмокивая.

«Дурак я, - подумал Петро, - надо было хлебом заманить медвежонка хоть в баню. Пропадет же без матери. Зима на носу. А там с Василием отвезем его в город... Пристроим куда-нибудь. Пойду-ка сладкого принесу. Где-то были конфеты».

Петро потихоньку стал подниматься на крыльцо, взял в руки мешок...

С тропинки поднималась громадная масса. Она повернулась к хозяину дачи и громко рыкнула.

Мужу хватил одного прыжка, чтобы перескочить несколько ступенек, мгновения, чтобы влететь в дом, хлопнуть двери, набросить крючок и порадоваться, что дверь открывается наружу, а не вовнутрь. Жена все время точила его за эту дверь: «Сделал дверь, - ворчала она, - из всего дерева. Нет, чтобы изготовить легонькую, так нет сделал махину. От кого собираешься закрываться?»

«Сгодились дверь-то», - думал Петро, чувствуя, как его начинает трясти. Прислушался: кто-то тяжело прошелся по крыльцу, легонько шаркнул чем-то по двери, прошлепал по ступенькам. Раздалось чавканье, недовольный рык и все стихло.

На цыпочках хозяин дачи подошел к окну, которое выходило к лесу. В сумерках было видно, как по травяной тропинке, огибая баню, шла медведица, а за ней, смешно подбрасывая зад, бежал медвежонок.

Пометавшись по комнате, схватил телефон:

- Вася, - заорал он, услышав на том конце голос соседа, - ты на рыбалку сегодня не ходи, да и из дома не выходи.

- Что случилось, все у тебя нормально?

- Все нормально, только ко мне сейчас медведица с медвежонком приходили. Сначала медвежонок, а она где-то рядом была.

На том конце раздался смех. Петро взорвался:

- Ты, что смеешься, я тут чуть богу душу не отдал от страха.

- Не над тобой смеюсь, - всхлипывал от смеха Василий, - над собой. Они же позавчера ко мне тоже приходили. Я пацаненка накормил, хотел поймать, а тут мамаша за спиной на дыбы встала, так я на крышу без лестницы заскочил.

- Чего ж ты мне не рассказал?

- Стыдно было. Да и думал, что они больше не придут. Я же не знал, что им понравилось собирать дань.

Елена ОСТРЫХ

Кошка, окошко и любовь

Одиноко ветер ходит,
Старое окно заводит:
Скрипы — скрипы — скрипы — скрип.

За окошком месяц чистый,
Снег идет, а счастье близко
Под рукой сопит.

Кружат думы хороводы.
Беды, радости, невзгоды
Что судьба таит?

Кошка беленькая шубка
Щурится, урчит.
Крепко спит моя дочурка,
Тайны ночь хранит.
2007

Запомни стремительный миг:
Отблеск далеких зарниц.
Запомни прощальный клик птиц -
Крыло, как размах страниц.

Запомни прозрачнее слез
Осенний пейзаж на холсте,
Там завязь мерцающих звезд
Плывет по черной реке.

Там в долгую лунную ночь
Костер пробудил жизнь теней.
И юность, ушедшая прочь,
Запуталась в кружеве дней.
7.05.04

Наши чувства — мираж,
Наша осень в слезах.
Золотой экипаж
Сонных листьев в глазах.

Просто было — и нет,
Опрокинута ночь
И в созвездии след
Убегающих прочь
По дороге разлуки.
Наши сны — белый прах
Ты мне больше не друг,
Ты мне больше не враг.

Умывалась заря росой
Изумрудной травы касаясь.
Золотистые кудри купало
Солнце в дремлющей реке.

Отчего я любви боялась?
За нехоженою межзою
Крылья вольные нежит птица,
Замирая в твоей руке.
2012

Душистой веткою сирени
Меж грез, реалий, тонких чувств
Цветет любовь, как вдохновение
Я пробую ее на вкус.

Она цветок и сколок лета,
И проливной осенний дождь.
То далека, как хвост кометы,
То так близка — и не поймешь.

Легко заучивать трель птицы
И ощущать крыла движение.
Искать тебя, ночами снится
И очаровываться тенью.
17.11.12

Звучком печальных песен
Старый наполнится дом.
Боль поет в унисон,
Мир без тебя мне тесен.

Верною, светлой, вешней
Другому не стану я.
В сердце пустыней снежной
Раскинулась грусть моя.

Не умирают мечты,
Не рассыпаются письма.
Не возвратишься ты
Нежный, родной, единственный.
12.01.02г. - 12

Обещали снег
В день, когда возник
Ниоткуда ты.
Где-то вдалеке
Долгий год прожил -
Запыленный вид,
А в руках цветы.

Ты хотел, наверно,
Все вернуть назад.
«Как дела?» спросил,
Бросил долгий взгляд.

Больше нету сил,
Больше нету сил.
Множество дорог
Ты исколесил...

Я устала лгать
И самой себе,
Что любовь к тебе.

Жалость — не пятак.
Просто все не то,
Просто все не так.
Романтичный лик
Не для нас в ночи.

Думаешь, пустяк
Взять, и отпустить...
Для меня никто
Не родней, чем ты.
23.05.02-12

Напрасно сваты
молодку нахваливают,
да приговаривают:
«Скромная, тихая, ладная».

Давным-давно сватанная
с диким вихрем.
С песнями, зычными криками
обряд прошел.

Объятия у жениха крепкие,
невеста терпеливая.
Уста — вино терпкое,
целуй — не нацелуешься.

Зачем за человека,
дышит он на ладан.
Стихия снегопадом радует,
бураном вертится.

Слюбится, стерпится.
16.11.2012.

Вливалась нежностью в твои уста.
Дарила верность — казна пуста.
Из светлых глаз моих бежит хрусталь
Слезинок медленных, идущих вдаль
К устам коралловым, моим устам,
Необратимостью любовных драм.

Расставание с любимым — перелом.
Одиночество — основа бытия.
Опечаленный блуждаешь по планете,
Ищешь всюду частицы себя,
Расстроженный, окружающим бесцветный...

Не важны не имя, не отчество одиночества,
Звания ни к чему.
Неизбежность, задумчивость затаится в
глазах.
Встрепенется душа — восковая свеча и
остынет,
Одиночеством раненая.
И никто никогда не сможет разжечь ее
пламя.
Одиночество — черное знамя.
Февраль 2013

Заводятся старинные качели.
Расхаживаются, взмывают до небес.
Широкий хвойный лес съезживается,
выставляя щиты-иголки.
Круглый, маленький ежик
лесу родственник колкий.
Качели — крылья, пригвожденные
к столбам.
Я — птица.
Мне все это снится.
2011-1012

Пески пустынные,
от солнца не укрыться.
Мне видится вода,
но скорпион таится
в песочной ямке.
2012

Кошка, гуляющая сама по себе,
не терпит неволи.
Ее не приручишь ничем,
кроме ласки и боли.
Ты приручить не пытайся меня
дикую кошку.
Ласки твои равнодушия
брошенный грошик.
Не перестану казаться себе
сильной и смелой.
Я покораюсь даже тебе
Никогда не хотела.

Не вступят в спор неразрешимый
Земля и небо, вихрь и птица.
И мир людей неповторимый
На божий замысел дивится.
2012

Таяла снегом белым
на жгучем крыльце одиночества.
Слов нежных не говорил любимый
на ушко, ночью, таинственно.
Любви не осталось, выстыла.
Весною клейкие листочки
не распустились на ее дереве.

Солнце задремлет на ветхом кресте
у забытой могилы.
Ветра южного пушистые крылья
коснутся макушки березы.
Зашелестят, зашепчут листочки,
наклонятся веточки к папиному изголовью.
Не утихают поздние слезы кающейся дочки.
2011-1012

Осенний день безмолвен и остужен,
Качаются деревья ветру в такт.
Смиранный лист под небом серым кружит,
Забывший мною отдыхает страх.

Он постовой бессрочный, он мой стражник,
Его не отдалить, не превозмочь.
За то, что он веревки лихо вяжет,
Я выгнала его из дома прочь.

Холодным солнцем не кажусь вовеки,
Я научилась верить и любить.
Снимать тоски железные вериги,
Прощать, молиться и не торопить

События, счастливые мгновения
Изменчивой, не благостной судьбы.
В безмолвии приходит вдохновение.
И трудности житейские просты.
2011

Не вылью на бумагу жгучих слез,
От творческих бегу терзаний.
И в юной пышности наивных роз
Я роковое вижу увядание.

Я не солгу, когда скажу тебе,
Что становлюсь послушливою тенью,
Блуждающей от солнечных лучей,
Что нет конца безмерному терпению.

И нет неясности в сложнейшем из путей.
Все предсказуемо и предсказано.
Луна светило бархатных ночей
Не берedit отчаяньем нежданным.
2009-2013

Явление Музы
Ты ходишь чуть слышно, по морю ступая,
По морю моих не расплесканных тайн.

Небесная, дышишь блаженным раем
И я забываю печаль.

Зачем прилетаешь ты, райская птица?
Пронзаешь мне сердце и смотришь в глаза.

Мне некуда скрыться, мне некуда скрыться.
Зачем улетаешь, забрав два крыла?
2005-12

ДОЛЯ

Разобраны роли,
Надеты все маски.
Распродано счастье кусками, частями...

А вольному доля -
Волшебные краски.
А вольному шаг в ярко-рыжее пламя.

Сгорая до тлена,
Спасаясь от плена
Желаний земных, тревог и печали.

Смешно и нелепо
В безумии некоем
Блуждать по дорогам бесплотных
мечтаний.
2004-05гг

Слова, что копыя бросаем, колем,
привыкли к злему оскалу боли.
В словесной спайке голос правды не слышно.
Была фавориткой, а стала лишней
ненужным элементом в ладонях мира
и всем постыла.
2011-2012

Как трафаретно видеть жизнь
Подобной блочному строению
И ощущать в себе стремление
Достигнуть верхних этажей.

Как беззаветно строить жизнь,
Обманчивостью брать преграды
И требовать за ложь награды
У опрометчивой судьбы.

Как несусветно быть живой
Частицей брэнного строения.
Идти вперед без промедления,
Не пожалея в пути друзей.

Но страшно быть песчинкой в море,
Похожей и предугаданной,
Предначертанной на холсте рукой Творца
Без Я и без лица.
1.10.04 - 30.01.05-2012

Пусто вокруг и глухо.
Осень. Лед подкрался к реке.
Деревья голые руки
Склонили к мерзлой земле.

Солнце светит уныло:
Сквозь тучи мерцание дня.
Лица прохожих накрыла
Дремы немой пелена.

И я, наверно, такая:
Ни искорки, ни огня.
Лямку тяну быта
Отяжеленная, смывая.

Живу ожиданием рая -
Весны «без конца и без края».

Душа цыганки

Пустилась в пляску, широкой юбкой махая,
Душа цыганки, душа лихая.

Очей глубоких чернее ночи — нет,
Коралловых уст, манящих к поцелуям, —
нет.
Кудрей змеиных, бровей что стрелы — нет...

Страсть большая в груди таится,
Темница тело для вольной птицы.

Душа цыганки, душа лихая
Пустилась в пляску мечту алкая.

Традиционен злой уклад.
Идут часы неспешно, траурно.
Поступки и пустые шалости
Не взвешиваются на весах
И в закромах чужой души
Ни капли жалости.

И ты как будто бы не рад,
Что я осталась
Душевной, тонкою;
Слезой вдруг окроплю воспоминания.
Певучей, звонкою,
Глухой к своим несчастьям, бедам,
Горестям,
Что разделяю кров с тобой
Герой из повести.
Свечу любви зажгу во тьме,
А ты твердишь,
Что слишком совестно.
Но без нее на свете мне
Так одиноко, больно, боязно...
13.10.12

КОШКА, ОКОШКО И ЛЮБОВЬ

Шепчутся, переключиться нужно ей
Все была бы веселей.
Мне ночами не спится,
Хочется спиться.

Кошка за мною, мудрая кошка,
Ходит, будто считает шаги:
«Раз, два, три...».
Ночью тоскливо смотрит в окошко.

Я говорю себе: «Глупая крошка,
Кубиками на окрошку -
На поводу у него не иди.
Он каменное сердце носит в груди».
2009

Прозрачным долговязом
с небес лазурных прольешься.
Славу тебе навязывают
горькую, ты смеешься.

Музыкой дивной, природной
сердце наполнится.
Теплые падают слезы,
земля ими кормится.
2013

Я не способна жить вот так:
Сиюминутно, без задатка.
Порой накатывает страх
И нервный хаос беспорядка.

Болезни яростных удел,
А забытье — не равнодушных.
А истина, что белый мел
В руках судьбы всемо послушный.

Заметки стихофила

О книге Елены Острых «Кошка, окошко и любовь» (СПб., 2013)

«Дорогому читателю с любовью» адресовала свой первый сборник Елена Острых. Это, значит, мне, стихоману и книголюбу со студенческих лет, и я с удовольствием прочитал данную книжку. Как говорит философская мудрость, у каждого человека можно найти что-то хорошее, если его тщательно обыскать! Понятное дело, и в каждой книжке!

Значительная часть стихов, примерно три четверти, посвящены любви, свидетельствуя о принадлежности поэтессы к женской половине человечества. Мужская половина, как мне кажется, к любви охладела, только изредка касаясь страсти. Поэтесса же мудро замечает, что Желание — огонь.

Обжигаящий низ живота,
Потушить его можно из любого водоёма

Любовь — рожок небесного пастушка
Его божественная мелодия
слышна лишь влюблённым.

Как, вероятно, каждая женщина, Елена несколько раз говорит о своём желании, так сказать, отказаться от себя:

Нанизываю шары бус,
словно дни на вечность,
где я такая же бусинка
в чьих-то ловких пальцах...

Или:

Меня, счастливую, наверно, ты прожжешь
Искрой уныния, сомненья нитью чёрною.
Женою, суженой своей не назовёшь,
Но обретёшь ещё одну покорную
Твоим речам — их сладостна волна.
Я окунаюсь в них и чувствую — я женщина!
Весенним солнцем до краёв полна
И, словно ветер в мае, переменчива...

Или ещё:

Отчего я любви боялась?
За нехоженою межзою
Крылья вольные нежит птица,
Замирая в твоей руке.

«Всё в твоих руках, и даже я», — пела когда-то одна известная певица, но, думаю, «ловких пальцев» в наше время мало. Увы, мужские руки лучше держат бутылку... Впрочем, может, мужчина и прав, особенно услышав такой предупреждение:

Хлеб насущный — любовь.
Хлеба просящего полюблю,
Хлеба дарящего погублю.

Впрочем, уже с Анны Ахматовой известно, что поэзия может заменить всё, и Елена Острых подтверждает это своим «Явлением Музы»:

Ты ходишь чуть слышно, по морю ступая,
По морю моих не расплесканных тайн.

Небесная, дышишь блаженным раем
И я забываю печаль.

Зачем прилетаешь ты, райская птица?
Пронзаешь мне сердце и смотришь в глаза.

Мне некуда скрыться, мне некуда скрыться.
Зачем улетаешь, забрав два крыла?

Но зачем Муза улетаёт, забрав,
как можно понять, оба крыла по-

этессы. Чужое брать нехорошо!

В другой раз она сравнивает свой стих с «осколками звёздной глыбы», которые могли вырастить в стройное дерево, но «никто не лелеял их». Кто же этому мешал — их «лелеять»? Хотя, вроде, дерево из семечка растёт, а глыба глыбой и останется, пусть и звёздной! Но ведь это и есть призыв настоящего поэта — необычные метеофы! И настоящий поэт сам себя не понимает — что же он такого написал...

Елена Острых — поэт настоящий! С лёгкой руки Маршака «склеились» кошка и окошко. Вот и в прекрасном стихотворении поэтессы:

Кошка беленькая шубка
Щурится, урчит.
Крепко спит моя дочурка,
Тайны ночь хранит.

Есть там и чудное сравненье:

За окошком месяц чистый,
Снег идёт, а счастье близко
Под рукой сопит.

Такое бывает ощущение, что счастливых людей почти не осталось. В России как-то вообще не принято быть счастливым со времен Гоголя и Достоевского. «Страдать надо, страдать», — говорил Федор Михайлович. Елена, похоже, классика послушала, потому что через два года в стихотворении «Кошка, окошко и любовь» кошка уже «ночью тоскливо смотрит в окошко», а у влюблённого — «каменное сердце». Хотя не очень-то я верю в «женские страдания»...

Стихи поэтессы я прочитал, повторюсь, с удовольствием. Их можно запоминать и цитировать, например, такие, как:

Тоньше облаков душа богов.
В круговороте ярких дней
Она хрустальной и ясной.

С некоторыми её поэтическими желаниями можно поспорить, например, с её «хокку»:

Рыбку золотую выпущу,
Плавай, рыбка, в океане дней.
Больше я не выставлю сетей.

А как же «три желания»? Впрочем, поэтесса могла и передумать, и оставить рыбку при себе. Так, на всякий случай...

Отмечу её удачные строки, например, такие, как: «Завязь мерцающих звёзд / Плывёт по чёрной реке», — прямо живопись словом. Или: «Деревья голые руки / Склонили к мёрзлой земле».

Не скрою, что взялся я читать её сборник по оглавлению.

Мне сразу бросился в глаз её «Грааль», но он показался мне каким-то непонятным, «затухая на матице» в конце стихотворения. Прямо не «Священный Грааль», а какая-то народная лучина! Впрочем, всё равно одним Граалем стало больше в русской небогатой «Граалиане»...

Саму же эту книгу я рекомендую прочитать всем любителям поэзии. «Молчащий рот хуже щели в стене», — говорит таджикская поговорка. Думаю, что молчащее перо ещё хуже! Так что, Елена, продолжайте писать!

Сергей ТАРАКАНОВ,
преподаватель КузПА.

Сергей АЖИГАНИЧ

Я жить хочу, хоть умирал не раз.
Бессонными ночами полутени
По комнатам бродили: - «Что хотели?»
Пытался их спросить я каждый раз,
Но каждый раз не мог открыть я рта.
Из темноты костлявая рука
Ко мне тянулась, сдавливая горло.
И падала на плечи тишина.
Я умирал, но тяга к жизни побеждала,
Звала, трубила и кричала.
И уходили полутени, оставив зыбкие следы.
И висельниками сны висели,
Чуть проступая с темноты.
Февраль 2013

КРЕДО

Мне надоело добиваться счастья в жизни.
Стучаться в двери лбом и стены разрушать.
Устал гулять на собственной я тризне,
Обиды и предательства устал прощать.

Ну как же можно
оставаться равнодушным,
Когда гнобят и поливают грязью.
Ну разве может быть свобода душевной?
Зато легко из грязи сразу в князи.

Быть только Правда может в жизни голой,
И оставаться горькой, вечно неприглядной.
У Лжи любое сказанное слово
Покрыто сладкой оболочкой и нарядно.

Прожив пол жизни
не сменить мировоззрение.
И черное в моих глазах не станет белым.
Но, черт возьми, я понимаю, к сожалению,
Трус никогда не станет смелым.
И последний первым.
август 2012

Посмотри поручик, оглянись вокруг,
Почему стало столько
в России несчастных?
Ну скажите поручик, что случилось, и вдруг
Разделилась Россия на белых и красных.

Брат на брата пошел, сын стреляет в отца.
Кто ответит, что стало с Россией?
Убивают детей, расстреляли царя,
Правят ужас, террор и насилие.

Посмотрите поручик, в тифозном жару,
Разметалась больная Россия.
Воронье разжирело на страшном пиру,
Крик и плач над страной от бессилья.

Тяжко жить нам в эпоху лихих перемен.
Наливайте вина всем поручик.
- «Что судьба нам предложит
сегодня взамен.
На костях погадайте поручик!»

Дождик слезы пролил из свинцовых небес,
Ветер прах разметал по России.
Так задернула жизни судьба занавес.
Стал поручик — блаженный Василий.
август 2012

ПОРТ-АРТУР

Ты только посмотри — немой заговорил,
И ночью вдруг на небе — солнце.
Прощение убийца получил
И Порт-Артур мгновенно стал японским.

От ужаса предательства застыв,
Задрали морды в небо трехдюймовки.
Под плотью города,
зрел человеческий нарыв,
На виселицах, собирали урожай веревки.

И захлебнувшись стилою водой
В мгновение ока стал
«Варяг» бессмертным.
Открыв кингстоны,
уходил на дно герой,
Чтобы не стать коленапреклоненным.

Японская война! Позор страны!
Орел двуглавый, сорванный с флагштока.
Безусый прапор у последней встал черты
И губы шепчут: «Господи, прости!»
Взведен курок, смерть лучше,
чем японская в плену забота.
апрель 2011

ПРИЗНАНИЕ

на О. Мандельштама

Я не хочу с другими
Свою любовь делить.
Сходить с ума от ревности,
Былое ворошить.

Тебя я не ревную,
Я лишь тебя люблю.
На эшафот иду я
В угоду палачу.

Несу свою любовь я,
И вот в последний миг
От боли приглушенный
Несется в небо крик.

Что делать? Я не знаю!
Меня к тебе влечет.
И вновь я вспоминаю
Вишнево-нежный рот.

И глаз бездонный омут,
В которых я тону.
Я больше не ревную.
Я лишь тебя люблю.
апрель 2011

ЖАРА

Упала жара на плечи июля
Подобно огненно рыжей лисе.
Не помнят ветра, когда они дули.
Расплавилось солнце в небесном котле.

Асфальт словно тесто лепит дорогу,
Город в бреду от жары, как больной.
И домофоны, забыв свои коды,
Капитулировали перед жарой.

Пыльных домов душевные комнаты,
Воздух густой, хоть ножом его режь.
Солнце сжигает улицы города,
Краски сменив на одну краску беж.

Все как в замедленном
кинематографе.
Времени жарко, оно не спешит.
Медведем ворочаясь в своем логове,
Жара громыхая, лениво ворчит.
июль 2010

СЫНУ

Положив ручки под щечку,
Засыпает мой карапуз.
В свете лампы ночной, строчки
Словно нить темно-синих бус.

Для него я пишу колыбельную,
Чтобы сладко спалось малышу.
За окном темной ночью осеннего
Облака колыбелят луну.

Дописала я колыбельную,
Убираю тетрадный листок.
С тобой вместе уснула Вселенная.
Спи спокойно, мой милый сынок.
октябрь 2011

ДЕТИ

Между светом и тьмой,
Между злом и добром
Есть зазор небольшой
В нашем мире большом.

Непонятные нам
Взрослых странные игры:
Прячут сладкий обман
И лелеют обиды.

Рвут друг другу сердца
И плетут интриг сети.
В ожиданье конца
И счастливых билетов.

Забывают про нас,
Снова нас вспоминают.
Им сказать каждый раз
Мы хотим...
Дети все понимают.
июнь 2013

ПРОХОЖИЕ

Такие непохожие и похожие,
Шли по городу прохожие...
И у каждого — своя жизнь и дела.
В свой мир не пускают они никогда.

Глядишь на толпу — однообразная.
А в частности, люди такие все разные.
Кто-то вальяжен, кто-то испуган,
Кто-то здоров, а кто-то с кудрецам.

Этот идет не спеша на работу.
А вот того окружили заботы.
Этот с детьми, а этот один.
Нищему грош медный дал господин.

Время идет, оставляя сомненья.
Только прохожие — без изменения...
июнь 2013

На Блока.

Ночь. Вместо фонаря — луна.
Аптеки нет, но есть больничная палата.
И от наркоза жаркая волна
Накрыла тело лунною сонатой.

Пирует боль, словно над падалью шакал.
Рвет сухожилия, вгрызаясь в кости.
Вся жизнь в борьбе, я чуть не проиграл.
Судьба испытывает нас на прочность.
март 2012

Мы боимся не успеть жить.
Любим мы, как в последний раз.
Все успели мы пережить,
И не смотрим теперь назад.
Мы хотим сделать все сейчас,
Не откладывая на потом.
Понимая, что каждый час
Превратиться может в фантом.
Мы торопимся, мы спешим,
Ценим миг, он для нас как года.
Обнимая всех — говорим:
«Вы последняя наша мечта».

На В.С.Высоцкого

Я не люблю, когда наманикюрным ногтем,
Пытаются мне расцарапать душу.
Когда все в жизни меряют одним рублем,
Когда баланс между добром и злом нарушен.

Я не люблю, когда глядя в глаза,
Слова тасуют словно карты.
Понять блудницу я смогу всегда,
Хотя простить ее, увы, навряд ли.

Я не люблю, когда на перекрестках,
Кричат о верности, о чести, о любви.
Играя чувствами, словно
актеры на подмостках.
Я им не верю. Сэ ля ви.

Я не люблю, когда стреляют в спину,
Спрятав лицо под маской сострадания.
Вкус у любви горчит, как вкус рябины,
Последний поцелуй, последнее свидание.

Мы разные с тобой, такие разные.
Как лед и пламень, мы как снег и дождь.
И сердце рвется ключьями бумажными,
Вновь побеждает правду ложь.
С судьбой играю — ставлю я на красное.
Вновь проиграл, мне выпало zero.
Мы разные с тобой, такие разные,
Но друг без друга жить нам тяжело.
октябрь 2011

РЕСТОРАНЧИК СУДЬБЫ

Как-то раз я зашел в ресторанчик к Судьбе.
В переполненном зале —
ментоловый облаком дым.
Салютуя вином улыбалась Надежда Беде,
Раскрасневшийся Случай казаться
хотел молодым.

Вот Разлука с Любовью за столиком
пишут роман.
Зло с Добром меж собой
бесконечный затеяли спор.
В вальсе кружит Надежду
веселый проказник Обман,
Жизнь и Смерть возле бара ведут
вечный свой разговор.

Я за столик присел, и Судьба налила мне вина.
Попросила Фортуны, чтоб та мне
дала золотой.
Молча принял подарок: «Будь что будет.
Эх, была не была!»
Грустно Время качало за соседним
столом головой.
сентябрь 2010

НЕЛЮБИМЫЕ

Вы смотрели хоть раз
Пелюбимым в глаза?
В них тревога и горечь утраты.
Неушедшие письма и поезда,
И стук сердца, что бьется стаккато.
Уходя, уходи, не смотри назад,
Не вернуться туда, где был.
Не бичуй себя словно злобный кат
Ведь насильно не будешь мил.
Но так хочется, чтоб любил всегда,
Чтоб любимыми стали мы...
Нелюбимые закрывают глаза,
Чтоб не видели в них тоски...
сентябрь 2013

ПРОШЛОЕ

Наша память — как старый сундук:
Много пыли и разных вещей.
Иногда, открываем мы крышку разлук
Вспоминая все вновь, но зачем?
Прикоснувшись к тому, что когда-то берег,
Понимаешь внезапно — прошло.
Не вернется назад время больше твое,
И не переступит порог.
И ты можешь те вещи вертеть-крутить,
Можешь к ним прикоснуться рукой.
Только знай, что бывшее нельзя возродить,
Лучше остаться собой.
Просто горечь утрат оживет опять,
Подползет змею к груди.
И придется пригреть. Ведь нельзя прогнать,
Прокричать ей: «Прочь! Уходи!»
На мгновение вспомнишь костер в лесу,
Чьи-то тени, веселый смех.
И внезапно сердце ускорит стук,
И часы замедлят свой бег.
...Закрывая крышку, стирая пыль,
Возвращаясь к своим делам,
Ты опять прикажешь себе:
«Не забыть! — нужно выбросить
этот хлам».

сентябрь 2013

ПЯТНИЦА 13-ОЕ

Пятница. Тринадацатое.
Как нынче сложились звезды!?
Сегодня все неприятности проснулись.
Смотрите в оба!
Хищный оскал за улыбками,
Камень лежащий за пазухой,
Не станут акулы рыбками,
Слепой не увидит радугой.
Но хочется так хорошего,
Красивого чувства, чистого.
Только не ставят в грош его,
Не будет целым разбитое.
Вновь торжествует Темное.
Мерфи закон неизбежен.
Пятница-неумная
Катится комом снежным.
13 сентября 2013

* * *

Царят на свете три особы.
Зовут их — Зависть, Ревность, Злоба.
И могут эти три сестры
Любого до безумства довести.
Вот Зависть смотрит на лачугу бедняка:
- «Ты только посмотри,
как жизнь его легка.
Добра не надо ни беречь, ни наживать.
Ему ведь просто нечего терять».
А Ревность на себя накинув
черный плат,
Ревнует всё и всех, ко всем подряд.
Клохочет Злоба, как вода в котле.
Где эти три сестры,
там точно быть беде...
февраль 2011

* * *

САПистам посвящается...
Крошка сын пришел к отцу.
И сказала кроха:
«Как без САПа жили вы?
Это ж очень плохо!»
Главный в садике теперь

Я по вновьвведениям.
Чтоб трудилось без потерь
Ваше поколение.
Раньше как: вопрос — ответ.
Надо — значит надо.
А сегодня всем — привет:
САПа есть программа.
Вводишь кодик МДМ,
Атрибутов — море.
Кому радость и почет,
А кому то горе.
- «Эх сынок» - в ответ отец
Прошептал: «И что же?
Сокращенье, всем пипец...
Может САПу тоже?»
Сын ответил папе: «Нет.
САП у нас бессмертен.
Сократят вас или нет,
Я за САП в ответе.»
Отец понял — все, вперед!
И пошел трудиться.
Знать бы всем нам наперед
Кто у нас родится...
февраль 2012

БАСНЯ ПРО СЛОНА

В лавку посудную однажды слон
Устроился работать продавцом.
С тех пор барсук-гончар с наваром,
В посудной лавке нет проблем с товаром.

Мораль сей басни такова:
Товар и лавка, для успеха лишь полдела.
Ты должен продавца нанять умело.
август 2012

СОВА И МЫШЬ

Басня

Однажды как-то мышь,
устав жить впроголодь в подполье,
Прозрела пол и вылезла наверх.
В чулан попала мышь, там полное раздолье:
Сыр, масло, колбаса. Мышь празднует успех.

В чулане, объедаясь до отвала,
Забыла мышь про все: про голод, нищету.
Мышь раздобрела, толстой стала.
Забыла страх и даже про сову.

Никто в чулане жить ей не мешает:
Мышинный рай, нет здесь у ней врагов.
Но к сожалению мышь не знает,
Что лишь голодный ко всему готов.

В чулане дверь как-то хозяйка не закрыла.
И мышь решила выйти в свет.
Увы и ах! Но мышь совсем забыла,
Что кроме радости мир полон бед.

Над головою тень — от хищницы совы.
Решила мышь назад бежать, в подполье.
Трепещет мышь в предчувствии беды.
Но горе ей. Увы, впрям не пошло раздолье.

Сова довольна, сытный был обед...
Но жизнь сыграла с нею злую шутку:
От жирной пищи — несварение желудка.

Мораль сей басни такова:
Виной всех бед — обильная еда!
август 2012

ЛЕТНЯЯ РУСЬ

Росные поляны, красные от ягоды,
В густых травах спрятались белые грибы.
Блики серебристые, караси по заводям,
Полушалком Павловским на полях цветы.

Жаркие объятия, ночи летом темные,
Вздохи на завалинке, да гармонь в дугах.
Пареньку кудрявому снятся косы черные,
Поцелуи девичьи медом на губах.

Льется песня звонкая сразу за околицей,
Ясный месяц спрятался, скрылся в облаках.
За рекой широкою где-то плачет горлица.
Как же хороша ты Русь на семи ветрах.

На О. Хайяма

* * *

Если в пустыне был бы я,
И умирал от жажды,
У Бога не воды просил, вина
И попросил бы Бога дважды.

* * *

И без вина прекрасна ты,
Тебе я говорю.
Мне б подарить тебе цветы,
А я вино дарю.

* * *

Еще Омар Хайям сказал,
Что истина в вине.
Друзья, он точно не наврал.
Налейте чашу мне!

* * *

Когда я собираюсь в путь,
Беру бурдюк вина.
Меня кто может упрекнуть,
Что взял не то, друзья.

* * *

Сказал любимой я вчера:
- «Смотри какой букет!»
Ей протянул кувшин вина.
В ответ услышал — «Нет!».

* * *

Не надо жалеть о прошедшем,
О будущем думать не надою
Ведь время и так скоротечно.
Сегодняшний день нам — награда.

* * *

Жить нужно днем, в котором мы живем.
Вчерашний день прошел, забудем мы о нем.
Что будет завтра? Будет то, что будет.
Жить надо днем, в котором мы живем.

* * *

Назад вернуться нам не суждено,
Сегодня в завтра мы попасть не сможем.
Поэтому сегодня пьем вино,
Живем сегодня так, как можем.
сентябрь 2010

* * *

Параллелепипеда дверной проем,
И капельницы хищной жало.

Как долго меня это окружало.
А за окном февраль метет.

Палаты строгий вид,
И трость у изголовья,

Прохлада простыни и боли торжество.
Тобой я не забыт,

Я слышу голос крови,
Который говорит:
«все будет хорошо!».
февраль 2012

* * *

Раскидала щедро осень
разноцветную листву,
На траве пожелтой — проседей.
Что со мною не пойму.
Сердце бьется, словно птаха,
угодившая в силки.
Все проходит — то, что было,
то, что будет впереди.
Убегает вдаль дорога,
клен качает головой.
Журавли трубят в тревоге,
покидая дом родной.
Ветер растрепал осины,
в поле желтая стерня.
Прощай лето — именины осень
празднует с утра.
Пьет вино, листву срывает,
разгоняет голубей.
Время мало, понимает —
зима в гости спешит к ней.

РЕКВИЕМ ЗЕРКАЛАМ

В блеклых, помутневших зеркалах,
Под простыми и резными рамами,
Я читаю старый альманах,
Книгу жизни с незажившей раной.

Сколько раз смотрели зеркала,
Покрываясь патиной от ужаса,
На свинцом набитые тела,
На паркет,
где клюквой крови лужица.

Сколько раз повязкой на глаза
Простынь закрывала отражение...
Значит в доме снова боль, беда,
Снова выиграла у Жизни
Смерть сражение.

Сколько раз смотрели в зеркала
С мукою, с надеждой в ожидании
Детские и взрослые глаза,
Словно нищие за подаянием.

Зеркала, Вы прошлого душа,
Настоящего —
счастливого мгновение.
Может быть, и мы через года,
Сохранимся в вашем отражении.

ДАМЫ

Осени лицо набрякшее,
И тумана вата по утра.
Почему блудница надша
Кавалерам всех желанней дам?

Почему фривольная походка
Кружит голову, сводя с ума?
Почему не дама, а кокетка
Заставляет бросить все дела?

Воспевают красоту дам
Пишут с них художники портреты.
Но в душе блудницу в постели
Хочет дама,
несмотря на все запреты.
август 2013

Геннадий МОРОЗОВ

Перед рассветом

Лишь только тем, кто любопытный,
Я посвящаю строчки эти.
Неважно, нищий ты или «элитный» -
Мы ведь соседи на планете.
Ты мне знаком, пускай, заочно.
Сие сужденье правомочно:
Мы оба ищем в ежесдневной какофонии
Какой-то смысл и проблески гармонии.
Иначе бы, зачем листать страницы.
Стихи, ведь не вино, не колбаса -
Они не радуют желудок и глаза.
Стихам иные обозначены границы.
Бог рифмой возвестил Творение.
Вселенная - Поэта порождение.

Возьмём знакомую всем фразу:
«Мир наш спасётся красотой».
Невольно возникает сразу
Вопрос наивный и простой:
- А по плечу ли красоте задание,
Когда везде борьба за выживание,
Посильно ль красоте и грации
Остановить цунами деградации?
Сомнительно, весьма сомнительно.
Хотя, надежда существует,
Ждёт часа своего, тоскует.
Ведь ожидание всегда томительно.
И пока, Князь Тьмы - владыка и судья
Для нашего, телесного, земного бытия.

Мы для него, всего лишь, муравейник,
Захочет и нарушит ход событий.
Покой не любит адовый затейник,
Плетёт интриг коварных нити.
Утрачен импульс к пониманию,
А с ним и воля к созиданию.
Знал раньше каждый свою роль.
Из миллионов единичных волей
Слагался созидательный поток
Для выполнения поставленной задачи.
А в муравейнике не может быть иначе.
Вдруг, нате вам, крутой виток!
Пошла кругом сумятица,
Всё рушится и катится.

Так хрупко равновесие судьбы.
Нас ждут случайности повсюду:
Во время сна, еды, ходьбы,
И даже когда моем мы посуду
Возможно, потерять баланс.
А значит, ускользнёт и шанс
Остаться в списке воплощённых.
Мыслишка из разряда упрощённых.
Хочу сказать: нет постоянства,
И нету нержавеющих явлений.
Ведь с каждой сменой поколений
Меняется и время и пространство.
Мчит Громоверзца колесница.
И вечный бой, покой лишь снится.

Что, грустный получается пролог?
Сейчас всё быстренько исправим.
Не видя в грустных нотках прок,
В поэму бодрости добавим.
Грусть - нездоровая привычка.
О счастье жить щебечет птичка,
Об этом самом шелестит листва.
И нам понятны их слова.
А если по большому счёту
Минувшую припомнить череду
То в этом численном ряду
Найдём внушительную квоту
Счастливых дней, недель и лет.
Совсем несчастных в мире нет.

Пролог окончен и займёмся делом.
Обсудим историческую тему.

Русь в мировой истории - пробелом.
Оспорим это, применив поэму.
Довольно повторять заведомую ложь
Чужих историков, ведь правды ни на грош.
Восславим предков, труд их и походы.
На них равнялись многие народы.
Нам не мешает историческая пыль.
Мы взяли рифму на подмогу,
Она облегчит путь-дорогу.
С ней отличим, где вымысел, где быль.
Она у нас подспорье и отрада.
Годится даже для научного доклада.

Историки не любят признавать ошибки.
Придётся каяться, что факты исказили.
Но грунт под зданием стал зыбкий,
Фундамент треснул, стены обветшали.
И крыша рухнет, только троньте.
Короче - дом нуждается в ремонте.
На лжи построено всё здание,
Здесь не поможет дыр латание.
Запахло капитальнейшим ремонтом.
Всё заново, как ни крути.
Иного нет разумного пути,
Ведь факты наступают фронтом.
Наука их в упор не замечала -
Что всюду русское начало.

Народы с волжских берегов
Пошли творцами по земле.
От их стремительных шагов
Свет загорался в дикой мгле.
Шли русичи по воле Провидения,
Несли народам пробуждение.
Они создали «Древний Рим».
Внимание на этом заострим:
С тем, каноническим, нет сходства.
Такие вот, открылись нам детали -
Рим размещался вовсе не в Италии.
В нём только русское господство.
Владимир, Ярославль и Кострома -
Столицы мира, расписные терема.

За тёплым летом следуют метели.
Всему отмерен точный срок.
Вассалы полной власти захотели,
Да больно уж хозяин строг.
Европе ли характера не знать,
Московский крест легко не снять.
Страх наказания бросает в дрожь.
Пустили в дело подкуп, ложь.
А чтобы навсегда забыть о русском казаке,
С тех давних пор, поныне,
Европа пишет на латыни -
Придуманном вассалами
«старинном» языке.
Как только ослабла метрополия,
Кириллица не нужной стала более.

О том, что часто искажают факты,
Не знает лишь, родившийся вчера.
Допустим, рулевой сменился с вахты -
Курс исправляют рощерком пера.
Пойми теперь - откуда и куда
Мы движемся столь долгие года.
По записям в таком журнале.
Маршрут найдёте вы, едва ли.
И метрополия предстала глухоманью,
Замшелую, отсталую страной.
Культура обегает стороной,
Не удостоит нас надменною вниманием.
Она пришла к нам при Петром Великом.
«Антихрист» - прозвище его
в народе «диком».

Однажды мальчик крикнул из толпы:
«Глядите-ка, король наш - голый!»

Внушают нам, что русские глупы,
И в рабство обратили нас монголы.
Учебники, романы, кинофильмы,
Твердят одно - рабами были мы.
Но прорастает всюду истина.
Сквозь ложь, которой выстлана,
Покрыта, наша Русь Великая.
Монголы тут, конечно, не причём.
Фантазией писак, народ взращён
И по страницам книг пронёсся гикая.
Мы до сих пор, зубрим те небылицы,
О татаровьях злых, об их раскосых лицах.

Кто хочет, может углубиться
В прочтенье книги: «Русь и Рим»,
И мысли свои поделится.
А мы лишь кратко повторим.
В ней всё по полочкам разложено,
Заумной лексикой не огорожено.
Возникла смута от «разборок» клановых
По злему умыслу Захарьиных-Романовых.
Обосновать законность власти,
Родства с царём их западного предка,
Нужна сноровка и в подделках сметка.
Нашлись «спецы» по этой части.
Три немца: Шлёцер, Байер, Миллер,
Слепили миф в карикатурном стиле.

Их вариант над школою довлеет:
Тупые русские натужно бьют челом
Варягу Рюрику, у тех народ умнее:
- Повелевай, не совладаем с ремеслом!
Славяне мы, не знаем, как за дело взяться,
Способны только иноземцам подчиняться.
Мотивчик этот продолжается и ныне,
Хоть нет давно Романовых в помине.
Мыслишка чужеземцев
продолжает жить
И в наше время просвещённое.
Пожалуй, даже в дело воплощённая.
Пытаются упорно нас лишить:
Самосознания, культуры, и традиций -
Корней, которыми народ гордится.

Князь Тьмы подправил имидж Смуты.
Средневековый макияж сейчас не в моде.
Но сущность та же, и характер будто,
Ничто не изменяется в природе,
У крестоносцев старого покроя,
Что проломил лёд парадным строем.
Магнитом тянет к русскому простору,
Тут Невского позвать бы впору -
Пускай напомнит западному братству
Уроки твёрдые веков минувших.
И заодно, судьбину, посягнувших
На землю русскую, её богатство.
Идёт борьба за души, тело и сознание.
Поход крестовый продолжают латиняне.

Считаете, сгущая краски?
Взгляните: по периметру границы
Соседи сняли с лиц улыбочивые маски.
Но мы то, с вами, помним эти лица.
Тех братьев, что кормились и неплохо
В семье, где русского считали лохом.
Народ, что был защитником, гарантом,
Зовётся нынче злым оккупантом.
Кордон из бывших братьев выстроен.
За доллары построена система
Угодливых вассалов дяди Сэма.
Стоит на старте, ожидая выстрела.
Вот, только держит незадача -
Серьёзная случится сдача!

Пример недавний убеждает.
Дают всегда отпор ответный.

Охоту к нападенью отбивает
Удар мгновенный и победный,
В мечтах блуждали южные соседи,
Делили шкуру неубитого медведя.
Из Капитолия получено: «Добро,
Подвесьте русского медведя за ребро.
Он прячет голову, как страус, много лет,
Совсем ручной, совсем не грозный.
Пока проснётся, будет поздно.
И лапой даже не махнёт в ответ».
Однако, на задуманном пожаре,
Стал действовать другой сценарий.

Поправку внёс российский батальон.
Из миротворцев, под Цхинвалом.
Не испугались и не вышли на поклон
Врагу, что пёр девятым валом.
Отпор - лучшее всяких аргументов.
Спектакль провален, нет аллодисментов.
Всё сразу стало на свои места.
И дружба, тоже, с чистого листа.
Европа нас объёмами не манит -
Не ко двору ей сильная страна:
А наша романтическая пелена,
Навряд ли снова перед взором встанет.
Как видим, крестоносные латины
И живы, и реально ощутимы.

Смягчим доклад лирической строкой.
К природе обратимся взором.
Густой туман над утренней рекой
Клубится сказочным узором.
Чуть слышно движется вода,
Где берег тот, течёт куда?
Волшебной силой душу очищает,
Журчанием о чуде возвещает.
Через минуту золотистый лучик
Родится за полоской леса.
И скоро зарева завеса
Пернатым хором лес озвучит,
Туман развеет без остатка
В течение минуты краткой.

Бегут минуты, становясь годами.
Всё хорошо, но к сожалению,
Добро и зло меняются местами.
Мы знаем по чьему велению.
Пороки добродетелями стали,
Бесстыдно возлежат на пьедестале.
Толпа, внизу, им рукоплещет,
Кумиры изодрённой ложью блещут.
Верховным божеством - банкнота.
Бумажка, шелестящая о счастье.
Она одна лишь обладает властью
Над мыслями заблудшего народа.
Она сулит нам радость и успех,
А совесть где же? Совесть - грех!

Банкнота пожирает страны,
Драконом нависает над землёй.

Она возникла не спонтанно,
Веками обвивала мир петлей.
И ныне беспредельна денежная власть.
Россия, тоже, устремилась в пасть
Заокеанского, кредитного дракона,
А для него не писано закона.
Влечёт он всех дыханием азарта.
Зачем ему какие-то границы,
Ведь бесконечной вереницей
Идут царьки, в надежде форта.
Контроля нет совсем за игроками.
Мы проиграли - разведём руками.

Лихое время и расклад удобный,
За дымом антикризисных бесед,
Схватить чуток, от пышки сдобной,
Да за рубеж, а там растает след.
Витают кризис в мыслях и словах.
Правителей ругают в пух и прах.
По всей стране, по городам и весям.
Но если результаты брани взвесим -
Увидим лишь словесное пыление.
А как без драки изменить режим?
Но революция лишь на руку чужим!
Судьбою недовольно поколение.
Не стали работники средним классом,
В мечтах остался рябчик с ананасом.

Подобное бывало прежде.
Не раз «паны» дрались за власть,
Тянулись в призрачной надежде -
В богатстве накупаться влать,
Да чтобы выстроить хоромы-терема -
Предел мечтаний «панского» ума.
Набил оскомину сюжет -
О том, как «пилят» госбюджет.
Хотят забрать с собою, вдале,
Наверх, к апостолу Петру,
Земную, золотую мишуру.
Ведь расставаться с нею жаль.
Но для души неправедно живущей,
Иной удел - без райских кущей.

Тьма пачкает пятном чернильным
Страницы Книги Откровений.
Пытаемся мы разумом бессильным
Прочсть её, но злобный гений
Мешает, помутняя души,
И ложью забивает уши.
Плетется сеть коварства
Для тонущего государства.
Призывом: «Аксиос!» - Достоин!
Взошёл на патриаршество Кирилл.
Надежду православным подарил,
На возрождение Руси настроен.
Само собою не исчезнет зло,
И время действовать пришло.

Не одолеть пучину кризиса
Без очищения моральных норм.
Армагеддон уже приблизился,
Вот-вот, и разразится шторм.
Адепты тьмы сидят по всем каналам;
Вольготно нас дуришь телеканальям,
Вольготно рекламировать пороки,
Пока отсутствует ревнитель строгий
Устоев нравственных и чистоты
Так нужной ныне поколению,
Покрытому духовной ленью.
Иначе бесполезны все мечты.
Ведь совесть многие загнали в угол.
От этого нам всем придётся туго.

Рассвет настанет, утверждать берусь.
Уверен - возродится мощь былинная.
Воспрянешь вновь Святая Русь,
Державная, соборная, общинная.
Мир удивлённо наблюдает за тобою
За перевитой смутами судьбою.
Дивится нашему здоровью,
Иммунитету, купленному кровью.
Сосновым, вовсе не берёзовым,
Дыханьем веет наш простор.
Общинный тлеющий костёр
Вновь оживет в рассвете розовом.
В общине не в чести пороки.
Для очищения наступают сроки.

«Народная Русь» Аполлона Коринфского

Русская литература широко представлена в мировой культуре. У всех на слуху такие имена как: Пушкин, Толстой, Достоевский и многие другие общеизвестные классики. Хотелось бы рассказать о менее известном, но от этого не менее ценном для нашей культуры, поэте, переводчике, авторе книг о фольклоре - Аполлоне Коринфском.

Аполлон Аполлонович Коринфский (1868 – 1937 гг.) родился в Симбирске, в семье городского судьи.

Интересно происхождение его необычной для России фамилии. Многие его современники считали её за литературный псевдоним, некий литературный изыск, а между тем это настоящая фамилия. История её происхождения весьма необычна и заслуживает пересказа.

Известна многим биография Михаила Ломоносова. О том, как крестьянский сын своим недюжинным упорством добился высот в научном мире своего времени. Михаил Васильевич вошёл в историю как великий учёный, поэт и просветитель.

Так вот, жизненный путь крестьянина Михаила Петровича Варенцова, дедушки Аполлона Коринфского, очень похож на судьбу Ломоносова.

Крестьянский сын, выучившись грамоте у приходского священника, смог поступить в Казанскую гимназию. Здесь проявил чрезвычайную одарённость к рисованию и был послан учиться за казённый счёт в Петербургскую Академию художеств.

По окончании Академии, Михаил Варенцов представил комиссии, в которой состоял сам император Александр I, архитектурский проект «в коринфском стиле».

Это творение совершенно покорило императора, большого любителя древнегреческого и римского зодчества. Да так, что он своим высочайшим повелением дал этому крестьянскому сыну потомственное дворянство и приказал именовать отныне Коринфским. Таким образом, фамилия Варенцов сменилась на Коринфский. Отсюда легко понять, почему Михаил Петрович назвал своего сына Аполлоном.

Мать Аполлона Аполлоновича Коринфского умерла вскоре после рождения сына, а в возрасте пяти лет он лишился и отца. Детство Аполлона прошло в отцовском имении под присмотром тётюшек. В 1879 году он поступил в Симбирскую гимназию и семь лет проучился в одном классе с Владимиром Ульяновым. После гим-

назии они не встречались, и только в 1917 году Коринфский узнал, что одноклассник Ульянов и революционер Ленин - один и тот же человек.

В 1894 году начинает проявляться литературный талант Аполлона Коринфского. Его книги стихов: «Песни сердца» и «Чёрные розы» снискали ему славу у современников. Он активно участвует в редактировании журнала «Север», публикуется во многих популярных изданиях, переводит Гейне, Янку Купалу.

Но в этом рассказе мы коснёмся только его историко-этнографической книги «Народная Русь». Эта книга плод более чем двадцатилетних изысканий в области русской и славянской этнографии. Собрание сказаний, поверий и обычаев народа. Как истинного патриота Аполлона Коринфского, интересовало, на чём зиждется традиция сохранения самобытности, чем крепка преемственность духа поколений народа-пахаря. В этой книге бережно сохранены яркие образчики народной мудрости, относящиеся ко всем случаям жизни, к каждому дню и месяцу года. Приведу здесь небольшой отрывок, сохранив стиль автора, касающийся месяца ноября.

«Ноябрь - сентябрь ввек, октябрю ввек, зиме родной батюшка!» - приговаривает любящий красное словцо, памятующий старинные присловья люд православный. Одиннадцатый по счёту теперь, он слыл в прежнем русском укладе за девятый; с XV по XVIII проходил по изволению властей-укладчиков, третьим в году; с 1700 года встал на своё настоящее место, на котором он и во всех остальных ближних и дальних государствах.

Последние обожженные морозом листья с дерев облетают к этому времени, остальные чёрные грязи осенние подсыхают, промерзая; зима в белой шубе идёт. Не первым, а третьим, не то четвёртым снегом порошит, застилает коврами пушистыми. «До Казанской (4-е ноября, день празднования Казанской иконы Пресвятой Богородицы) - не зима, с Казанской не осень», «Матушка Казанская необлыжную зиму ведёт, морозцем дорожку кажет» - говорят-приговаривают краснословы. С этой поры, по приметам деревенских погодоведов, зимние морозы силу берут, всё крепче да крепче за землю держаться начинают. «Казанские морозы железо не рвут, птицу на лету не бьют, а за нос бабу хватают, мужика за уши пощипывают».

Близится-надвигается пора студёная; может, как давно замечено, ко всему в окружающей мужика природе зорким глазом присмотревшийся деревенский опыт, и в одну ночь зима установится, до весенних оттепелей налечь на грудь земли-кормилицы. По примете, когда большой урожай - тогда и зима строгая.

С давних пор в обычае у нас на Руси заканчивать к назимней Казанской все строительные работы; плотники, каменщики, штукатуры - все к этому времени сдают по подрядку работу, берут расчёт у хозяев, в деревню ко дворам снаряжаются. «Не обсчитывай рядчик подряженного: Казанская молчит, да всё видит, всё Богу скажет!», «И рад бы хозяин попрятать батрака, да Казанская на дворе, она, Матушка, всей ряде голова!» - говорят выношенные в сердце народной жизни присловья.

Наезжают на Казанскую торгоши в праздничные сёла, раскидывают кибитки с товарами, палатки ставят, баб и мужиков в соблазн вводят, на расход наводят. Весёлый праздничный человек и то, чего не надо купит; торгош уговорить сумеет, твёрдо он помнит своё правило - «Не обманешь - не продашь!». Знает он, пронира, какими прибаутками заставить разгулявшегося мужика подороже дать.

В народе говорят - «В ноябре, чем-чем, а стужею всех богачей оделить можно, да ещё и на нишую братию останется», «Кто в ноябре не зябнет, тому и в крещенскую стужу не замёрзнуть».

Наш рассказ всего лишь об одном дне наступающего ноября. Мы прикоснулись, с помощью Аполлона Коринфского, к славному прошлому нашей великой русской культуры. Основа её - глубокое уважение к матушке-земле, дающей возможность жить, глубокое уважение к своей Родине.

Александр НЕБОГАТОВ

Очень хотелось бы, чтобы мои мысли прочитали внуки, правнуки и праправнуки. Особенно если это будущие мужики. Очень хочу, чтобы мои праправнуки выросли настоящими мужиками: честными, сильными, мужественными, добрыми, с широкой русской душой, правильными и светлыми мыслями. Будет очень здорово, если мои записки, мои мысли на бумаге помогут им стать таковыми.

Я нормальный мужик. Прошел в этой жизни всё: армия, шахта, пожарка, калымы, тяжелый изнурительный труд, взрыв на шахте «Тайжина»: 47 покойников прошли через мои руки. Жил только на свои, честно заработанные, вырастил двух очаровательных детей, построил дом, вырастил сад... Т.е. всё, что должен нормальный мужик сделать на этом свете – я сделал.

Я ничего не знаю про своих делов, тем более прадедов. Кто они, что они, чем жили, дышали, что делали. И меня это до боли в мозгах обижает. Поэтому ужасно хочу, чтобы мои правнуки на вопрос: «Кто был твой прадед?», четко отвечали: «Наш прадед был настоящий мужик!!! Мы его помним и очень гордимся им. Он дал жизнь нашим бабушкам и дедушкам. Он воспитал их настоящими людьми. И мы ему за это очень благодарны».

ШАХТА В РАЗРЕЗЕ

Сегодня вновь приснилась шахта,
Хотя давно забыл о ней.
В печенку ввешаясь вахта,
Злой рок моих кошмарных дней.

Тяжелый свод всё давит душу,
Сжимает сердце, словно гнет.
Как будто мерзкую мокрушу,
Породой в жижу разотрет.

Иду по темным казематам:
Капёж, темно и скрип сапог.
Крыс иногда покроешь матом:
Шнуркуются у твоих ног!

Вот где-то ухнуло уныло,
Рванули что-то взрывники.
Кровь в жилах намертво застыла,
В живых остаться б, мужики.

Спускаюсь с квершлага по скату.
В ушах знакомый свист струи.
Попал я в шахту не по блату,
Лишился лоска чешиу.

Со стуком закрываю ляды,
Летит в глаза сухая пыль.
А мысль про малые оклады,
И смерть! К несчастью, это был.

Под трапом чавкает вода,
Скрипит затяжка в кровле нудно.
Здесь притаилась, ждет беда:
Я чувствую нутром подспудно.

Как поросенок под ножом,
Визжит рабочий вентилятор.
Труба надулась коржом,
Вешал какой-то провокатор.

Всё на «соплях», аж зло берет,
Пооторвал бы напрочь руки.
С нахальной рожей в шахту прет
Дебилов рой, достали, с-суки.

С досадой плюнув на сапог,
Ругнулся грязно, неприлично.
Поправил всё, что только смог,
Кляня халдеев очень зычно.

Иду в забой, там жизнь кипит,
Повсюду огоньки мелькают.
Железо жалобно скрипит,
Про смерть ребята забывают.

Гнут горб за 32 рубля,
Свое здоровье надрывая.
Правительство не любит, бля,
Шахтеров, зло на них срывая.

Иду обратно. Зло берет.
Всю жизнь провел под мрачным сводом.
Шахта моё здоровье жрет,
И жизнь короче с каждым годом.

Прогромыхал электровоз.
Стою, спиной к борту прижался.
Как будто за спиною воз
Забот свалившихся остался.

Уж больно быстро жизнь прошла.
Пахал, как пленный на галерах.
В итоге – пенсия нашла,
Как у бомжа в дырявых шкерах.

На ленту прыгнул бодрячком,
К углю прижался мягким брюхом.
Нет! В жизни не был я «сачком»,
Земля мне точно будет пухом.

Гудит конвейер монотонно,
Прет на своем «горбу» меня.
И каждая вторая тонна
Умчится прочь, деньгой звеня.

На квершлаг выехал, замаялся.
Газ с исходящей буром прет.
Как будто демон злой смеялся,
Бикфордов шнур с собой ведет.

Рокошет шахта, как живая,
Плюется дорогим углем.
Шахтеры пацут, твердо зная,
Мы, брат, героями умрем.

Клеть поднялась! Увидел солнце!
Вот счастье! Равных ему нет.
Мое в спасение оконце,
В конце тоннеля – яркий свет.

Я уважаю горняков.
Ценю их тяжкий труд смертельный.
В верхах так много дураков,
Так оценить наш подвиг сдельный.

ТЕРРИКОННИК

Стоит угрюмо террикон.
О! Сколько судеб видел он.

Себя за прошлое бичуя,
У терриконника стою.
По линии судьбы кочуя,
Прощение себе молю.

Чем занимался тридцать лет?
Боль причинял родной планете.
Неделями не видя свет,
Жил, как большой, мохнатый Йетти.

Рыл землю. Думал, что герой.
Страна медали раздавала.

И вот стою – седой изгой,
У жизни черного провала.

Осенний ветерок бодрит.
Весна в права вступает смело.
Горящий террикон парит,
Злой вонюю завершает дело.

Стою, а в горле жесткий ком.
Заплакать хочется, как в детстве.
Рядом с горой я просто гном,
Песчинка с глыбой в соседстве.

А это труд простых людей,
Здесь пот и смерть перемешались.
Всю жизнь горбатаясь на блядей,
Во тьме, как призраки, метались.

Дышали пылью, вонью, грязью.
Порою гибли за гроши.
Лёжа в гробах, обшитых бязью,
При жизни жили на шиши.

Годами складывали гору
Огромных серых валунов.
Гераклу греческому в пору
Работа, что для ста слонов.

Стою, сняв кепку с головы,
Как будто у могилы предков.
Глазами круглыми совы
Уставаясь в крах бывлых проектов.

Промчалась цепь ударных лет.
Значки ржавеют на комодах.
В тоннеле выключили свет,
А призраки роются в отходах.

Страна вступила в III век,
Широкой поступью шагая.
Размазан темпом человек.
Что ждет в пути его? Не знаю.

Дымит зловонно террикон,
Суровой мощью покоряя.
Навечно тут поставлен он,
Труд поколений измеряя.

Пусть поколение глядит,
На что способны наши руки.
Сытое рыло не кривит,
Ведь мы работали, как суки.

Любя свою страну, как мать,
Рекорды в норму превращали.
И нам не надо было знать,
О чем приёмники вещали.

Мы свято верили вождем,
Жизнь отдавая за идеи.

Готовили плацдарм «блядям»,
А нас дурили иудей.

Еще немного постоял.
Смахнул слезу рукой дрожащей.
Эх! Если б раньше, братцы, знал,
Не верил партии брюзжащей.

Итог печален и смешон.
Стоят два монумента Века.
Гора огромная, как слон,
И я – остатки человека.

В старом ЦПК

Тихо плещется Абушка,
Наплевав на ПДК,
А у берега избушка,
Это, братцы, ЦПК.

Здесь народу утроем много,
Все за знаниями пришли.
Ничего, что здесь убого,
Радость – туалет нашли.

Нет воды, буфета нет,
Душно, пот бежит по шкуре.
Гром ударил, брызнул свет,
В этой гребанной структуре.

Комары, как суки злые,
Жрут и жалят, не ленясь,
Словно псы сторожевые,
Искусуют, вот так мразь!

Духота вконец достала,
Из подвала вонючий прёт,
Словно сгнило одеяло,
Или труп бомжа гниёт.

В туалете пахнет хлоркой,
На полу, в вонючей луже,
Плавают окурки с коркой.
Эй, братва, беги наружу.

Нет курилки, нет стоянки.
С крыши в дождь вода бежит,
Как в квартире у засранки,
На полу лужа стоит.

Лопнул ночью трубопровод,
С шумом хлынула вода.
Крякнул с треском главный провод,
Вот такая лабуда.

Три компьютера накрылись,
Мебель вздулась от воды,
Даже мыши быстро смылись,
Убежали от беды.

Тяжело учиться, братцы,
Грызть науки в ЦПК.

Будем в знаниях купаться,
Неудобства все кляня.

Одолеем все невзгоды,
Аттестацию пройдем,
И, как знак плохой погоды,
Мы запомним этот дом.

ДЕНЬ ШАХТЕРОВ

Много праздников на свете.
К ним с почтением относись.
Даже дети на планете
Рады своему, клянусь.

Как грибы, плодятся даты.
Алкаши им очень рады.
Обнимают их Кондраты.
Все равно алкают гады.

Рады праздникам артисты.
Рубят «бабки», как тростник.
Сутенеры и баптисты,
Он для них — святой родник.

Управдом и сторож в бане.
Морга санитар унылый.
Секретарша на диване.
Эскимос, как льдина стылый.

Для меня по жизни праздник
Раз и навсегда один.
Шахта — это не заказник
И не бочка для сардин.

День Шахтеров отмечают
Духом сильные ребята.
Цену жизни они знают,
Верность дружбы для них свята.

Ордена, медали, форма.
Дисциплина, как на фронте.
Для них подвиг — это норма,
А гуляют — их не троньте.

Первый тост — за не успевших
До конца пройти путь длинный,
Свои песни не допевших,
Рано дух познав могильный.

Пусть земля им будет пухом.
А семья живет богато.
Сыны были б сильны духом,
Не была б судьба горбата.

Тост второй — за жен любимых.
Им трудней всего на свете.
Кроме нас, коней ретивых,
На руках у них и дети.

Ждут, волнуются родные,
И к тому ж за все в ответе
Мы обязаны, живые,
Оценить заботы эти.

Матерям спасибо скажем,
До земли им поклонимся.
Уважение окажем,
Слов любви не побоимся.

И покатится гулянка,
Как Ланд-Крузер, по дороге.
Грянет весело тальянка,
Лихо в пляске стонут ноги.

Когозна вспомним песней,
Степь донецкую потопчем.
Этих песней нет чудесней,
Новых сочинить не сможем.

И от сердца, от души
Род шахтерский поздравляем.
Ты пляши, мой друг, пляши.
Завтра будет что, не знаем.
Август 2005 года.

Войска страны ВГСЧ

Посвящаю мужественным парням, моим
верным друзьям, работающим в
военизированных горноспасательных
частях: Ерусланову Александру,
Прохватилкову Сергею, Скубилову Виталию
и всем, всем остальным, скромным героям
нашего времени.

Здесь нет решений сгоряча,
Не «рубят» впопыхах сплеча.
Войска страны ВГСЧ —
В ночи горящая свеча.

Когда нутром пылает шахта,
Грядет для них святая вахта.
Судьба у них — в цунами яхта.
Пашут, как на заводах крафта.

Идут бойцы спасать людей.
А в сердце стук — скорей, скорей.
Туда, где кровожадный змей
Лютует круче всех зверей.

Огнем объято все вокруг,
И видишь — рядом гибнет друг.
Замкнут судьбы порочный круг.
Жаль, что случилось всё не вдруг.

Беспечны люди, бесшабашны.
Поступки их смертельно страшны.
Слова и лозунги напрасны.
Лишь у бойцов задачи ясны.

Во мраке мечется народ.
Жрет его пламя, как койот.
Какой-то форменный урод
Смог сотворить такой компот.

Идут бойцы в крошечный ад,
Там люди заживо горят.
Того гляди, рванет заряд,
Смешает с грязью все подряд.

Я видел в деле эту рать,
Вместе пришлось в огне страдать.
На части сердце, душу рвать,
Как в битве, до конца стоять.

Народ, сдурев, немногословен,
Прост, рассудителен, спокоен,
Широкоплеч и ладно скроен,
И в то же время очень скромнен.

Молюсь всегда за вас, друзья,
За ваш покой всё б отдал я.
Суровой жизни колея
Кудаче вас вела, пыля.

Пусть к вашим детям никогда
Не повернет свой зад судьба.
Часов счастливых череда
Приносит радость им всегда.

А ваш удел — беречь покой.
Здоровой жизни вы конвой.
Вам наплевать — в мороз иль в зной
Вершить свой подвиг трудовой.

Пока горит в ночи свеча
Сильны войска ВГСЧ.
А жены, иногда ворча,
Ждут ласк у сильного плеча.

БОЙ ЗА УГОЛЬ

Посвящается людям самой мужественной
профессии, ценою собственной жизни
дающим свет и тепло, в канун праздника —
День шахтера.

Ордена, медали, о погибших сводки.
Как на фронте, мужики, живем.
Те же с хлебом траурные стопки.
И друзей с работы, как из боя, ждем.

Мы, шахтеры, каждый день, как битва.
Бой за уголь, золото Отчизны.
Не всегда веселая палитра

Разрывает лапой укоризны.

И спускаясь каждый день в забой,
В темноту и сырость подземелья,
Ты в своей мужской груди закрой
Искорки вчерашнего веселья.

Здесь опасность, обнявшись с бедою,
Бродят в закоулках мрачно сирых,
Отсекая все пути к покою,
Извлекая мерзкий скрип из балок хилых.

Соберись, шахтер, будь начеку.
С горным делом не шути с ухмылкой.
Ошибешься, значит, выдернешь чеку,
И конец наступит жизни пылкой.

Рев моторов, шум конвейеров.
Пыль висит сплошною черной тучей.
Доит государство, как коров,
Нас с тобой, трясая рукой могучей.

По забоям разбредемся молча.
Надо с честью выполнить наряд.
Знаем, у беды натура волчья,
Газ метан — как ядерный заряд.

Роясь в потрохах родной Земли,
Мы ее калечим и терзаем.
Как прожорливые мириады тли,
Уголь в подземелье пожираем.

Матушка-Земля на нас сердита,
Доставляем ей хлопот немало.
И она, глядя на горного бандита,
Иногда показывает жало.

Братскими могилами усеян
Живописной Родины ландшафт.
Знай, шахтер, и твердо будь уверен,
Прожоргал, хана, писал так Валя Гафт.

Но бесстрашно «гомосапиенсов» племя
Рвет, кромсает Землю, не стесняясь.
Беззащитное проламывая темя,
В грудь стальной иглой скрипя вонзаясь.

На, страна, заполучи тепло.
Мы цену угля отлично знаем.
И уходим в тьму, чтобы светло
Было в каждом доме, так желаем.

Жаль не ценишь труд тяжелый наш.
Нищими по жизни оставляя.
Нам кровавый ты устроила шабаш,
Закрома других деньгами набивая.

Мы ж с чумазым и худым лицом
Вылезем из шахты в сумрак ранний,
Чувствуя себя немножко подлецом
И ханжой за беспредел бескрайний.

Как и все, имеем праздник свой:
В день такой не тронь нас, государство.
Ты для нас могильной жути гной,
Враг суровому шахтеров братству.

Так проходит жизнь, года бегут,
Колокол судьбы звучит все тише.
А шахтеры-братья мрут и мрут,
Словно в холод полевые мыши.
13.08.2006 г.

ШАХТЁРСКИЕ РУКИ

Не видел краше этих рук,
Твоих, шахтер, мой брат и друг.

Смотрю на руки горняков,
В зазубринах и шрамах.
Отметинах седых веков,
Крутых горняцких кланов.

Я в жизни видел много рук:
Холеных, пухлых, алчных,
Коварством вымазанных — с-сук,
Зычар — кроваво-мрачных.

Любящих, нежных — матерей,
Изящных — музыкантов.
От этих рук в душе теплей,

Без блесков и бриллиантов.

Тяжелы руки горняков,
Тепло народу дарят.
Немного знают нежных слов.
Руками нежно гладят.

Из тысяч рук узнаю их:
Под кожей уголь черный.
Сила в извилинах крутых,
В мозолях смысл ядерный.

Рискуя жизнью каждый день,
Томясь в забоях мрачных,
Тень не наводят на плечень,
Живя в домах барачных.

Стесняясь, их суют в карман,
Цены рукам не знают.
Твердо держа с водкой стакан,
Погибших поминают.

Друзей теряя, как в войну,
Слезу смахнут украдкой.
Ждут с нетерпением весну,
Давясь шахтерской пайкой.

В твоих руках — покой страны,
Тепло, уют, богатство.
На гребне нынешней волны
Ложь, пьянство, зло и хамство.

В цене — армады голубых
С костлявыми руками.
Бьет этот подлый факт под дых,
Бая, будем мужиками.

Рвет душу у церкви народ
С надеждой тянет руки.
Какой-то форменный урод
Обрек братву на муки.

Средь них — десятки горняков,
Нужда к церквям толкнула.
Поправ заклание веков
Глядит на нищих снуло.

Рукам шахтерским я б воздвиг
Из золота и стали
Облитый солнцем гордый бриг,
Чтоб паруса блистали.

Пусть люди головы склонят
Пред ними и колени.
Потом в мороз в тепле сидят,
Купаясь в сладкой лени.

Страна в тепле, шахтер в дерьме:
Расклад судьбы реальный.
Те, кто сегодня на волне,
Отстой и шлак анальный.

Пою рукам шахтерским гимн,
Шахтеров воспеваю племя.
Растет мое почтение к ним,
Вскачь обгоняя время.

Я твердо знаю — это будет.
Воздвигнут памятник крутой.
Шахтеров руки не забудет
Народ, до боли нам родной.
13.06.2008 г.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Каково вам, сыны России?

Посвящается 20-летию исторических событий 90-х годов прошлого века

*Запалённые кони хралят,
Через силу барьер взяв последний!
Только глуше копыта стучат,
Когда падает кто-то передний...*

Беседа с генералом

Полковник Брагин прилетел в старинный украинский город Винницу в составе группы руководящего состава Феодосийского лётно-испытательного центра, по-нынешнему - Государственного авиационного научно-испытательного Центра ВВС Украины, на Военный совет руководящего состава частей ВВС и на подведение итогов за первое полугодие текущего года.

Поднимаясь по ступеням лестницы здания Главного штаба ВВС, вновь образованного независимого государства Украина, в Управление Главного инженера ВВС генерала Горигора Владимира Андреевича полковник Брагин знал, что посещение этого большого, серого здания последнее в его жизни. Недавно он подал рапорт об увольнении в запас с действительной военной службы. Знал Брагин и о том, что его рапорт еще не завизирован Главным инженером ВВС (заместителем Командующего ВВС по вооружению) и в настоящее время, вероятнее всего, находится у него. Знал Брагин и то, что генерал ждёт его прибытия для беседы и окончательного принятия решения в отношении его рапорта и дальнейшей его, полковника Брагина, судьбы.

Это решение об увольнении с военной службы Брагин принял не спонтанно, он шёл к нему в последние три года своей военной службы - с 24 августа 1991 года, с того момента когда Верховный Совет Украины проголосовал и принял решение об одностороннем выходе из состава СССР и создании независимого государства Украина.

Вначале, не только Брагину, но и многим офицерам, по воле судьбы проходящим воинскую службу на территории бывшей Союзной республики Украина (по меркам советского времени - лучшего региона бывшей страны), думалось, что несмотря на нововведения происходящие в этой части бывшего Советского Союза, всё будет оставаться по-старому: Украина не может жить без России, а Россия без Украины...

Но как оказалось - могут!

Более того, на фоне прогрессирующего обнищания населения вновь образованного независимого государства, стала видна неприязнь Украины, вернее сказать, отдельных представителей её народа, к России. Это беспокоило не только Брагина, но и других офицеров считавших Россию своей Родиной.

Прогнозируя дальнейшее ухудшение отношений между государством, в котором он жил и по воле судьбы служил в его армии, к государству, которое он считал своей Родиной Брагин понял, что не может находиться на воинской службе независимого государства Украина, и принял окончательное решение о своём

увольнении из армии. Принял сознательно: умом и сердцем. И всё же он чувствовал тяжесть в душе: давила неизвестность, мучили сомнения в правильности принятого решения, которое, без сомнения, перевернёт с ног на голову всю его жизнь.

Первым кого увидел Брагин в Управлении Главного инженера, был сам генерал Горигора. Увидев вошедшего полковника, он остановился, окликнул его: «Полковник Брагин, зайди ко мне, поговорить надо». По-мужски пожали друг другу руки. Уже в кабинете, предложил сесть, и начал басовитым голосом, по всей видимости давно уже обдуманый разговор:

- Рапорт твой получил! Всё же решил увольняться? Мы ведь с тобой говорили на эту тему при прошлом моём посещении вашего Центра и, казалось, что все вопросы исчерпаны, а ты снова за своё...

Не могу понять, что там у вас в Центре творится? Слово гонит кто-то вас - русских? Ну, сам посуди, первый заместитель командира уходит, начальник штаба, вместе со своим заместителем - уходит, человек семь начальников отделов, тоже уходит...

Командира своего, можно сказать - одного оставляете.

Вы, как крысы с тонущего корабля побежали, как ещё понимать весь этот демарш? Считаете, что Украина тонет, или может быть, мы тут без вас пропадём?

- Понимаете, товарищ генерал, всё то, чем мы занимаемся в последние три года, сложно называть воинской службой. Сколько времени заработной платы не получаем. Горохом, мукой отоваривают. И перспектив к изменению положения не видно.

Капитаном был - в отпуск пойду: получу отпускные и текущую получку, собираю всё семейство и... поехали на поезде через всю страну, или на самолёте полетели, если удастся билет на самолёт купить. Денег хватало съездить всей семьёй в оба конца, пожить там, сколько положено, да и подарки какие-то купить.

Теперь, дослужившись до звания полковника, один съездить на свою малую родину не имею возможности. Нищий полковник - смешно! И кому нужна такая воинская служба?

Кроме того, в наших воинских коллективах стали звучать вопросы: «Как ты - русский, будешь вести себя, если начнётся война между Украиной и Россией? Будешь воевать против России, ведь ты же военный украинской армии?» «Пятой колонной» в шутку называют нас.

- Не надо обращать внимание на плоскоколых политиков и провокаторов, - пробасил генерал. - Что касается обнищания, да, есть такое дело: нищий полковник, нищий генерал. Но вечным-то такое положение дел быть не может, когда-то наладится всё.

- Понятно, что благосостояние наше

когда-то должно наладиться. Во всяком случае, в это хочется верить. Понятно и то, что люди, задающие такие вопросы - провокаторы или шутники. Юмор у них такой. Но подобное звучит и в речах наших государственных деятелей. Пусть не напрямую - в намёках, но звучит; приветствуются какие-то антироссийские настроения, исчез русский язык с экранов телевизоров.

Создаётся впечатление, что Украина с Россией, когда-то монолитный огромный айсберг, теперь раскололся на две половины. И эти, теперь уже независимые друг от друга, половины пошли в самостоятельное плавание, с каждым днём всё дальше и дальше удаляясь друг от друга.

И каково нам, всем тем, кто по воле судьбы оказался здесь - на этой полувинке, а всё то, что осталось там - на другой полувинке, считаем своей Родиной. Мы будем считать, что всё то, что осталось там, мы потеряли навсегда. А оно - оставленное там, нам очень дорого, возможно, значительно дороже того, что мы имеем здесь, имеем и приобретаем.

И как нам быть, что делать?

Понятно, что война Украины с Россией - безумие, и ее никогда не будет. Но бряцание оружием, которого тут и там много, друг перед другом, в том числе и со стрельбой в каких-то локальных войнушках, возможно. Такое в истории бывало не единожды.

- Согласен, бывало. Гетман Мазепа против Петрухи-первого воевал, и с Екатериной-второй распри были, за что она Запорожскую сечь разогнала, и в Великую Отечественную - бывало. Но ведь и русские против русских, соответственно и против России, воевали. Обстоятельства так складывались.

- В том-то и дело - обстоятельства, от обстоятельств мы и сегодня не застрахованы. Обстоятельства так сложатся, что завтра нас заставят взять оружие в руки стрелять куда укажут. Мы ведь армия, армия независимого государства, на верность которому, пусть и в силу сложившихся обстоятельств, пусть и против своей воли, но всё же - мы все подписывались. Следовательно, обязаны беспрекословно выполнять приказы, в противном случае будем судимы по всей строгости законов, - как бы продолжая мысль генерала, сказал полковник.

- Опять я с тобой согласен, - ответил генерал. - Но не мы ведь с тобой всё это организовали. Ельцин Горбачёва в Москве от власти отодвигал и отодвинул - самороспуском бывшей державы, то ли по своему разумению, то ли по чьей-то подсказке, когда-нибудь узнаем.

Независимость, за которую в прошлые века так много было сломано копий и так много пролито крови, пришла к нам даром, как манна с неба. Ну что нам от неё нужно было отказываться?!

Многие спрашивают сами себя, да и меня тоже: «Что Богдан Хмельницкий был дурнее Леонида Кравчука?»

Не берусь судить об умственных спо-

собностях этих двух сынов украинского народа, одно скажу - обстоятельства у Богдана Хмельницкого были одни, у Леонида Кравчука другие. Да, хотим мы построить своё государство и свою армию, чтобы не оглядываться на Москву, и не вздрагивать при каждом её окрике.

Не всё и не всем нравится в происходящих нововведениях. Но так надо, как иначе?

Если уж не получится ничего, тогда упадём перед Россией, перед Москвой на колени. Не возьмёт что-ли она нас обратно, под своё крыло?

- Взять-то Украину назад Россия, конечно, возьмёт. Но нам-то, сынам России, каково потом будет? Что делать? Стреляться? - горестно покачал головой Брагин.

- Ещё раз повторяю: мы с тобой, во всё свершившимся участии никакого не принимали. Нас с тобой никто не спрашивал - согласны мы или нет с последствиями произошедшего. И вот эти последствия грядут!

Оказывается, что кто-то из нас не вписывается в эту действительность, не может существовать в такой среде. И что, бросать всё, чем жил всю предыдущую жизнь и уезжать? Это, по меньшей мере, глупо.

Мы с тобой: ты - полковник, я - генерал, как ты правильно выразился, два нищих человека. Всего-то имеем в руках по маленькой синичке - той малости, которую мы имеем.

И вот ты выпускаешь из рук свою синичку. А поймать ли там, у себя на родине, в России, в Сибири журавля, не известно. Вероятнее всего, не поймаешь. Работу свою, службу, должность такую, которую ты здесь имеешь, там тебе никто и никогда не предоставит. И это наверняка! Стоит ли тогда срывать?

Я старше тебя по возрасту, и жизнь знаю лучше, чем ты. Ну, кому ты там нужен - родственникам? Так они тебя любили, и рады были встрече с тобой, когда приезжали в гости к тебе на недельку, другую - в Крым. А когда ты к ним приедешь навсегда нищий, бывший армейский полковник? Им на тебя наверняка и смотреть-то не захочется. Есть такая поговорка у вас, у русских: «Нет хуже скотины, чем бедный родственник». Ты к этому стремишься?

У тебя есть работа, служба, должность занимаешь приличную - главный инженер «Государственного авиационного научно-испытательного Центра», пусть и ВВС Украины. Полковник, которому едва исполнилось сорок лет, служить и служить ещё. К тому же, я тебе не в первой это говорю: мы с тобой два потомственных казака, я - из запорожцев, ты - из сибирского казачества, мы с тобой сработаемся. К тому же, я тебе говорю, что через какое-то время заберу тебя к себе в аппарат, может быть, генералом станешь.

А ты как бык упёрся рогами в землю и мычишь одно и то же: «Обижает Украина Россию, обижает - домой поеду...»

Я второй раз веду с тобой разговор на

эту тему, хотя, казалось бы, и чего мне говорить с тобой об этом: армейская группировка доставшаяся Украине по наследству от Советского Союза, велика, Украине нужно её сокращать. Вот, с вас, не желающих служить в украинской армии, и начнём сокращение.

Но Центр-то сокращаться не будет, он нужен Украине.

В последний раз говорю - решай: служить или не служить? Нет, ну что ж - вольному воля. Потом пеняй сам на себя. Я, как говорится, своё дело выполнил - по-товарищески.

Всё, извини, у меня времени больше нет, к совещанию нужно готовиться, - сказал генерал, пожал Брагину руку и сказал на прощание: «Ну, удачи тебе в любом случае...»

Опробация гражданкой и... Родиной

После увольнения с действительной военной службы, шумных проводов, теперь уже полковник запаса Брагин один, без семьи, поскольку на переезд вместе с семьёй у него средств не было, прибыл к своему новому месту жительства в России, на свою малую родину, Угледорскую область, в сибирский город Кондомск, соседний и ближайший город к его родному Абинску.

Через неделю после приезда получил паспорт гражданина Российской Федерации, оформил заслуженную пенсию. А ещё через неделю его, опытного авиационного инженера-механика, приняли на работу слесарем-гидравликом шибберной разлилки жидкого металла в первый электросталеплавильный цех Кондомского металлургического комбината.

Перед тем как устроиться на комбинат Брагин сходил и на некоторые другие предприятия городов Кондомска и Абинска, прежде всего в аэропорт. Попытался устроиться на работу, по своей специальности, но, как и предупреждал генерал Горигора, работники, его уровня и специальности, там не требовались. И на других предприятиях, получал он приблизительно такой же ответ.

И вот, в конце концов, дороги привели его на это огромное металлургическое предприятие. В отделе кадров к нему проявили некоторый интерес, сказав, что им нужны специалисты такого профиля в области гидравлики и смазки, и он может быть принят на рабочую должность - слесарем...

Итак, его, опытного авиационного инженера-механика, приняли на работу слесарем-гидравликом шибберной разлилки жидкого металла в первый электросталеплавильный цех Кондомского металлургического комбината.

В общем, работать в металлургическом цехе ему нравилась. Всё для него было новым, поэтому и интересным. Получилось так, что его новая работа именно его и ждала, поскольку на вновь открытый участок набирали работников, имеющих не менее среднетехнического образования, механического профиля. Брагина, как человека с высшим образованием, инженера-механика, сразу приняли бригадиром вновь создаваемой группы.

Работа, которую он обязан был выполнять, заключалась в обслуживании технически не сложного по конструкции оборудования: двух гидростанций и непосредственно шибберов, по сути - керамических задвижек с гидроприводами, установленных на различных ковшах.

И всё бы ничего, но разлилка жидкого металла (стали) новыми шибберными ковшами производилась не в каждую

смену. Поэтому, вновь набранный на эту работу инженерно-технический персонал использовался не по прямому назначению, в основном на вспомогательных работах: на уборке цеховой и прилегающей к цеху общезаводской территории, на разгрузочно-погрузочных и других вспомогательных работах. Почти каждую смену Брагину приходилось заниматься только этим. Работа не устраивала, но уволиться он не мог, поскольку требовалось оказывать финансовую помощь семье, оставшейся по прежнему месту жительства без каких-либо средств к существованию. К тому же необходимо было конить деньги для перевозки семьи в Россию.

Однажды, зимой стояли лютые морозы. Брагина в очередной раз направили на железнодорожную станцию «Кондомск-Северный», на разгрузку угля (кокса, используемого в доменном металлургическом производстве). Фактически надо было очистить стенки и пол железнодорожных вагонов от примёрзшего к ним кокса, которого было почти в каждом вагоне до третьей части объёма, а то и до половины.

Круша кувалдой смёрзшийся и превратившийся в монолитную каменную глыбу мелкий уголь, в такт ударов кувалды, Брагин, словно молитву, повторял одни и те же слова:

- Терпи, терпи, терпи... Ты к этому стремишься, здесь твоя Родина, ты должен жить здесь...

Родителям твоим пережившим военное лихолетье и послевоенную разруху жилось ещё хуже. Терпи, терпи, терпи...

...И когда он сделал небольшую передышку, к нему подошёл такой же, как и он рабочий.

- Товарищ полковник, разрешите обратиться? - улыбнувшись, произнёс подошедший и, не дождав ответа Брагина, продолжил, - честно признаюсь: не первый день наблюдаю за вами, точнее, за вашей работой. Плакать хочется.

- Отчего же? - искренне удивившись, ответил Брагин и впервые за все дни работы на разгрузке, тоже улыбнулся.

- Оттого, что так сейчас никто больше не работает. Был один... Евгений Урбанский из кинофильма «Коммунист». Видели? Помните? Паровоз остановился в лесу из-за отсутствия топлива - дров. Все курят и дивятся, как он один брёвна валит.

Так же и у нас получается: вы работаете, а мы смотрим. Сейчас я один смотрю. А когда вы убираете пришеховую территорию, которая, наверняка, больше гектара будет, то за вами наблюдает вся бригада, да наверное, весь цех. Зайдут в угол за завалочную машину и наблюдают, словно за медведем в цирке, катающимся на одном колесе. Тешатся! А мне обидно за вас и жалко.

- Почему? - посерьёзнев, поинтересовался Брагин.

- У Пикуля читал я что-то подобное. Однажды, фашисты взяли в плен каких-то западноевропейских принцев, словом - сынов какого-то короля, австрийского кажется. Заставили их зубными щётками подметать асфальтовую дорожку, на которую тут же сами плевали и харкали. Пресытившись первым развлечением, этих же принцев заставили голыми руками чистить выгребные ямы общественных туалетов. При этом победители с огромным интересом и дотошно следили за качеством выполнения работы пленниками...

Есть аналогия с вашей работой. Наши «наблюдатели», как и те фашисты, тоже издеваются над бывшим полковником Мерзавцы! Так я и сказал мастеру смены. «Иди отсюда, провокатор!» - ответил мне он.

Поэтому я вам по-дружески говорю: Иван Николаевич, нет необходимости так усердствовать. Награды за ударный труд вы не получите, зарплату ни на копейку не увеличат. Кроме как сорвать своё здоровье на этой каторжной работе больше ничего заработать здесь нельзя. И зачем так усердствовать, зачем так работать?

Вы сами ни на что радикальное, в этом плане, никогда не решитесь, поэтому беру вас под свою опеку. Делаем так: час работаем, затем полчаса, а то и часок греемся в будке. Так положено. А вы: с утра кувалду взял в руки и до обеда машите ею без перерыва. После обеда - то же самое до конца смены.

Вижу, здоровье ваше позволяет так работать, но поверьте - в таком темпе долго вам его не хватит. А оно вам ещё пригодится.

- Кто же ты такой, благодетель мой? - с нескрываемым интересом спросил Брагин.

- Павел Корчагин, для вас - просто Пашка! - ответил благодетель.

Брагин заулыбался.

- Чего смеётесь? - с досадой спросил собеседник.

- Павел Корчагин, это же из книги Николая Островского «Как закалялась сталь»: железная дорога, кувалды, костыли - всё так же улыбаясь, ответил Брагин.

- Да знаю я, но у меня действительно фамилия такая, и зовут Павлом. К слову о кинофильме «Коммунист», вы являлись членом КПСС?

- В армии все маломальские начальники и командиры в обязательном порядке являлись членами партии. И я, естественно, тоже.

- Почему в партии не восстанавливаетесь?

- Так партию же распустили!

- Распустили КПСС, а мы новую создали. И горкомы у нас в каждом городе есть при городских Советах ветеранов, и обком - в Угледорске, и ЦК - в Москве. Только партия теперь называется не КПСС, а КПРФ. Я, между прочим, вступил в партию тогда, когда из неё вся шухера побежала. Вам тоже следовало бы восстановиться. Дело там для вас найдётся и не такое как это, наше с вами.

- Ты, Павел, не так прост, как казалось мне с первого взгляда, очень умело поработал со мной, а над предложением твоим я подумую.

Офицерские погоны

Несмотря на то, что работа на КМК была тяжёлой, и не устраивала Брагина из эгоистичных соображений, он начал втягиваться и вращаться в неё, в производство и в коллектив. Тем не менее, проработав немногим более полугода, ему пришлось уволиться по семейным обстоятельствам. Он обратился к руководству предприятия с просьбой, предоставить ему семейное общежитие, так как перевез к этому времени свою семью. В просьбе было отказано, якобы за неимением такового.

Семья, после переезда, жила у родителей жены, и Брагин, до этого проживавший у сестры в Кондомске, тоже переехал к ним - в Абинск. Вскоре, заняв денег у родственников, он купил небольшой частный домик недалеко от дома родителей жены и своего бывшего отчего дома.

Окончив краткосрочные курсы переподготовки кадров при Абинском горном техникуме, получив диплом (к двум имеющимся) с квалификацией «горного техника электромеханика», устроился на работу в Абинске на орденоносную шахту «Абинская», электрослесарем.

Работа на шахте хоть и была грязной, однако, значительно более лёгкой, чем на меткомбинате.

В жизни Брагина всё начало налаживаться, но давние разговоры с Павлом Корчагиным сидели в голове, помнились. Поэтому однажды после работы, он зашёл в городской Совет ветеранов, который располагался недалеко от шахты.

В Совете ветеранов было двое пожилых мужчин, которые то ли спорили, то ли ругались. Увидев Брагина, мужчины прекратили спор.

Брагин отметил про себя: тот, что сидит с торца старого обшарпанного стола, явно хозяин кабинета, и, поздоровавшись, бывший полковник кратко сообщил информацию о себе, сказав, что решил восстановиться в коммунистической партии, а посему хотел бы встретиться с секретарём городской парторганизации.

- Первый секретарь городской парторганизации у нас Гальцов Андрей Сергеевич, но его сегодня здесь не будет. Он приходит в Совет только по четвергам, после обеда, а сегодня пятница. Так что, приходите к нам в следующий четверг, тогда и встретитесь с ним, - сообщил хозяин кабинета.

- Зачем вам Гальцов? Я координатор городского отделения областного «Общественного движения «Народная власть» носящего имя нашего лидера - Кадырова Марата Нуремановича. Нам начальник штаба требуется, вы мне с первого взгляда понравились, я согласен взять вас на эту общественную работу. Соглашайтесь, впереди нас такие дела ждут.

- Я всё же хочу увидеться с секретарём, - сказал Брагин.

- Ну, смотри, думай, - ответил координатор и, прихватив шапку, портфельчик, не попрощавшись с присутствующими, вышел из помещения.

- Клещёв Селиверст Петрович, болтун и выскочка, но очень деятельный. Везде хочет быть за главного и всё: я, я, я, - кивнув головой в сторону вышедшего, сообщил хозяин кабинета. - Моя фамилия Громов Анатолий Иванович, председатель абинского городского Совета ветеранов.

Громов протянул руку Брагину, после рукопожатия, предложил сесть.

- На батьку Махно похож, - сказал Брагин.

- Да, да похож, именно на Махно, а я всё как-то не догадывался, - ответил Громов и весело засмеялся. - А начальником штаба у него был Лёва Задов, помните: «Я, Лёва Задов, со мной шутить не надо! Меня вся Одесса знает!» Это из «Хождения по мукам» Алексея Толстого. Брагин, молча, кивнул головой.

Через неделю в четверг он вновь пришёл в городской Совет ветеранов и на этот раз познакомился с Гальцовым, который понравился Брагину своей скромностью, улыбчивостью и способностью располагать к себе собеседника. Тем не менее, начатый им разговор не был понятен Брагину.

- Может вам всё же лучше согласиться с предложением Клещёва Селиверста Петровича, его дело более надёжно в житейском плане. Вам надо быть где-то недалеко от дирекции или администрации, - выслушав краткую информацию из биографии Брагина, просмотрев его партбилет и учётную карточку, сказал Гальцов.

- Почему это вдруг? Вас не устраивает то, что я носил когда-то офицерские погоны? Я что, графского или княжеского рода, и вы мне не доверяете? Вы ведь то же не от сохи, в прокуратуре работали - насколько я осведомлён.

- Ну, я... Я здесь родился и вырос. В

армии отслужив и отучившись, работал сначала в прокуратуре, потом на партийной работе.

- Я тоже здесь родился и вырос. Отсюда был направлен на учёбу в военное училище, потом служил в одном из соединений ВВС, то есть в армии, правда несколько дольше чем вы. Родители мои тоже не голубых кровей.

Ваше недоверие ко мне обосновано только тем, что я, служа в армии, дослужился до полковника, а вы матросом со службы вернулись или ещё кем-то? - спросил Брагин, искоса взглянув на своего собеседника. - Послушайте я вам притчу или быть расскажу. Не знаю, читали вы когда-нибудь, что у Емельяна Пугачёва в приближённых был некий полковник Падуров. Историческая, между прочим, личность. Полковника Падурову присвоил Пугачёв. Он ведь за царя себя выдавал, а царь имел право присваивать любое воинское звание, любому человеку.

По своему происхождению Падуров был дворянином, офицером - поручиком или капитаном. Служил в царской армии. Участвовал в Русско-Турецкой (или Крымской) войне. Попал в плен. Бежал. Вернулся на родину в Россию, в своё родное имение. Но ничего своего в родном краю не нашёл: родители его в страданиях за муки старшего сына, умерли. Именем, которое по закону должно было бы принадлежать Падурову, владел их бывший управляющий. Этот подлец продал, как дворяну, младшего брата Падурова, предварительно изменив его имя.

Чего только не делал Падуров, к кому только ни обращался: доказать чего-то и изменить в свою пользу свершившуюся несправедливость: ни в отношении своего имущества, ни в отношении своего младшего брата, ему не удалось.

Пугачёв, как и вы Евгений Андреевич, не доверял дворянам. Поэтому устроил допросы и проверки своим поданным: «Царь я или не царь?» - спрашивал Пугачёв. Тех, кто отвечал: «Царь», - Пугачёв миловал. Тем, у кого хватало духа ответить ему: «Не царь», - отрубали голову.

Однажды, эту проверку Пугачёв устроил и Падурову. «Царь я, или не царь?» - спрашивает Пугачёв.

«Не царь», - отвечает Падуров, - царя я видел своими глазами несколько раз. Но ты вождь и предводитель простого народа, что по своему значению не ниже титула любого царя.

Не всех царей в народе будут помнить, а тебя всегда будут помнить! Поэтому я к тебе и пришёл - сам и служу честно. И на плаху с тобой пойду. Своего ответа тебе я никому не скажу, но перед тобой, государь, всё как на духу. Можешь рубить мне голову, но от своих слов я не откажусь».

Пугачёву понравился ответ полковника и позднее он доверял ему как никому другому. И на плаху Падуров, действительно, пошёл вместе с Пугачёвым.

А предали Пугачёва, как известно, люди из ближнего его окружения, простые казаки. Падурова, во время пленения Пугачёва, рядом с ним не оказалось. К Пугачёву же Падуров пришёл, потому что ни кого не нашёл в тогдашней России с кем бы смог устранить несправедливость свершившуюся против него, а в компании Пугачёва мог.

Так и у меня получается: вернулся на Родину, а мне здесь, кроме метлы, кувалды, да лома с лопатой, больше ничего не дают. Поэтому и пришёл к вам сам.

Что касается Клещёва, то он мне не понравился, я ведь не пацан и в людях могу разбираться, - не коснувшись своего разговора с Громым, сказал Бра-

гин. - К тому же, я ведь в партию восстанавливаться пришёл.

- Ну ладно: в партию мы вас принимаем, партстаж восстанавливаем с момента последнего партвзноса в КПСС, я выдам вам новый партбилет. На учёт встанете здесь, в ветеранской первичной парторганизации, секретарь тут у нас Брасов Захар Иванович, с которым вам надлежит познакомиться. Ну а с председателем Совета ветеранов Громым Анатолием Ивановичем вы уже познакомились. Работать будете под началом этих людей.

Грядущих дел у нас много, в ближайшее время - выборы в Государственную думу. Сейчас депутат в Госдуме по Абинскому избирательному округу известная всему городу торгашка. Мы выдвинули своего кандидата - Оленину Веру Александровну, одного из секретарей нашего горкома. Работу нужно так провести, чтобы наш кандидат победил. После выборов в Госдуму, займёмся местной избирательной компанией. За Главу местной городской администрации «воевать» будем.

...Хотя ранее заниматься партийными делами Брагину никогда не приходилось, не считая того, что служа в армии, будучи уже в должности заместителя командира авиационного полка, а затем и заместителя начальника лётно-испытательного Центра, его не единожды избирали и членом парткома авиаполка, и членом парткомиссии объединения. Но там от него, как от должностного лица, фактически никакой особой партийной работы не требовалось, за исключением обязательного присутствия на заседаниях названных комитетов и комиссий, да голосования.

Теперь же как от рядового члена партии, от него требовалось всё: и на собраниях присутствовать, и выступать, и агитационно-массовой работой заниматься. В том числе распространять по городу листовки и прочий агитационно-информационный материал. Занимаясь новыми для себя партийными делами, не редко казавшиеся Брагину мелковатыми, он вспоминал оставшееся из детства классическое произведение Горького «Мать».

Представлял себе, как занимались по сути такой же работой персонажи Горького. И тогда силы его удваивались, настроение улучшалось.

Брагин делал всё максимально возможное, что от него требовалось.

В итоге на выборах в Государственную думу второго созыва Вера Оленина победила.

Параллельно с подготовкой к выборам в Госдуму, городской парторганизацией велась активная работа, зачастую и борьба по всемерной поддержке Кадырова М.Н., работавшего председателем Угледорского областного законодательного органа, игнорируемого главой администрации области Борисом Марчуком и его сторонниками. Которые все рациональные предложения выдвигаемые Кадыровым, блокировали и не поддерживали.

Бурлящая Угледорская область и её лидеры

В конце 1980-х годов на знаменитой шахте одного из городов Угледорской области, из-за нарушений законных прав горняков, прошли первые протестные колебания, выразившиеся в коллективных письмах руководителям шахты, города, области и страны. Но на них должным образом никто не прореагировал. Власть отделалась формальными разбирательствами и практиковавшимися в те

годы никого и ничем не обязывающими отписками.

Всё осталось по-старому. От этого вскоре всё вновь повторилось. Но, в значительном большем масштабах. «...15 июля в области бастовало 125 предприятий, численность работников которых составляла около 110-ти тысяч человек. Через день - 16 июля, бастовало уже 143 предприятия. Численность бастующих приблизилась к 140-ка тысячам человек...» - примерно так писали газеты тех времен.

Бастующие начали консолидироваться. 17-го июля в Абинске состоялось первое организационное заседание регионального забастовочного комитета, на котором был избран первый состав забастовочного комитета, в который вошли 26 человек. Председателем регионального забастовочного комитета большинством голосов был избран Данелов Валентин Георгиевич, одним из заместителей председателя областного забастовочного комитета был избран Марчук Борис Михайлович, работавший на тот момент горным инженером.

На первом же заседании забастовочного комитета была избрана комиссия по отработке требований к государственным ведомств.

17 июля в области бастовало уже 166 предприятий, а это примерно 181 тысяча человек. Поднялись на забастовку рабочие Донбасса, Воркуты, Караганды.

21 августа 1991 года. ГКЧП и её последствия

Наверное, в жизни каждого человека случаются моменты, когда в жизни начинается осмысление прошлого и будущего от новой точки своего жизненного пути, смена координат собственной жизни: до этого, и после этого...

Такой точкой отсчёта в жизни полковника Брагина стало 21 августа 1991 года.

День этот запомнился ему на всю оставшуюся жизнь. Он был в отпуске и находился на своей малой Родине в гостях у старшей сестры в городе Кондомске, а точнее на её даче в посёлке расположенном недалеко от города.

Брагин делал небольшое крылечко для дачного домика сестры, прибывал к продольным рейкам перил поперечины. Неожиданно в свой огород выбежала соседка и радостно закричала: «В Москве Горбачёва сбросили, создан «ГКЧП!» Ура!»

Брагина новость даже обрадовала, поскольку он часто думал о тех негативных процессах происходящих в стране, пытался разобраться в них. Он никак не мог понять, какую конечную цель преследуют все эти плюрализмы мнений, демократии и перестройки. Одно ему было понятно: всё сплошная болтовня, и к чему-то она должна была привести страну.

В нём зародилась неприязнь к Горбачёву, которая с каждым днём всё сильнее разрасталась.

Внутренний голос подсказывал ему, что в жизни наступил переломный момент с новым летоисчислением. И особенно ясно понял он правильность подсказываемого 24 августа 1991 года, когда Верховный Совет Украины объявил Украину независимым государством.

Годом позднее (когда лётно-испытательный Центр передали под юрисдикцию Министерства Обороны Украины) Брагин прилетел на служебное совещание в Главный штаб ВВС Украины, в город Винницу. По воле случая его поселили в двухместный номер с бывшим председателем партийной комиссии Центра полковником Бельским Нико-

лаем Лаврентьевичем. Брагин как бы ненароком спросил Бельского: «Николай Лаврентьевич, я много думаю о смысле словосочетания «независимая Украина». И всё никак не могу понять - от кого независимая?»

Бельский, явно не ожидавший такого вопроса, долго молчал. Потом, внимательно посмотрев на Брагина, ответил: «Я не буду вдаваться в то каким путём должна пойти Украина. Но то, что она должна быть независимой, это однозначно. От кого независима? От Москвы, прежде всего».

- Что ж по-вашему Украина являлась российской колонией? - не унимался Брагин.

- Я такого не говорил, поэтому уточню: во-первых, в Украине не должны вздрагивать от окриков из Москвы; во-вторых, из Москвы не должны указывать Украине, как и каким путём ей идти, с кем дружить а с кем нет. Вот, что означает, в моём понимании это словосочетание.

- Это я понимаю и с этим согласен. Не могу только понять, зачем нынешней независимой Украине вплетать в свою новую историю явно негативное: петлюровщину, бандеровщину, их неприязнь к России, ОУН и УПА (Организация украинских националистов и Украинская повстанческая армия), их символику которой теперь воспользовалось молодое независимое государство Украина.

Главным врагом УПА была Советская Армия. УПА воевала против Советской Армии, из которой мы родом. Выросли в Советской Армии и оказались в УПА. Для меня лично это оскорбительно. Думаю, что такие же чувства испытывают и многие другие наши с вами сослуживцы.

В качестве примера, расскажу вам о недавно виденном мною. На строевом смотре, один из вновь назначенных командиров частей, перемещаясь вдоль стоявшей перед ним шеренги офицеров, почти у каждого второго офицера срывал с фуражек кокарды с советской символикой и, бросая их себе под ноги, топтал. При этом кричал и выражался, словно психически больной человек.

Вчерашние советские офицеры, какими мы все являемся, ещё только-только начали осознавать и свыкаться с реальностями новой жизни, в которых они оказались по воле божьей, а над ними уже начинают глумиться.

Они не созрели ещё для всех явившихся к ним нововведений, поскольку с нравственной точки зрения являются нормальными, совестливыми и порядочными людьми. Очень многие не могут разворачивать нос по ветру в одно мгновение, как флюгер, хотя есть и такие.

Для первых, наверное, после каждого нашего визита сюда в Винницу или в Киев, обратно везём полный самолёт макулатуры, в том числе высококачественных книг, с полиграфической точки зрения, прославляющей сегодняшние идеалы.

- История такая штука, - мотнул головой Бельский, - в которой многим хочется многое изменить, но на то она и история: что было, то было. Поэтому и воспринимать то что было необходимо таким каким оно и было, хочется это тебе Иван Николаевич или нет. Это в тебе великорусский шовинизм и российские имперские амбиции дают себя знать. Укороти их, это тебе мой совет.

А что касается ОУН и УПА, то в мире национально-освободительные движения и борьба за власть на определённых территориях похожи между собой, в том числе по жестокости и кровопролитию. Справедливости ради, нельзя сказать,

что в Советском Союзе имело место угнетение украинской нации, но гонение на украинское самоопределение — независимую украинскую государственность — было, чего уж тут греха таить.

Гонение, как вы говорите, — разгорячился Брагин, — в Советском Союзе было на украинский сепаратизм, на всековые и тайные желания украинских вождей к отмежеванию от России. А где это приветствуется, скажите на милость? Нет другого метода для сохранения государства в целостности, поскольку на пребывание у центрального руля государства, или хотя бы у какой-то его части, всегда очень много желающих. А появиться такое желание в сегодняшней независимой Украине, разве это будет приветствоваться правительством?

Сами видите, какое сейчас в Крыму политическое брожение идёт, куда это выведет неизвестно? Случись такое, что в независимой Украине появятся охочие разделиться на Западную и Восточную Украину на государственном уровне. То какова будет позиция официального Кива и приверженцев сегодняшних порядков, что они радоваться будут этому и в ладоши хлопать? Душить начнут, да ещё как! Иначе, зачем было самоотделяться?

И 24 августа 1991 года Украина, совершив противозаконный акт, выйдя из состава Советского Союза в одностороннем порядке, спровоцировала все последние события, в том числе и развал прежней страны, в которой большинство из нас, теперешних жителей независимой Украины, да и не только нас а и большинства всех остальных жителей бывших советских республик, в общем-то жили хорошо. Во всяком случае, в последние тридцать-сорок лет жизни государства, после Великой Отечественной войны, то есть именно в годы жизни нашего с вами поколения.

И ещё один пример. В скором времени после перевода нашего Центра под украинские знамена, в Саках, под руководством заместителя министра обороны Украины по вооружению генерал-лейтенанта Олейника, собрали совещание командиров лётных авиационных частей, объединений и соединений ВВС Украины. Были приглашены на это совещание и заместители названных командиров по вооружению (в Советской армии — заместители командиров по ИАС), в числе которых присутствовал на совещании и я.

Руководство ВВС представлял командующий ВВС генерал-лейтенант Васильев и его заместитель по вооружению генерал Григоря. Поводом для совещания явились насущные «ВВэСовские» дела: Что делать и как эксплуатировать дальше доставшееся Украине военное авиационное наследство от Советского Союза? А наследство сами знаете — приличное.

Совещание открыл заместитель министра, сказав о том, что Украина во все времена кормила своим хлебом полмира и Россию, в том числе. Разве не сможем мы управиться со всей своей авиационной техникой?

Предоставили слово приглашённым на совещание авиационным начальникам. Которые, как всегда, разговор повели о самом наиболее сложном: нехватке того, другого и третьего (авиационных двигателей и прочих других запасных частей, необходимых для нормального функционирования находящихся под их руководством воинских частей). Не забыли авиационные командиры упомянуть и о возникших проблемах связанных с сопровождением технической эксплуатации авиационной техники, в своих воинских частях, представителями авиа-

ционной промышленности, которая разбросана по всей территории бывшего Советского Союза.

Высказанное сгруппировали в несколько блоков вопросов и проблем, по их сути и происхождению.

Просматривая получившийся итоговый документ совещания, заместитель министра, несколько уменьшив свой начальный тон, сказал приблизительно следующее: «Ничего страшного: По первому блоку проблем разместим заказ, на таком-то нашем предприятии; по второму — на таком-то; по третьему — на таком-то и так далее.

Сегодня, когда мы вылетали с аэродрома бывшего лётно-испытательного полка, видел, что стоят два неисправных самолёта: один без двигателей, на втором колёса менять нужно, а их нет.

И это только начало, через пять лет в бывшем лётном полку, исправной останется столько авиационной техники, что её можно будет пересчитать по пальцам одной руки. Вот во что вылилась независимость Украины. Да какая она независимая? Нефти своей нет, газа нет, уголь на исходе, промышленности своей нет, армии тоже. Ничего нет, кроме сала, хлеба, фруктов и некоторых других сельскохозяйственных культур. Вырастив, их нужно ещё где-то продать. В Европу повезём? Не купят, такого добра у них своего достаточно. Опять же без России не обойтись.

Поэтому Украина сегодня стала в разы зависимее от окружающего её мира, чем в советские времена. В ножки кому-то нужно будет кланяться, вероятнее всего дядюшке Сэму, поскольку мозаики для нас хуже чёрта рогастого и змея Горыныча.

Знаешь, что Иван Николаевич, — произнес Бельский, — я не менее тебя сожалею о произошедших изменениях, тем не менее, я за независимую Украину и дискутировать на эту тему больше не желаю, — зло бросив на стол ложку он вышел из номера.

В дальнейшем подобных разговоров с теми, кто подчёркивал своё украинство, Брагин больше ни вёл. Теперь всё, что виделось ему как-то непроизвольно аккомпанировалось в сознании. Увидев как-то портрет Тараса Шевченко над рабочим столом одного из должностных лиц Центра (на том месте, где раньше размещался портрет Ленина) в убранстве украинских рушников, отметил, что место вождя долго пустым не бывает. В эти же дни он окончательно понял и то, что 21 августа 1991 года через всю его жизнь прошла глубокая борозда отделившая друг от друга всё то, что было в его жизни до этого дня, с тем, что ждёт его впереди.

Абинские «батальи»

На 20 апреля в Абинске, Черкасавке, некоторых других городах и сельских территориях Угледорской области были назначены выборы Глав местных администраций и депутатов городских Советов. В связи с чем в абинской городской партийной организации КПРФ работа закипела. Кандидатом на избираемую должность был выдвинут и утверждён от городской парторганизации её лидер и руководитель — Гальцов Андрей Сергеевич.

В работе, которую проводила городская партийная организация, принимал активное участие и Брагин, как один из членов городской ветеранской партийной ячейки. Многие, что делалось в дни подготовки к проведению муниципальных выборов, Брагину было понятно, он воспринимал и делал это с удовольствием, поддерживал всей душой. В правильности же некоторых рабочих моментов

сомневался, некоторые сомнения высказывал своим более опытным товарищам — соратникам, как он их теперь называл. Соратники, шутя, отмахивались от него и говорили: «Позднее разберёшься во всём сам и поймёшь...»

Главным, как понимал теперь уже и Брагин, было протаскивание и утверждение своего кандидата сначала городским, а затем уже и областным правлением «ОД «Народная власть», поскольку только кандидаты, утверждённые этой общественной организацией, на выборах, проводимых в городе и области на протяжении последних трёх лет, и одерживали уверенные победы. Поэтому именно на этом участке избирательной гонки на городском уровне завязались первые серьёзные батальи. Кандидатов, выдвинутых союзными организациями, было трое: врач областной травматологической больницы, горный инженер и руководитель городской партийной организации КПРФ, юрист по образованию Гальцов А.С.

Думая о работе, которую должен будет выполнять победивший на выборах кандидат, Брагину как-то исподволь виделась своя прошлая армейская работа и теперешняя, на комбинате, шахте... Из армии он уволился с должности заместителя командира лётно-испытательного Центра по «Инженерно-авиационной службе». По своему статусу Центр, в котором он служил, приравнялся к Воздушной армии. Хозяйство не малое и хлопотное. По своим служебным обязанностям Брагин отвечал за исправность и боевую готовность всей авиационной техники, находящейся на вооружении Центра, правильную техническую эксплуатацию этой авиационной техники, как инженерно-техническим составом — на земле, так и лётным — в полёте.

Работу свою, всегда, Брагин организовывал так, как этого требовали регламентирующие его деятельность руководящие документы. И никто, и никогда не ставил под сомнения правильность его действий. Потому как все знали и понимали, что каждый взлетающий с аэродрома самолёт должен был быть исправным на сто процентов.

Почти ежегодно, при подготовке всех воинских частей Центра к работе в осенне-зимний период, командир Центра своим приказом назначал Брагина председателем комиссии по проверке готовности всех воинских частей, входящих в состав Центра, к предстоящему зимнему периоду их жизнедеятельности.

Комиссия проверяла техническое состояние всех служебных зданий, их электро- и теплоснабжение, и так далее.

Брагин сам, лично осматривал все служебные помещения здания главного корпуса Центра, его подвальные коммуникации и сети; хозяйство районной центральной котельной, находящейся на балансе Центра.

Он негодовал от технического состояния проверяемых объектов. Если в его службе всё делалось так, как положено, то здесь всё было основано на временочках, скрутках и деревянных электродах (деревянных чёпиках, пробках и клиньях), которые были вбиты во все негерметичные места водопроводов, канализационных труб и в прочее...

Нечто подобное приходилось видеть Брагину, работая на комбинате и шахте: «Наверняка, всё городское хозяйство в таком же плачевном состоянии. И, что с ним делать? Как можно желать и рвать за такую работу?» — думал Брагин. Поэтому самой подходящей из всех выдвинутых кандидатов ему виделась кандидатура горного инженера, который по специальности был горным электром-

хаником с практическим опытом работы уровня главного механика шахты.

Врач, с практическим уровнем лечебного врача, виделся Брагину как кандидат. Приблизительно такого же мнения были и многие другие делегаты городского форума блока ОД. Поэтому-то особо жаркими и стали батальи между организациями представлявшими Гальцова А.С. и горного инженера. Главным «тараном» последнего выступал Клещев.

Накал страстей был таков, что только до кулаков дело не дошло.

И всё же, большинство, присутствовавших на форуме, проголосовало за Гальцова А.С.

С этим противоположная сторона не согласилась. Главным причиной несогласия было то, что победившей стороной был применён якобы запрещённый приём: Во всеуслышание была озвучена магнитофонная запись с обращением Кадырова М.Н. из Москвы к абинцам в поддержку Гальцова А.С.

Зачем так строить нашу выборную компанию, словно призываем избирателей голосовать за Кадырова, а не за Гальцова, — высказывал своё мнение Брагин.

Для победы любые средства хороши, — отвечали ему.

Партия борется за власть в стране и мы, соответственно, тоже боремся и к победе стремимся. Но прежде необходимо смотреть в будущее, на конечную цель, ради которой мы рвёмся к власти и к победе. Вот во времена моего детства, один мой дружок, Вовка Трошков, который был на пару лет старше меня, не единожды говорил мне, что все пацаны должны стремиться к власти и бороться за неё. При этом, в смысле слова власть, к которой должны стремиться пацаны, он видел власть над всеми нами местного нашего бандюгана Лёньки Харина. Который, в свою очередь, года три был старше моего дружка.

И в чём заключалась власть Харина? По мнению моего дружка: в безмолвном предоставлении на проверку и вытряхивании содержимого карманов большинством из наших сверстников, присвоение Лёнькой тех копеек которые находил он в чужих карманах.

Власть это, или не власть? Власть! Поскольку практически ни у кого из нас не хватало смелости противостоять этому насилию. Харин же, наделивший сам себя правом «качать и миловать», «чистил» чужие карманы, присваивал всё то, что выгребалось им. При этом Лёнька и его дружки жёстко боролись за это своё право и свою власть, жестоко же — карали всех, кто им не подчинялся.

Поэтому если кандидаты, стремясь к власти в городе ставят перед собой те же цели что и Лёнька Харин, то мне тогда понятна вся наша толча и страстные желания каждого из кандидатов во что бы то ни стало победить.

Мы же — стремясь к власти, ставим перед собой цели направленные на создание, на восстановление разрушенного за последние годы, поэтому победе любыми средствами и способами в наших арсеналах места не должно быть. Поскольку созидательная работа и восстановление разрушенного адская работа, к которой добровольно, тем более с каким-то обманом или лукавством, нормальный человек идти не может.

Таково моё мнение, — настаивал на своём Брагин.

На прошедших выборах Главы администрации города Абинска победил Гальцов А.С.

Брагин, на прошедших выборах, являлся уже не представителем Гальцова на каком-то избирательном городском

участке, а находился в его избирательном штабе: принимал по телефону и другим каналам всю поступающую с участков и районов города информацию, предпринимал конкретные и действенные меры при возникновении проблем.

Далеко за полночь, когда были собраны почти все копии протоколов со всех избирательных участков, по результатам которых начало вырисовываться, что Гальцов побеждает, атмосфера в избирательном штабе побеждавшего кандидата начала накаляться. Когда поступило официальное, предварительное сообщение решения городской избирательной комиссии о победе Гальцова А.С., в его избирательном штабе началась суматоха.

А когда прибыл в штаб сам победивший кандидат, его встретили бурными овациями с возгласами «ура!» После чего подхватили победителя на руки и начали качать, подбрасывая вверх.

Когда первые восторженные страсти сторонников победившего кандидата улеглись, в помещении избирательного штаба появились победившие на выборах кандидаты в депутаты городского Совета депутатов трудящихся, блокировавшиеся до выборов с Гальцовым. Появился в штабе победителя и Клещев, который вместе со всеми поздравлял Гальцова и радовался его победе, словно и не происходило от него возгласов и противодействий в недавних предвыборных баталиях.

Уже под утро, пешком, возвращался после ночной вахты Брагин домой и хотя в его голове мысли расплывались и были торжественными, тем не менее, он четко понимал, что победа на выборах победившего кандидата - это самый легкий участок его работы. В сравнении с тем, что ему предначертано судьбой делать, теперь уже в ближайшем будущем. И сможет ли он понести ту огромную глыбу, которая будет взвалена на его плечи.

В соответствии с законодательством (действовавшим в том году), избранный глава города не имел права на пребывание в какой-либо политической партии, а если состоял то должен был после избрания прервать своё членство. Поэтому в скором времени, после избрания Гальцова А.С. Главой администрации города Абинска, в городской партийной организации КПРФ был проведён Пленум горкома КПРФ на котором, членство в партии Гальцова А.С. было приостановлено, в связи с избранием его руководителем исполнительной власти города.

В ходе выдвижения кандидатур на замещение ставшей вакантной должности Первого секретаря горкома КПРФ, членами партийной ячейки ветеранской организации города, была выдвинута кандидатура Брагина, без предварительного согласования с ним. В связи с чем Брагин попросил самоотвод, мотивируя его тем, что на выборных партийных должностях и партийной работой в своей жизни, заниматься ему не приходилось.

Аргументы его были приняты как неубедительные. Ветераны и Гальцов пообещали всемерную помощь. В итоге почти единогласно Брагин был избран руководителем городской партийной организации КПРФ.

По избранной руководящей должности городской парторганизации, он автоматически стал и членом обкома КПРФ, и членом его бюро.

Как члену бюро обкома, теперь Брагину приходилось часто бывать на различных форумах областной парторганизации в областном центре, где познако-

мился он со всеми руководителями областной партийной организации, прежде всего с Данеловым Валентином Георгиевичем, являвшегося Первым секретарём Угледорского обкома КПРФ и депутатом Государственной Думы второго созыва. Знал теперь Брагин и всех руководителей городских партийных организаций и сельских районов области.

Отношения с первым руководителем исполнительной власти области Марчуком Б.М., у областной парторганизации были натянутыми с давних пор, на этом же уровне продолжали они оставаться и в последнее время.

В первой половине мая 199... года Марчук приехал в Абинск. Орготделом администрации города была организована его встреча с представителями общественности, в городском Драматическом театре. На встрече, как представитель общественности, присутствовал и Брагин.

Встреча произвела на Брагина сильное впечатление и позднее он часто вспоминал именно эту встречу. Первый руководитель области предстал перед народом просто: одет был по-спортивному, просто держался с фактически беснующимся и явно ненавидящим его, присутствующим окружением: Не поднявшись, как положено в таких случаях, на трибуну, стоя у парттера, он спокойно выслушивал сыплющиеся со всех сторон, в свой адрес злые выкрики представителей городской общественности. На некоторые из выкриков он, явно сдерживая себя, спокойно отвечал.

После встречи с народом, Марчук продолжительное время беседовал с Гальцовым в рабочем кабинете последнего, поздравил его с победой на выборах, обсудил с ним проблемные вопросы, вставшие на повестку дня вновь избранного абинского руководителя города. В беседе, ориентировочно, наметились и пути решения проблемного.

После встречи Гальцова с Марчуком, Брагин с удивлением услышал от Гальцова его обобщающий вывод из проведённой встречи: «С Марчуком работать можно», - сказал он.

Позднее Брагин узнал, что во время встречи с общественностью Абинска и Гальцовым, Марчуку уже виделся закат своей карьеры (как руководителя Угледорской области), поскольку в это время Н-кая областная прокуратура заканчивала уже расследование неблагоприятного дела, касающегося деятельности некоторых руководителей Н-кой области «за причастность» к которому привлекался и Марчук. Дело было возбуждено по статье о злоупотреблении служебным положением и связано с нецелевым использованием бюджетных средств. В связи с этим исполнять обязанности Главы администрации Угледорской области был назначен Кадыров М.Н.

Известие о назначении Кадырова М.Н. Главой администрации Угледорской области, актив абинской общественности встретил бурными овациями, и возгласами «ура!» Брагин был очень рад свершившемуся, как акту высшей справедливости.

Вскоре были проведены выборы Главы Угледорской области, на которых, победил Кадыров М.Н. В губернаторских выборах, Угледорская областная организация КПРФ поддерживала и вела активную агитационно-пропагандистскую работу на стороне кандидата в Губернаторы Кадырова М.Н.

На территории Абинского избирательного округа, Абинская городская организация КПРФ также приняла активное участие на стороне Кадырова М.Н. И победу своего кандидата восприняла как долгожданное. Однако, после при-

бытия Кадырова из Москвы в Угледорск, почувствовалась его холодность к Гальцову.

В первые дни по вступлению в права первого руководителя администрации города Абинска, к Гальцову заявился Клещев и потребовал от него для себя, должность одного из заместителей главы города (со служебной машиной и соответствующим должности служебным кабинетом).

Гальцов выгнал Клещева. После чего Клещев заявил, что с этого момента он переходит в «непримиримую оппозицию» к Гальцову.

По каким-то своим личным соображениям Гальцов, после вступления в должность, отказал в финансовой поддержке редакции городской газеты «Абинская правда», хотя городская администрация являлась одним из соучредителей городской газеты.

После чего редакция, видимо, по примеру Клещева, так же перешла в разряд «непримиримой оппозиции» по отношению к главе администрации города Абинска.

К концу 1997 года, заполнившись в Абинске в основном только выборными компаниями, накал страстей между противоборствующими сторонами (сторонниками и противниками Гальцова А.С.) начал формироваться и пошёл в рост. К началу второго квартала 1998 года, годовщине пребывания в должности Главы администрации города Гальцова А.С., противоречия продолжая расти, неуклонно приближались к своей максимальной величине.

Для поддержки и отпора натиска «непримиримых», городской парторганизацией, всемерно поддерживающей своего выдвиженца Гальцова А.С., было принято решение о создании своей горкомовской городской коммунистической газеты, функционирование которой началось в конце марта 1998 года. Руководство газетой, решением Пленума горкома КПРФ было возложено на руководителя городской парторганизации, то есть на Брагина.

Третьего апреля номер «Абинской правды» открылся заголовком:

«АКЦИЯ НЕДОВЕРИЕ ГЛАВЕ ГОРОДА
Эхо мартовской конференции трудовых коллективов коммунальных предприятий города до сих пор будоражит людей, не получающих заработную плату.

Коллективы участков УЖКТС, отказавшись обсуждать проект соглашения между администрацией города и профсоюзными комитетами «О мерах по стабилизации экономического положения и погашения задолженности по заработной плате», потребовали созыва чрезвычайной конференции.

Как сообщила председатель профкома РУККАТС, на предприятиях идёт сбор подписей под открытым письмом губернатору области Кадырову М.Н., в котором коммунальщики выражают недоверие главе города Гальцову А.С.

...26 марта в ЖЭКе № 6 РУЖКХ началась стихийная забастовка — 300 ветхих жилых домов Берёзовой Роши оказались без хозяина».

Седьмого апреля, во вторник, обведённый в чёрную рамку заголовок передовицы «Абинской правды» гласил:

«6 апреля по распоряжению главы администрации области город Абинск переводится на особый режим управления.

Заключается он в том, что каждый областной департамент будет работать

напрямую с соответствующими управлениями городской администрации для более оперативного решения вопросов. В городе сложилась чрезвычайная обстановка — действия мэра Абинска Андрея Гальцова, как считает губернатор, не оперативны и неэффективны. Контроль за выполнением распоряжения возложен на руководителя аппарата областной администрации заместителя главы администрации области Владимира Красилова».

Под информацией о введении особого режима управления, в этой же рамочке размещено:

«Обращение организационного комитета рудничного УЖКТС

На конференции трудового коллектива 3 апреля 1998 года принято решение начать вынужденный простой и акцию протеста в связи с длительной невыплатой зарплаты по вине администрации города. Просим всех работников коммунальных служб города выступить в поддержку работников МП и присоединиться к акции протеста для защиты своих законных прав.

Жителей города просим проявить солидарность и понимание принятого нами решения.

Бездействие администрации города привело коммунальное хозяйство к бедственному положению и вынужденной акции протеста».

Седьмого апреля, после выхода в свет и распространения по городу очередного номера городской газеты, поздним вечером, после официального окончания рабочего дня во всех кабинетах администрации города Абинска, в рабочем кабинете Главы его администрации началось внеплановое (чрезвычайное) заседание бюро Городского комитета КПРФ. На котором присутствовали почти все члены бюро горкома и некоторые приглашённые. В числе последних, присутствовал на заседании ночного бюро, избранный в один день с Гальцовым, Глава соседнего Черкасовска - Разумов Александр Николаевич.

Сразу же, после начала работы бюро, слово было предоставлено Гальцову. Который, кратко охарактеризовав сложившуюся ситуацию как внутри города, так и за его пределами, сообщил, что о введении особого режима управления городом узнал из сообщения «Абинской правды». Так же, Андрей Сергеевич сообщил и то, что накануне у него состоялся разговор с губернатором области, который предложил ему перейти на работу в правовой отдел областной администрации, с перспективой назначения на должность руководителя этого отдела. Никакого разговора об особом режиме управления города Абинска, причинах и целях его введения, в их беседе не было.

В обсуждениях полученной информации пришли к общему мнению: во-первых, дыма без огня не бывает; во-вторых, руководство редакции городской газеты взять на себя смелость и ответственность по распространению фальшивки, никогда бы не решилось и не осмелилось, если бы не имело на это санкций определённых сил из областной администрации.

Начали обсуждать предложение губернатора о переходе Гальцова на новую работу в областную администрацию, пришли к выводу, что соглашаться с предложением Гальцову не следует, нужно отказываться.

На следующий день после заседания ночного бюро, в Угледорске состоялся Пленум обкома КПРФ, на который заранее был приглашён глава администрации области. В своём выступлении тот кратко охарактеризовав обстановку в об-

ласти и сказал, что в Абинске создавалась сложная экономическая и политическая ситуация, в связи с чем он вынужден был предложить Гальцову перейти на другую работу, в областную администрацию. Но Гальцов, от его предложения отказался.

Возвращаясь в тот день из Угледорской домой, после заседания пленума обкома, в душе у Брагина всё ликовало. Он восторгался смелостью поступка Гальцова, поскольку исподволь думал, что Гальцов не сможет устоять, согласится.

«Особый режим — день пятый, десятый, семнадцатый...» - мелькая своими заголовками продолжала «вещать» городская газета.

А «особого режима» - не было.

В администрацию города поступило распоряжение главы администрации области, в котором говорится об изменениях, которые внесены в распоряжении администрации области «О чрезвычайных мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в Абинске». В связи с противоречием действующему законодательству Российской Федерации, а так же с учётом протеста прокуратуры области первый и четвёртый пункты распоряжения считать недействительными...», - сообщила в своём седьмом номере вновь созданная еженедельная городская муниципальная газета «Диалог».

Однако «Абинская правда», не унимаясь — вновь протрубила по городу:

«Выездная коллегия областной администрации

«Дистрофия власти», - так охарактеризовали члены коллегии состояние дел в Абинске»...

Абинск гудел как пчелиный рой, оторвавшийся от улья.

Брагин понимал, что возникающая в городе, нестабильная социально-политическая обстановка характерна в настоящее время не только Абинску, но и многим другим городам области, и за её пределами.

В стране тоже было неспокойно.

«Поскольку первого мая 1998 года в Кузбасском городе Анжеро-Судженск несколько шахтёров объявили голодовку с требованием выплаты многомесячных задолженностей по заработной плате. Через несколько дней в голодовке участвовали уже несколько десятков шахтёров, и она была перемещена к зданию местной администрации.

С десятого мая, во многих городах Кузбасса шли уже не голодовки, а митинги (подобие кузбасских забастовок 1987/1989-х годов). Тринадцатого мая 1998 года премьер-министр России Кириенко выступая в Государственной Думе по поводу многочисленных акций протеста в Кузбассе и за его пределами, заявил, что такому давлению шахтёров правительство не подчинится, а вместо этого продолжит реструктуризацию отрасли согласно требований «Международного банка реконструкции и развития» (МБРР).

14 мая 1998 года шахтёры перекрыли железные дороги Кузбасса, движение грузовых поездов прекратилось. На следующий день их примеру последовали шахтёры Ростовской области и Республики Коми. В последующие дни протест нарастал. Вся Россия оказалась охваченной волной перекрытий железных дорог: Тюмень, Тула, Пермская область... Шахтёры требовали уже не возврата долгов по зарплате, а отставки Президента России Ельцина Б.Н.

Наивысшего накала борьба простых граждан страны за свои права (против

власти всех уровней) достигла 20/21 мая 1998 года: «Хочешь получить зарплату — выходи на рельсы», - именно такие лозунги звучали на акциях протеста».

Обстановка накалялась и в Абинске.

Юридически Гальцов отошёл от работы в городской парторганизации, фактически же продолжал сотрудничать и поддерживать связь как с городской, так и с областной парторганизациями.

Брагин обо всём проводимом и планируемом докладывал ему. Делился Брагин с Гальцовым и своими впечатлениями о проводимых мероприятиях в областной парторганизации, о полемике на её пленумах.

Особо освещая позицию первого руководителя областной парторганизации Данелова В.Г., главным в которой, как понимал Брагин, являлась критика деятельности руководителя партии Зюганова Г.А.

Хотя Брагин не являлся каким-то явным и особым сторонником Зюганова, поскольку считал себя новичком в партийной работе, тем не менее, позицию Данелова осуждал. Считал, что все внутривнутрипартийные распри ведут к ослаблению позиций партии. Несколько раз он выступал на пленумах обкома с критикой позиции первого руководителя областной парторганизации:

- В ЦК, на съездах, решайте вопросы. Плох Зюганов, снимайте его. Но там! Здесь — то чего раскольнические разговоры вести, брежневское время закончилось. Советский Союз от самобичевания развалился. Сегодня консолидироваться надо, а не бузотёрить. На мой взгляд, в настоящее время, нет ни какой разницы кто стоит во главе партии, главное, чтобы её силы и число сторонников росло, - говорил Брагин.

Данелов на выступления и критику в свой адрес не реагировал никак. Видимо, считая себя политиком федерального уровня, не считал нужным прислушиваться к словам, не весть откуда взявшегося оппонента. Что, в свою очередь, задевало самолюбие Брагина, он не испытывал особых симпатий к Данелову, если не сказать большего. Поскольку тот, за немалое уже время их знакомства и сотрудничества, так и не счёл нужным хотя бы раз побеседовать с Брагиным о том, кто он такой, как и чем живёт. В армейском отрезке жизни у Брагина такового не бывало. Поскольку там, всегда, прибыв в вышестоящую инстанцию и представ пред ясные очи своего начальника всегда интересовались: как он добирался на совещание, как и где устроился на проживание, как дела дома, в семье и прочее.

О службе и работе разговоры не начинались до тех пор, пока начальник не убедится в положительной стабильности духовного состояния своего собеседника, своего подчинённого. На таких же принципах Брагин строил свои взаимоотношения и со своими подчинёнными. Здесь же всё делалось иначе.

Некоторое время спустя Брагин понял, что, вероятнее всего, не испытывал симпатий к Данелову и Кадырову, который бывал почти на каждом Пленуме обкома КПРФ и выступал на них.

На одном из очередных Пленумов обкома КПРФ, явно раздражённый позицией и деятельностью первого секретаря обкома Кадыров в открытую заявил, что плодотворно работать с Данеловым отказывается.

Вернувшись в Абинск, в тот же день Брагин подробно доложил Гальцову о всём, что было на Пленуме.

- Нужно убирать Валентина, - после некоторого раздумья, высказал своё мнение Гальцов, после чего добавил. -

Но меня волнует то, что в конце концов он будет прав. А я всё же, какой-никакой, но политик.

- А в чём заключается правота Валентина? В пророчествах, в прозорливости его видов на будущее? Или он какой-то конкретный путь нам указывает, или научные труды у него есть, которых нужно придерживаться как заветов Ленина? Может, Данелов в какой-то степени является нашим угледорским Че Геварой? — спросил Брагин, не единожды уже слышавший от Гальцова его предположения о правоте Данелова в будущем.

Но Гальцов, ничего не ответил на заданные вопросы и вернулся к ранее озвученной мысли.

- Нужно тебе Иван Николаевич проехать по городам области и поговорить с партийным активом, по обсуждаемой нами теме. К одному берегу нужно прибавиться.

Проехав по городам области, Брагин поговорил с партийным активом. Почти везде мнение было одинаково: «Данелова нужно освободить от должности Первого секретаря Угледорского обкома КПРФ и в ближайшее время».

Буквально через несколько дней, после поездки Брагина по городам области, в Угледорске состоялся внеочередной Пленум (партийная конференция) обкома КПРФ. На котором, в присутствии представителей ЦК партии, большинством голосов присутствовавших на Пленуме членов обкома КПРФ, Данелов В.Г. был освобождён от должности Первого секретаря Угледорского обкома КПРФ.

В перерыве работы Пленума ОК КПРФ, Данелов, впервые за всё время знакомства с Брагиным подошёл к нему и с ненавистью сказал: «Как ты посмел, ведь ты же офицер...»

- Точно так же, как и Вы, Валентин Георгиевич! — ответил ему Брагин, поскольку в отношении Данелова, какого-то предательства со своей стороны Брагин не видел, угрызения совести не чувствовал.

Данелов прежде любил говорить: «Я — политик, в жизни у меня постоянных друзей не бывает; постоянным бывает, только — интерес: есть интерес к человеку — я с ним дружу, нет — я от него отворачиваюсь...»

По его же принципам поступили с ним и его бывшие соратники: закончился у них интерес к Данелову, вот они и отвернулись от него.

Данелов решению Пленума обкома не подчинился. вновь избранным руководителем областной парторганизации дел не передал, в том числе и многих бланков партийных билетов, что по временам КПСС считалось грубейшим проступком. За что, в скором времени, был исключён из рядов партии с мотивировкой «За раскольническую деятельность».

Вскоре вокруг имени Гальцова А.С. в Абинске разразился новый скандал. Четвёртого ноября передовица «Абинской правды» открылась заголовком:

«МЕСТНЫЕ ВОЖДИ ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ ИЗНАЧАЛЬНО НА СТОРОНЕ МЭРА, ТАК КАК ДЛЯ ДЕПУТАТОВ ПОЛИТЦЕЛЕСОБРАЗНОСТЬ ПРЕВЫШЕ ЗАКОНОВ.»

«Что ни хутор, то своя Конституция. В другом регионе история, подобная нашей, не имела бы столь скандального продолжения. Но что поделать, в насковозь политизированной Угледорской области, другого произойти и не могло. Суть в том, что прокурор области обратился в

Законодательное собрание с официальным представлением, в котором говорилось: «Проверкой, проведённой прокуратурой области установлено, что в 1997 году и первом полугодии нынешнего возросло количество незаконных правовых актов — распоряжений администрации г. Абинска...»

Если в 1996 году прокуратура города опротестовала лишь три незаконных правовых акта администрации, то в 1997 году — уже двадцать восемь, а в первом полугодии нынешнего — шесть.

Такой рост, по мнению прокурора области, обусловлен деятельностью главы города Абинска А.С. Гальцова, избранного на эту должность в апреле 1997 года. Который обязан руководствоваться статьёй 7 Закона области «О местном самоуправлении», Конституцией Р.Ф., Уставом области и иными нормативно-правовыми актами органов самоуправления. Однако Гальцовым в 1997 году издано 11 распоряжений о незаконном предоставлении налоговых льгот различным предприятиям города. Незаконными действиями прокурор назвал распоряжение Главы Абинска «О плате за бланки документов» и пункт 4 распоряжения «О мероприятиях по пресечению незаконного оборота алкогольной продукции.»

Учитывая, что в действиях главы г. Абинска Гальцова А.Н., связанных с неоднократным изданием незаконных правовых актов, усматривается прямое игнорирование Федерального Законодательства прокурор области предлагал: рассмотреть настоящие представление на ближайшей сессии Законодательного собрания области, после чего обратиться в Кемеровский областной суд за заключением о несоответствии деятельности главы администрации г. Абинска Гальцова А.С. Конституции Р.Ф., Уставу Угледорской области, федеральным законам, законам субъекта Р.Ф., Уставу муниципального образования.»

На ближайшей сессии областного Законодательного собрания названное представление прокурора области было рассмотрено, но большинством голосов депутатов не поддержано, поэтому и соответствующего обращения в областной суд не последовало.

Вчитываясь в информацию, изложенную в статье городской газеты и в информацию (ксерокопии отчётов и переписка) полученную из Законодательного собрания области, Брагин видел не то чтобы неточности информации газетной статьи, а умышленную фальсификацию её. Тем не менее, впервые за всё время своего знакомства и сотрудничества с Гальцовым А.С., он не понимал и не мог положительно оценить деятельность Андрея Сергеевича, как прежде. Брагин понимал, что время - в котором сегодня живут Гальцов с Брагиным и все остальные люди, воровское. Поэтому и в основу законов, которые приняты на сегодняшний день и принимаются, вложен и вкладывается «воровской интерес». И всё же — это Законы, которыми положено руководствоваться и исполнять их. Иначе начнётся всеобщий хаос. Гальцов, являясь юристом по образованию, не может этого не знать и не понимать. Тем не менее, делает всё так, как делает: закрывает пункты приёма цветных металлов; предоставляет налоговые льготы погибающим городским предприятиям; изымает из оборота незаконно реализованную алкогольную продукцию и многое другое. За что, так ненавистен своим недругам против которых ведёт открытую и непримиримую войну. Недруги, в свою очередь, ведут аналогичную же войну, против него.

«Видимо, Андрею Сергеевичу, как буревестнику, нравится буря, и он ищет её. Если не находит, то создаёт её сам», - думал Брагин.

Как-то, идя вдоль главной городской улицы, Брагин почти нос к носу столкнулся с Клещевым, и испытывая неприязнь к этому человеку хотел пройти мимо него. Но не тут-то было: Клещев буквально схватив его за руку, остановил.

- Брагин, с Гальцовым у нас свои счёты, ты то чего в драку лезешь? Мы ведь тебя не трогаем.

- Вы трогаете Гальцова, а он мой друг! Следовательно, вы трогаете и меня, так уж я воспитан своими родителями. И никогда не отступлюсь от этого, и его не оставлю, - с гневом произнёс Брагин.

Клещев, вдумываясь в слова, которые сказал ему Брагин, некоторое время - молча, стоял перед Брагиным, затем вымолвил:

- Запомни мои слова полковник: пройдёт совсем немного времени и ты, так же как и я когда-то, уйдёшь от Гальцова; так же как и я, будешь ненавидеть его. Ко мне приползёшь! И если признаешь мою правоту, то я тебя, может быть, и возьму к себе.

- Во-первых, от Гальцова я никогда не уйду. Во-вторых, даже если и уйду - к тебе никогда не приползу! - зло ответил Клещеву Брагин, после чего выдержав из его цепкой руки полу своего пиджака, отвернулся и пошёл в свою сторону.

Анализируя события и ситуацию складывающуюся вокруг Гальцова, Брагин понимал, что ситуация с каждым днём всё сильнее и сильнее осложняется, узлы затягиваются. Непримируемая оппозиция взяла курс на окончательное смещение Гальцова с должности. И меняя способы, день ото дня всё ближе и ближе приближается к своей цели. Не удалось убрать ненавистного им мэра введением губернаторского правления в городе, высветились прокурорские проверки. Не удалось с помощью прокурорских проверок, пошла в ход идея сокращения срока пребывания в должности на один год - несвоевременностью публикации Устава города в СМИ.

В общем-то, в условиях конфронтации и противостояния с вышестоящей инстанцией, продолжение работы для Гальцова теряет всякий разумный смысл. Тем более, что у подавляющего большинства горожан за время его руководства городом, сложилось о нём исключительно негативное мнение. Что видел Брагин даже на примере своих близких родственников: однажды тесть Брагина, в его присутствии, назвал Гальцова беспобудным пьяницей.

- Да вы откуда это знаете, вы же его ни разу в глаза не видели, - возмутился Брагин. - Я вижу с ним почти каждый день и ни разу пьяным или в подпитии в рабочее время, не видел!

- Люди говорят! - невозмутимо и самоуверенно в своей правоте, парировал тесть.

- Так и все. И «на каждый роток не накинешь платок». Где-то Андрей Сергеевич упустил ситуацию, не придав значения в своей работе тому, чтобы быть если не любимым, то хотя бы уважаемым человеком большинством жителей города. А это оказывается очень важно. Тогда бы к нему не прилипали, как к магниту, всякие небылицы. Люди бы в них просто-напросто не верили. А так, какую «утку» не выпустят Клещев и его подручные, всё принимается на веру и чуть ли не на ура. Получается, что чем сильнее вымазывают Гальцова всевозможной грязью, тем радостнее всем го-

рожанам. Наш Гальцов, наш Кадыров - почему же между ними нет мира? - думал Брагин.

Вероятно, так же, как и Брагин думали и многие другие члены городской парторганизации и не только коммунисты, но и некоторые беспартийные горожане, придерживавшиеся если не одинаковых политических взглядов с членами партии, то близких с ними.

- Нужно вам Иван Николаевич лично с Кадыровым встретиться и поговорить с ним на эту тему, - настойчиво начали рекомендовать Брагину многие люди.

Передав пожелание общественности Гулиной Э.В., Брагин попросил её организовать ему встречу с Кадыровым. Та пообещала Брагину положительно решить его просьбу и исполнила своё обещание:

- Седьмого января в конце рабочего дня, глава администрации области дал согласие на встречу, - сообщила она Брагину.

Обдумывая предстоящую встречу с главой администрации области, более опытные партийцы (вероятно, при согласовании с Гальцовым) предложили: на встречу с ним Брагину следует ехать не одному а в компании с председателем городского Совета ветеранов Грозовым Анатолием Ивановичем и вторым секретарём горкома Савуловым Виктором Ивановичем.

Прибыв в приёмную главы администрации области в назначенный день, Брагин понял, что допустил грубую ошибку согласившись взять с собой сопровождающих, поскольку беседа с глазу на глаз с одним человеком - это одно дело, а с тремя - совершенно другое.

Обсудили различные варианты: либо Брагин один идёт на беседу; либо, кто-то из его сопровождающих. Приблизительно через час ожидания, или немногим более того, Кадыров принял парламентариев.

Войдя в кабинет, сделав не более двух шагов от входной двери, не стовариваясь - выстроились в линию: Брагин - в середине, Савулов и Грозов по краям.

Увидев вошедших, Кадыров недовольно сказал:

- Гальцов, мерзавец, обманывает меня! Вы тоже обманываете.

Савулов с Грозовым, как провинившиеся школьники стояли опустив свои головы. Брагин смотрел на Кадырова прямо, и когда тот с негодованием выплеснул на вошедших первую свою фразу, Брагин ответил ему: «Почему Вы на нас кричите? Мы Вам не подчинённые, а соратники. Приехали поговорить по волнующим нас вопросам, чего тут такого?»

После этих слов Кадыров, сменив интонацию в своих словах, пригласил вошедших присесть на стулья по бокам своего рабочего стола.

Начался разговор о том, что хотели выяснить приехавшие абинцы у главы администрации области. С первых же слов Брагин понял, что и здесь они допустили ошибку, заранее не обговорив то, о чём будут вести разговор с Кадыровым, поскольку осмелевшие товарищи Брагина начали насадать на того, выясняя, почему Клещев бежит по Абинску, размахивая удостоверением советника?

Через некоторое время, после начала беседы, в кабинет Кадырова вошёл управляющий делами администрации, следом руководитель отдела по связям с общественностью. Далее разговор начал вестись, как бы - уже, по секциям.

В конце, подводя итог встречи и разговору о Гальцове, Кадыров сказал: «Лад-

но, пусть работает».

Возвращаясь домой, Брагин высказывал Савулову и Грозову своё недовольство затеянными ими долгим разговором о удостоверениях Клещева:

- Да пусть он хоть сто штук их имеет, пусть выписывает себе хоть удостоверение «Советника Президента России», мы ведь не с целью уменьшения числа удостоверений Клещева ехали сюда. Я, например, хотел услышать от Кадырова, на чём основываются его недовольство Гальцовым, что Гальцов делает не так как надо?

Вот если бы Кадыров или его помощники, сказали нам, что Гальцов то, то и то делает не так как надо; или, может быть, всё, что он делает - делает не так как надо. То прямо сегодня же, по приезде в Абинск, сказал бы Андрею Сергеевичу: «Дорогой мой друг, товарищ и брат, ты, слабак! Уходи - в отставку».

Но не могу я сказать таких слов Гальцову, по результатам проведённой встречи. По моему умозаключению, противоречия, несёт личный характер. Поскольку в первых словах Кадырова звучали слова об обмане его Гальцовым. Значит, так оно и есть.

Обманул в чём-то Андрей Сергеевич главу администрации области, возможно, даже и сам не зная чем именно. Но мы, к сожалению, этого тоже не выяснили.

Несмотря на позитивные пожелания главы администрации области, Брагину и его спутникам было понятно, что решение по переизбранию Гальцова Кадыровым принято и вряд ли он его изменит.

И всё же, считая, что не все ещё потеряно, Брагин отправил несколько телеграмм в адрес ЦК КПРФ и Зюганова Г.А., в которых подробно обрисовал трагизм создавшейся ситуации и убедительно просил Геннадия Андреевича поспособствовать сглаживанию возникшего конфликта.

В рамках предвыборной президентской компании, Зюганов прилетел в Углегорск, пробыл сутки, на вторые - рано утром приехал в Абинск (с мигалками, в кортеже кандидата в президенты Р.Ф.). Позавтракав со всей своей свитой, выступил со стандартной речью с трибуны в драматическом театре города и ни словом не обмолвившись об Абинской проблеме и Гальцове, укатил в Кондомск.

Вечером того дня, вернувшись в горком, после турне в кортеже Зюганова по Абинску и Кондомску, Брагин сев за свой рабочий стол задумался:

- Лучше бы он не приезжал совсем, - думалось Брагину о визите Зюганова в Абинск, - тогда, хотя бы тёплые мысли в голове роились: «Вот приедет Зюганов, вот приедет».

А теперь и надеяться не на что. Спросил хотя бы меня: «Ну как ты тут, секретарь, воюешь?» Так нет же, считает, наверное, что я только и должен думать о том, что он сказал. Хотя, именно я, вызывал его сюда телеграммами.

«Сколько верёвочка не вейся, всё равно - когда-то, конец её будет!» - гласит старая русская пословица. Поэтому сколько не билась, сколько ни старалась абинская парторганизация за своего избранника, конец его руководству с каждым днём становился всё ближе и ближе. Все понимали, что остановить грядущее уже выше их сил и возможностей. Выборы Главы администрации города и депутатов городского Совета, были назначены на 16-е мая 1999 года.

Решением Пленума городской парторганизации КПРФ, кандидатом,

на предстоящих выборах Главы города, был вновь утверждён Гальцов А.С.. Но, предвыборной компании его сторонниками фактически не проводилось. За шесть дней до выборов - 12 мая, Гальцов снял свою кандидатуру.

14 мая, в городской горкомовской газете было опубликовано его Заявление.

«Уважаемые Абинцы, избиратели, члены избирательной комиссии!

Вся наша деятельность протекала под острым жёсткой, иногда справедливой, а чаще злобной и бесосновательной критики и грубого давления.

Только в Абинске вводилось «прямое губернаторское правление». Администрация города пережила 37 комиссий, деятельность Главы города пытались признать не соответствующей Конституции. Средства массовой информации искали только негативные события, вели откровенную травлю.

Два года назад мы приняли тяжёлое наследство: разоруженный городской бюджет (долги составили 641 млрд. руб. при годовом бюджете - 553 млрд. руб.), закрытие 5 шахт, за бесценок проданную муниципальную собственность, обескровленные заводы и строительный комплекс.

Сложно было нащупать зыбкую почву для возрождения города.

Был и остаюсь единомышленником главы администрации области в вопросах судеб страны, её экономики.

Видя бессмысленность происходящего, не считая возможным далее участвовать в выборном процессе. Уведомляю городскую избирательную комиссию о снятии своей кандидатуры».

Сразу после выборов 18-го мая 1999 года, когда в Абинске была избрана новая исполнительная и законодательная власть, Брагин как-то исподволь начал думать о том, что теперь делать с Гальцовым, как относиться к тому, что его фактически выпнули из городской администрации. Как расценивать этот факт: положительно или отрицательно?

Если положительно, то Гальцов снова герой. Значит, в его честь нужно хлопать в ладоши, качать его на руках - как это было в день его избрания.

Если отрицательно - как не справившегося с данным ему партийным поручением, то с него нужно снимать стружку: строго спросить на Пленуме горкома, почему он не справился с данным поручением, почему опозорил городскую парторганизацию и своим позором заклеймил её на долгие годы. Строго же наказать его! А как иначе?

Своими мыслями и соображениями Брагин поделился с ближайшими своими помощниками. Мнения были разные: одни (в основном представители старшего поколения) считали, что в одном отделе взятом городе, удержать советскую и партийную власть не возможно. Поэтому Гальцов ни в чём не виноват, он сделал максимум того, что было возможно.

- А вы не знали о том, что в одном городе советскую власть не удержишь, два года тому назад, когда пошли на выборы? Что говорили тогда? «Мы за власть в городе боремся потому, что лучше нас никто сегодня не вырвет из создавшейся ситуации».

Зачем и кому нужна была вся эта свистопляска? Дерьмом обмазались по самые уши, да ещё и дурную славу заработали, как неспособные положительно решать сложные и проблемные городские вопросы сегодняшнего дня. От заработанной дурной славы не одно десятилетие отмываться будут те, кто будет идти после нас, - не соглашаясь со сво-

ими собеседниками, высказывал своё мнение Брагин.

Представители же более молодого поколения партийцев - пришедшие в парторганизацию и в горком партии в то время когда им руководил Брагин, считали что с Гальцова нужно строго спросить за его «мёрзтво».

В конце-концов преобладающим стало мнение, что вести разговоры о свершившемся с политической точки зрения нецелесообразно. Гальцова необходимо восстановить в должности руководителя городской парторганизации, а Брагину необходимо сосредоточиться на редакционно-издательских делах горкома, на выпуске городской партийной газеты и всё тем, что связано с этим делом.

С принятием решением и введением его в жизнь Брагин согласился без каких-либо на то обид, но с того момента когда Андрей Сергеевич вернулся в горком Брагин почувствовал, что прежние нормальные рабочие взаимоотношения у него с Гальцовым получаться не стали. Брагин как бы в новом свете увидел Гальцова и с каждым днём он всё больше и больше не узнавал и не понимал его.

Брагин увидел, что Гальцов очень долго думает прежде чем примет какое-то решение, даже самое простое. Поэтому, практически по любому вопросу от него невозможно было добиться ни положительного, ни отрицательного решения. Это создавало неудобства и никому не нужные сложности в совместной работе.

- Если он и в городской администрации так же работал, и во взаимоотношениях с вышестоящей инстанцией состояние дел было таким же, то тогда мне становится понятна причина неприязни к нему, - думалось Брагину.

Ухудшению взаимоотношений способствовало ещё и то, что возвратившись в горком Андрей Сергеевич привёл с собой и всю свою «свору опричников», которые ранее исполняя работы всевозможных охранников и прочее, на глаза Брагину попадались не часто. Теперь же он видел их ежедневно, более того, они бесцеремонно вторгались в его работу. Последнее Брагина не устраивало особо, поскольку взаимоотношения с опричниками, казаками и прочей полууголовной шпана в парторганизации у него не складывались с давних пор. Особенно с Геннадием Голяковым, «потомственным казаком» посёлка Берёзовая роща.

Однажды Генка и его помощники, по пьяному делу, избивали одного из своих же товарищей. Били как крутые пацаны, ногами. Запинали до полусмерти, с приговором: «На кого работаешь, сука?»

Через несколько дней после избивания, немного придя в себя, весь в синяках парень кое-как пришёл к Брагину и рассказал обо всём произошедшем с ним.

В первый раз, за всё время своей активной партийной деятельности, негодование Брагина начало выплёскиваться через край.

- На первом же партсобрании я поставлю вопрос об исключении из партии всех вас, бандитов, - сказал он тогда Голякову, когда разбирался с ним, об участии в избивании.

- Ну-ну, - только и ответил Голяков. Несколькими днями позднее, когда Брагин сообщил о произошедшем ЧП в парторганизации и своих предложениях по наказанию виновных Гальцову, то реакция последнего на удивление была спокойной. Словно ничего страшного и не произошло:

- Ребята с улицы. Но они нам нужны, именно такие! Поскольку, революции в белых перчатках не делают, - сообщил тогда Брагину своё мнение Гальцов.

Этим, столь громкий скандал, каким он виделся Брагину, закончился.

Позднее до Брагина дошли слухи, что Голяков, общаясь с Гальцовым, сказал, что Брагина нужно убирать, поскольку он все дела ведёт к развалу городской парторганизации:

- А ты сможешь делать ту работу, которую делает сегодня Брагин? - спросил тогда Голякова Гальцов.

- Нет! - ответил тот.

- Когда сможешь, тогда и уберём! - подвёл черту под разговором Гальцов. На этом паритет между внутренними нелюбимыми друг друга сторонами в городской парторганизации и держался. Брагин совершенно не придавал ему ни какого значения, поскольку бороться за власть внутри городской парторганизации он ни при каких видах не собирался.

- Хватит нам того, что произошло в отношениях с Данеловым, нам не грызть друг друга надо, а теснее смыкать свои ряды; у нас каждый человек на вес золота, - думал Брагин и твёрдо придерживался своей позиции.

Противники же его думали иначе. Для них Брагин представлялся опасным. И Брагин начал обращать внимание на то, что как только он появляется в редакции газеты или горкоме (которые находились в одном помещении, напротив друг друга, разделяясь только коридором), как к нему привязывался соглядатай. И хотя Брагин не придавал этому никакого значения, тем не менее, в нём всё больше и больше росло чувство неприязни к Гальцову.

Вспомнилось давнишнее предупреждение о подобном развитии событий. Однажды когда Брагин ещё работал на шахте Абинская и его сближение с Гальцовым ещё только-только начиналось, начальник участка, на котором работал Брагин, как-то сказал ему что перспектив на долгосрочный «тандем», в отношениях Брагина и Гальцова, быть не может:

- Я хорошо знаю Гальцова - он мент, и все его повадки ментовские. А ты офицер, - сказал тогда Брагину его начальник (в прошлом активный коммунист).

- А чего мне делить с Гальцовым, у нас с ним общее дело, общая работа. Нет, вы не правы, - не согласившись тогда с предупреждением бывшего своего начальника, категорично ответил ему Брагин.

И вот, спустя годы, Брагину вспомнилось то предупреждение, он начал признавать правильность сказанного ему когда-то.

Как-то, выйдя из помещения горкома на улицу, Брагин увидел идущего от трамвайной остановки себе навстречу Громова Анатолия Ивановича, по всему было видно, что Громов куда-то торопится.

- Ко мне, наверное, идёт Анатолий Иванович, или в горком? - подумал Брагин и остановился, решив, что вероятнее всего ему придётся возвращаться с Громовым обратно.

Подойдя к Брагину, Громов тоже остановился возле него и тяжело выдохнул.

- Фу-у-у, думал, что не застаю тебя в редакции, - произнёс он.

- Что-то случилось? - спросил Брагин. - Пошли в редакцию или в горком, поговорим.

- Пошли, поговорим, только не в горком и не в редакцию, а вон туда - за здание, в теньке сидем на лавочку, там и поговорим, - ответил Громов.

- Знаешь, Иван Николаевич, чем сегодня обеспокоены ветераны, и о чём они говорят? - спросил Брагина Громов, когда они наконец-то подошли и сели

на лавочку.

- Нет. Хотя, наверное, догадываюсь.

- Не догадываешься, - однозначно ответил Громов и продолжил. - Говорят ветераны о делах в городской партийной организации, спрашивают: зачем вернулся назад в горком Гальцов? Он утратил свой авторитет в городе, его и близко сегодня нельзя было допускать к городской парторганизации, а его вновь во главе её поставили.

Снимать его с этой должности нужно и, как можно скорее...

- Я тоже думал об этом Анатолий Иванович, но на силовое снятие и изгнание Гальцова из горкома не пойду - не хочу дурной славы. Хватит с нас и того, что мы Данелова сняли. Хотя, в общем-то, и не в этом дело. Знаете, Анатолий Иванович, о чём мне думается сегодня?: О том, что уже почти шесть лет прошло с тех пор, как мы подняли знамя движения «народной власти».

Как мы радовались победе на выборах Гальцова, как мы радовались, возвращению и победе Кадырова. Слов таких нет, чтобы выразить накатывавшиеся тогда на нас чувства. И вот, спустя каких-то шесть лет, что мы имеем? Ничего!

Где оно, провозглашённое тогда нами? Нет его и не было! Как, впрочем, не было в городе, тем более в области власти коммунистической партии. Мы рисовали себе иллюзорное будущее, верили в него. Народ поверил в наши иллюзии, пошёл за нами. А иллюзии, они и есть иллюзии. Как мираж - помаячили впереди и испарились.

Когда Марчук выбил Кадырова из седла и тот упал на землю, то у него появился естественный интерес к нам. Он с нами общался, дружил, обнимался. После того когда мы подняли его своими руками с земли и вновь вернули в седло, интерес его к нам пропал, испарился.

Да, собственно говоря, Анатолий Иванович, дело, в общем-то, и не в интересе Кадырова к нам, с этим можно было бы и мириться, такова природа человека: своё получил и позабыл прежние слова.

За Державу обидно, Анатолий Иванович. Горбачёв объявил, что «процесс пошёл» и «процесс» действительно пошёл. СССР - развалили, Россию пытаются развалить - тянут её к пропасти: шахты и заводы останавливают; недра варварски выгребают, бывшие колхозные и совхозные поля каждый год порастают лишь бурьяном.

Мы с вами искренне хотим удержать свою Родину от окончательного развала и падения в пропасть, строим планы, искренне верим в них. А в итоге?

Гальцов власть получил и ничего не может сделать без Углегорска, без Кадырова. Кадыров власть получил и ничего не может сделать без Москвы, Кремля и без Ельцина. Ельцин - власть получил и ничего не может сделать без США, Европы, МВФ, МБРР и прочих.

США и Европа, не то чтобы не хотят видеть сильную нашу Родину, они вообще её не хотят видеть. Поэтому сознательно или бессознательно, мы делаем только то, чего хочет США, Европа и «иже» с ними.

Мы с Вами, поверив в провозглашённую народную власть, искренне желали сделать благо для своей Родины и своего народа, верили в это. Но не смогли даже разрулить позорящие нас непонятки в отношениях между Гальцовым и Кадыровым. Не говорю уже о непонятках между Кадыровым и Зюгановым. Хотя здесь мне лично всё понятно - если Кадыров будет дружить с Зюгановым, в Кремле скажут ему (возможно, уже и

сказали): «Извини - уважаемый Марат Нуреманович, но деньги проси и бери у Зюганова». А что кроме пламенных речей, сегодня, можно взять у Зюганова? Речами, как известно, область не накормишь. Поэтому здесь Кадырова осуждать нельзя.

Вот и получается, что если не всё, то многое из того чем мы занимались последние почти шесть лет нашей жизни, кроме как пустой болтавней иначе назвать нельзя. Оттого и заниматься этим мне больше не хочется: не тем путём идём, курс менять нужно.

Что же касается Гальцова, то, сегодня, у меня, лично, нет никакого желания возглавлять городскую парторганизацию. Однако же полностью согласен, что сегодняшнее пребывание Гальцова во главе городской парторганизации, кроме отрицательного, больше ничего ей не даёт. Но он, вероятно, надеется поправить свои дела и взять какой-то реванш.

В ближайшее время я с ним обязательно поговорю о том, что беспокоит сегодня ветеранов.

На очередных выборах Главы Абинского района, прошедших немногим позднее городских, в которых, бывший Глава района потерпел поражение, как и Гальцов. Победу одержал кандидат, которого поддерживали коммунисты района. Но в процессе выборов были вскрыты недостатки, которые, как правило, имеют место и в любых других выборах компаний.

Гальцов, защищая проигравшую сторону как адвокат, явился в суд и начал доказывать несостоятельность только что прошедших выборов. И, как ни странно, суд признал правильность его доводов, и отменив результаты прошедших выборов, назначил повторное голосование.

- Зачем ты в суд пошёл со своей защитой, кто тебе выдал на это полномочия? - высказал своё возмущение Гальцову Брагин, после того, когда ему люди с возмущением сказали: «Что вы творите? Против кого войной пошли, против своих? А ещё коммунистами зовёте, какие вы коммунисты».

- Не сотвори для себя кумира, гласит одна из библейских истин. Мы сотворили, двух. Двух кумиров нести на себе нашей партийной организации не под силу, - как бы отвечая Брагину, понёс какую-то словесную околесицу Гальцов.

- Зачем ты вообще назад вернулся в парторганизацию, у нас ведь всё было налажено как на хорошем предприятии, как в хорошем трудовом коллективе. Сейчас творится чёрт что. Ко мне Громов Анатолий Иванович дважды подступался с разговорами: «Зачем Гальцов вернулся, неужели он не понимает, что полностью потерял свой авторитет в городе?» Сообщил, что ветераны вынашивают предложение о необходимости твоего смещения с должности руководителя городской парторганизации...

- Для себя место освобождаешь? Собрал в горкоме и в редакции змеиное кубло, распространяете обо мне всякую чушь по городу, - зло улыбнувшись ответил Гальцов.

- Обо мне не беспокойся, и без меня найдутся достойные. Что же касается слухов, то я как цепной пёс кидался и гавкал на каждого, кто не только плохо о тебе говорил; но, даже плохо думал о тебе. Так же поступали и поступают мои помощники. А ты говоришь, что мы порочим тебя. Это твои заместители и помощники, из горадминистрации, показывали тебе фигушки из своих карманов. Я здесь не виновен, ты сам их подбирал.

Зла я на тебя Андрей Сергеевич никакого не держу, но работать с тобой стало невозможно. Ты всего боишься, мне не доверяешь, поэтому с тобой невозможно стало решить ни одного вопроса. Тебе нужно уйти тихо, мирно по «собственному желанию». Чего народ смешить. И это не только моё мнение.

- Мне уйти? Не дождёсь! - как никогда твёрдо, сообщил своё решение Гальцов.

- Тогда уйду я, поскольку считаю, что за свои проступки, как в городской парторганизации, так и в партии в целом вожди и рядовые коммунисты должны нести одинаковую ответственность. Потому что именно это зло не один раз уже приносило большой вред не только для партии, но и для государства, - сказал Брагин, развернулся и пошёл из горкома в коридор.

- Насильно никого не держим! Вольному - воля! - бросил вслед уходящему Брагину Гальцов.

Из коридора Брагин вошёл в редакцию, в которой в этот день никого из его помощников не было. Алла Алексеевна Бессонова, бухгалтер горкома и редакции болела. Валерий Николаевич Груднев, единственный и фактический заместитель Брагина по всем вопросам, уехал из города по своим делам.

Войдя в редакцию, Брагин не спеша прошёл к окну находящемуся за рабочим столом Аллы Алексеевны.

Ему невольно думалось о том, что более шести лет своей жизни отдал он городской парторганизации.

Много чего свершилось за эти шесть лет в его жизни хорошего. Тем не менее, ему вновь приходится уходить.

Конечно, чувств похожих на те, которые буквально разрывали его, когда он уходил из армии, сегодня он не испытывает.

Не ощущает он сегодня в себе и страха перед грядущим. Завтрашний день не страшит его.

Брагин, даже чувствовал какое-то облегчение, словно сбросил с себя очень тяжёлый и давно давивший его груз.

Стоя спиной к двери, слухом уловил, что дверь редакции немного приоткрылась. Из-за двери слышалось чьё-то топтание.

- «Наружка», - подумал Брагин. Но сегодня это не вызвало у него бывшего негодования, наоборот, тешило его. «Слабаки», - с чувством какого-то превосходства, не оборачиваясь, думал он о соглядатаях.

Через некоторое время редакционная дверь и вовсе открылась, кто-то вошёл в помещение и, открыв редакционный сейф, начал бесцеремонно в нём рыться.

Ключей от сейфа было три: один находился у Брагина, второй у Аллы Алексеевны, третий Брагин передал Гальцову, когда он вернулся в горком. И кто только не рылся теперь в сейфе у Брагина, пользуясь этим - третьим, гальцовским ключом.

Брагину не нравилось, что в сейфе, где кроме заведённых им дел с документами хранилась и редакционная казна, теперь роются все кому не лень. Поэтому обычно он возмущался в таких случаях. Но сегодня и это не вызвало в нем обычного раздражения, тем не менее, он оглянулся.

Юра Верстаков, один из главных сегодняшних помощников Гальцова, к которому Брагин относился нормально, что-то искал в его сейфе.

- Что нужно Юрий Петрович? - спросил Брагин.

- Нужно Постановление ЦК...

- Ищи в деле - руководящих, а не входящих - документов...

Найдя нужное, Верстаков направился было в обратную сторону, но Брагин попросил его задержаться.

Взяв чистый лист писчей бумаги, размашистым подчерком написал заявление Плениуму горкома партии, с просьбой своего освобождения от исполнения обязанностей секретаря горкома и редактора газеты, по собственному желанию.

После чего, положил, рядом со своим заявлением, все свои экземпляры ключей от сейфа, редакции и горкома.

- Незаменимых людей не бывает, так ведь, Юрий Петрович? Поэтому удач вам, но теперь уже без меня, - сказал Брагин и, обогнув Верстакова, первым направился к выходу.

- Да подожди ты, Иван Николаевич, ну что вы впрямь, как два медведя в одной берлоге.

- Нет, Юрий Петрович, так будет лучше, - решительно ответил Брагин и, пожав на прощание крепкую руку Верстакова, быстрым шагом вышел из редакции в общий коридор, а из него и вообще - из помещения.

Позднее Брагин узнал, что заявление его, как полагалось, не рассматривали. Вероятнее всего, Гальцов, прочитав его, порвал и выбросил в мусорное ведро. Сообщив на очередном партсобрании: «Брагин ушёл «по-английски», хлопнул дверью и ни с кем не попрощался!»

- Ну и ладно, пусть так и будет - сказал тогда Брагин.

СОН

(На «Марковом» поле)

Брагин в воинских доспехах времён Александра Невского: в металлическом шлеме, кольчуге, юфтовых сапогах, с мечом на правом боку (как левша) - на невыносимой жаре шёл в главе колонны абинских ополченцев по извилистой дороге, натопанной дикими животными, на «Марковом» поле - сам не зная, зачем и с какой целью.

Гальцов ехал туда же - на чёрном воронке, на некотором удалении, впереди своего боевого отряда.

На некотором же удалении от абинцев - параллельными тропами: кто многим впереди; кто, чуть приотстав - передвигались, туда же, колонны других угледорских городов и сельских районов...

Впереди всех - на обозримом не вооружёнными глазами расстоянии, во главе войска верхом на конях, в воинской экипировке (такой же, как и у Брагина) ехали три угледорских богатыря: В центре легко узнавался Данелов В.Г., справа от него - Гулина Э.В., слева - Оленина В.А.

Выехав на развилку трёх дорог - богатыри, остановив лошадей, некоторое время стояли молча, каждый в объятии своих дум. После чего разъехались в разные стороны:

Данелов лёгкой рысью поскакал по дороге, которая шла от перекрёстка прямо. Гулина галопом помчалась по дороге, которая отвернула от перекрёстка в правую сторону.

Конь Веры Александровны Олениной, после отъезда её «компаньонов», опустив голову к земле, долгое время продолжал стоять на месте, пощипывая придорожную травку, ожидая в какую сторону потянет поводья её наездница.

В конце-концов Вера Александровна определилась. Собравшись с силами, всхлипывая, потянула поводья в левую сторону и слегка прищпорила коня ногами.

Умная лошадь безмолвно подчинившись намерению своей хозяйки развернулась, как ей было приказано, шагом пошла по дороге, уходящей от перекрёстка в левую сторону.

Каждая из дорог, разошедшихся в разные стороны, вела к своему холму.

На холме, к которому шла дорога, по которой ехал Данелов, стояла огромная статуя Сталина, смотревшего в поле и курившего трубку.

На небольшом удалении от статуи, стояли около десятка современных краснотельных боевых вертолётов «чёрная акула» и «аллигатор», около десятка современных боевых танков. Не далеко от боевой техники стояли люди в камуфлированной форме одежды.

На холме, к которому мчалась Гулина, размещался огромный баннер с изображением Ельцина Б.Н. Лицо Президента было перекошено злой кричащей гримасой, а высоко поднятой над собой рукой, сжатой в кулак, он явно угрожал кому-то.

Под портретом Ельцина Б.Н. валялся таких же размеров разорванный в нескольких местах портрет Горбачёва М.С. Видимо размещавшийся на баннере в прежние времена.

На некотором расстоянии от баннера стоял глава администрации Угледорья Кадыров М.Н. рядом сидела на земле приличная группа шахтёров в рабочей одежде. Шахтёры, время от времени, стучали по земле касками, сопровождая свои действия кричалкой: «Оле, оле, оле - шахтёрам хуже всех...».

Баннер, обдуваемый со всех сторон ветрами, колыбался. От этого создавалось впечатление, что Ельцин размахивает кулаком.

На холме, к которому, еле передвигая ногами, шла лошадка Веры Олениной, на высоком постаменте стояла статуя Ленина, выполненная в человеческий рост. От этого Владимир Ильич издали казался очень маленьким.

Стоял он в кепке, распахнутом пиджаке, держа левую руку в кармане брюк. Сзади за Лениным виднелась фигура главного пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, который опустив свою голову почти на правое плечо Ленина, что-то нашептывал ему, в самое ухо.

Ленин, слушая писателя, молча следил за тем, что происходило в поле. И, по всей видимости, результаты обозреваемого его не очень устраивали.

Недалеко от композиции Ленина с Горьким находилась ещё одна статуя - Карла Маркса, который сидя за походным письменным столом, перерабатывал своё наследие человечеству - «Капитал». Некоторые страницы книги он перечёркивал полностью, некоторые - частично, делая какие-то пометки на полях забракованных листов.

Между Лениным и Карлом Марксом на земле стоял Зюганов и внимательно, почти не мигая глазами, смотрел на Ленина.

Недалеко виднелся вертолёт «МИ-8». На борту, которого большими синими буквами было написано «АЭРОФЛОТ», а на блистерах пассажирской кабины красными буквами «КПРФ». Тут же стояла небольшая группа людей с развёрнутыми транспарантами в руках. На одних транспарантах было написано «ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ»; на других «МИР, ТРУД, МАЙ», на третьих «СВОБОДУ ЛУИСУ КАРВОЛАНУ И АНЖЕЛЕДЭВИС».

Оленина медленно поднимаясь в гору, горько плакала от того, что когда-то сама себе давала клятву - не ходить разными дорогами с Кадыровым. И вот судьба-

злодейка, вынудила.

Брагин, шагавший уже который час по изнурительной жаре, изредка оглядывался на маршировавшую за собой колону абинского воинства. Казаки с дубинами и вилами на плечах плелись в самом конце колонны бесформенной партизанской толпой, отчего строй растягивался. Брагину время от времени приходилось покрикивать на отстающих, подавая команду: «Подтянись!»

Казакам не нравились не только покрикивания, но и та канитель, в которую Гальцов затолкал их силой. Поэтому они постоянно чем-то были недовольны и слегка бузили.

Немного не дойдя до развилки дорог, на которой богатыри разъехались в разные стороны, на небольшой тенистой полянке, Брагин увидел генерала Горигора в белой генеральской форме, сидевшего за отдельным столом, уставленным различными яствами, вином и фруктами.

Генерал узнал Брагина и вроде бы обрадовался их неожиданной встрече: «О, полковник Брагин, очень рад встрече! Подходи к столу, поговорим. Повсeday, хорошо ли тебя Родина встретила? Хорошо, хорошо, наслышан», - сказал он, громко хохотнув басом.

Брагин, ничего не ответив генералу, продолжал движение.

- Да подходи, не стесняйся: фруктов покушай, винца попей - устал ведь.

Да и хлопцам своим передыхай, они ведь устали. Вижу, кое-как ноги волочат. Делай своё дело, как делают его умные люди. К примеру вон в той берёзовой рожице, считай с самого утра, отдыхает отряд - по численности не меньший твоего. И ничего не случилось.

Брагин понимал, что генерал хотя и подсмеивался над ним, но, как всегда прав. В той рожице, на которую он указывал, отдыхал отряд угледорцев возглавляемый Юрием Воробьёвым. Сам Воробьёв, спрятавшись за большой кочкой, внимательно следил за ситуацией, разворачивающейся как в поле, так и на перекрёстке дорог; высчитывал - по какой дороге идут основные силы.

Отвернувшись от генерала, Брагин прошёл мимо него.

- Ах, он ещё и неуважение моей персоне выказывает, - пробасил генерал и проглотив мякоть с вишнёвой ягодки, косточкой плюнул в Брагина, словно выстрелил из пневматического ружья, сильно и метко. Косточка, словно пуля, догнала Брагина и, со звоном ударившись в шлем, разлетелась в разные стороны мелкими кусочками. После этого, пока Брагин не отошёл на недостижимое расстояние, генерал, так же метко, бросил в него персиковые косточки. Удар, которых чувствовался Брагиным и через броню.

При подходе к перекрёстку дорог абинцев быстрым походным маршем обогнали кондомичане они шли прямо - дорогой, по которой уехал Данелов.

Гальцов - выехав на перекрёсток дорог, повернул свою машину влево и поехал во след за Олениной. Преодолев значительную часть пути, когда глаза его непроизвольно начали закрываться от усталости, а голова «клевать» - в нём прозвучал внутренний голос и тут же дал о себе знать, своими излюбленными словами: «И всё же, в конце концов, Валентин будет прав!»

- А я, какой-никакой, но политик, - машинально продолжило высказанное внутренним голосом, его дремлющее сознание. После этого диалога, высвободился от обурившей дремоты и весь его организм. Тут же, со всей силы нажав на тормоза, он сбавил скорость,

развернулся и поехал в противоположную сторону.

Брагин, следуя за своим ведущим, начал поворачивать в обратную сторону и движение идущего за собой строя.

- Полковник предатель! На дыбу полковника, вилами заколоть его, суку! — закричали, притихшие было до этого, притомившиеся казаки, понявшие, что их движение пошло в противоположную сторону.

- Молчать, оканные! Видите, Гальцов развернулся и поехал в обратную сторону. Полковник ведёт вас точно по следу его колес, — обернувшись к смутьянам, зычно прокричала Алла Алексеевна, шедшая следом за Брагиным в форме восной медсестры времён Великой Отечественной войны: в сапогах, гимнастёрке, краснозвёздной солдатской пилотке, с медицинской сумкой на боку.

Нельзя сказать, что казаки бесприсловно слушались Аллу Алексеевну из уважения, нет, просто в силу своей распушенности каждый из них думал про себя: «Вдруг мне доведётся быть раненым, тогда обиженная Алла Алексеевна не пожелает делать мне перевязку, оказывать первую медицинскую помощь, а может быть и выносить с поля боя».

Начав движение в противоположную сторону, от первоначально выбранного, Гальцов, через некоторое время вновь заблудился и по инерции проехав дорогу по которой не так давно прошёл отряд кондомичан, ехал далсе, по дороге избранной Гулиной. Но когда его новая дорога начала круто браться вверх, его внутренний голос вновь пробудился и всё повторилось.

Когда отряд Гальцова впервые ехал в сторону холма, на котором стоял Ленин. Владимир Ильич оживился и начал приговаривать шедших в свою сторону пальцами рук, приговаривая: «Ну, ну.. идите, идите к нам. Это самая правильная дорога».

Горький, стоявший за спиной Ленина, торжествуя, радостно нащёптывал в ухо Ленина: «Вот видите Владимир Ильич, всё как я Вам и говорил: наше дело правое и живо в этих краях и вечно будет жить. Все к нам придут, вот увидите».

Когда же абинцы повернули в обратную сторону, Ленин, безмолвно заняв исходную позицию, глядел на изменившуюся картину с какой-то растерянностью.

Когда картина изменилась и во второй и в третий раз: «Болото!..» — крикнул Ленин вслед уходящим. После чего мельком взглянул на Карла Маркса, увидел, что и его дело обозримо вперёд не продвинулось, безнадежно махнув рукой, вновь засунул её в карман брюк, сказав при этом: «Если уж не везёт, то не везёт во всём».

- Владимир Ильич, это просто вакханалия какая-то, чистойшей воды вакханалия! И ради этого ушли лучшие наши годы? Обидно! — вновь прошептал Ленину Горький.

- А что это за воинство болтается в поле как дерьмо в проруби, и как долго оно будет мельтешить перед глазами, и к кому, в конце концов, прибьётся? — спросил Сталин у Данелова.

- Это абинцы, товарищ Сталин, главный у них там Гальцов. Вероятнее всего, они прибьются к нам. Но это будет не скоро. Водить их по одному месту он будет долго, как Моисей евреев, пока из них и из него самого вся дурь не выветрится.

- Если к нам придут то ладно, пусть кружат по полю как наши соколы в небе. Время у нас есть, подождём. А кто это сидит в белом мундире — Наполеон, что-

ли? — вновь спросил Сталин.

- Да нет, какой-то генерал из незадачной Украины, как международный наблюдатель, — сообщил Данелов.

Сталин поперхнулся и закашлялся.

- Дожили! — сказал он, оправившись от кашля.

- Дожили, — повторил сказанное вождем и Валентин

- А ты, Валентин, чего это за мой спиной прячешься, почему не наведёшь порядок в поле?

- Я, товарищ Сталин, там, вроде как персона «нон-грата», — смутившись, ответил Данелов.

- Выгнали тебя что-ли как дурного попа из церкви? — грозно спросил вождь.

- По определению — нет!

- А по сути?

- По сути — да! — ответил Данелов.

- В этом и беда твоя, Валентин; определений может быть много и разных, суть — одна! Народ тебя погнало а это что-то да значит!

- Да все они там, нос по ветру держат! — начал оправдываться Данелов.

- Запомни, всё живое на земле жмётся к сильной стороне. К примеру: плывёт в океане огромная хищница акула, а вокруг неё следует стая всякой мелкой рыбёшки. Стая живёт около акулы, кормится от неё.

Если акула захиреет и обессилит, то мелкота сожрёт её, своими маленькими хилыми зубами.

Поэтому с философской точки зрения не пустые слова звучат в пословице «Народ всегда прав».

Твоё дело, Валентин, заключалось в том, чтобы эта правота всегда была с тобой, на твоей стороне. А ты упустил её, сделал что-то так, что она ушла от тебя. Вот тебя и погнало. И нечего кого-то тут винить, кроме себя самого. Любуйся теперь на всю эту свистопляску.

И ещё, хочу напомнить тебе одну старую восточную мудрость: над драконом, лежащим на мели, смеются, потешаются и глумятся даже ракушки.

Понимаешь о чём речь? Разъясню: дракон — в прошлом грозный владыка всех морей и океанов, от одного только упоминания его имени раньше дрожали все жители морей и океанов. Ныне обессиливший он лежит на мели. И над ним потешаются и глумятся даже ракушки, которые раньше и рта не посмели бы открыть.

Есть о чём подумать и поразмышлять.

После маневров на «Марковом поле» Брагин оказался вдруг в здании абинской городской администрации. Он поднимался по ступенькам, на этаж где раньше размещался рабочий кабинет Гальцова. Раньше ему доводилось бывать здесь часто, но теперь зная, что Гальцов здесь давно уже не работает, он не знал зачем шёл туда.

При подходе к приёмной бывшего гальцовского кабинета, дверь его внезапно отворилась и из неё, улыбаясь, с распростёртыми руками на встречу Брагину вышел Клещев. В военном мундире времён Гражданской войны: в хромовых сапогах, галифе, гимнастёрке на выпуск, перетянутой портупеей по поясу и плечам, в большой белой овчинной папахе, заваленной на левый бок.

- Ну, наконец-то явился, — произнёс Клещев и принялся обнимать Брагина, как старого своего приятеля, с которым давно не виделся. — Мы тут, с генералом, заждались уже тебя в моём кабинете. Вот он мне в подарок преподнёс военный мундир. Я принял подарок с удовольствием, чего мудрствовать осободают — бери, бьют — беги, таковы мои жизненные принципы. Где мне хорошо

там и моя Родина. Сегодня здесь мне хорошо. Всё, что я хотел и чего долгие годы добивался, я получил.

Не нравлюсь я тебе в этом мундире? На Махно похож, как ты сам заметил. Так я и есть Махно, Нестор Иванович! — радостно произнёс Клещев и, отступив от Брагина на шаг, пошёл вокруг него с приплясом. Запел: «Любо братцы любо, любо братцы жить. С нашим атаманом не приходится тужить».

Ну ладно, нечего волка баснями кормить — заходи ко мне в кабинет, там тебя генерал ждёт. Он тебе, между прочим, подарочек тоже привёз, дорогой подарочек! — произнёс Клещев и, отступив немного в сторону, радушно предложил Брагину первым войти в кабинет.

Брагин отрицательно покачал головой, как бы сказав: «Нет, туда я не пойду».

- Чего так? — удивлённо спросил Клещев. — Он ведь твой начальник!

- Бывший! — ответил Брагин.

- Генералы, бывшими не бывают!

- Генералы, может быть, и не бывают, но начальники — бывают! — твёрдо стоял на своём Брагин.

- Ах, да — ты же у нас чистенький, не хочешь мараться о нас. Политика, друг мой, как я тебе не раз говорил, дело грязное. Все, кто занимается политикой, все в грязи по уши. Все, кто занимается политикой, время от времени предадут друг друга. Скольких я предал — не счесть... Теперь вот и ты Гальцова предал. Значит и ты стал наш.

- Я Гальцова не предавал. У меня с ним мнения разошлись по некоторым вопросам, поэтому я от него и ушёл, — сказал Брагин.

- Разошлись во мнениях? В этом и кроется суть предательства одного друга. Да наш ты теперь, наш, заходи.

Брагин вновь отрицательно качал головой.

- Интересная картина: генерал ему своё внимание оказывает, думает о нём, я ему внимание оказываю, думаю о нём. А он ломается как слобный пряник.

Да катись ты колесом, куда хочешь, на все четыре стороны. А куда ты хочешь, вновь на меткомбинате метлой махать? Иди, маши, маши, колы ты дурак такой. Со мной сразу пошёл бы, давным-давно сидел бы уже в тёплом кабинете, как я. А так иди, маши, маши.

Дурак, действительно дурак. Видел я дураков, но с таким встретился впервые, — завопил во всю глотку Клещев и неподдельно захохотал, хлопая руками себя по ногам, время от времени показывая указательными пальцами то одной, то другой руки на Брагина.

Брагину стало не по себе, он возненавидел Клещева всем своим существом и сознанием. Ему подумалось, что именно Клещев виноват во всех бедах, которые случились с ним за последние годы его жизни, так круто изменившие всю его жизнь. Отчего захотелось убить Клещева, и когда тот достиг наивысшей точки своего истерического смеха, Брагин со всей силы ударил его своей увесистой рукой.

После чего ощутил нестерпимую боль в руке, которой ударил Клещева...

...Брагин проснулся. Немного придя в себя, понял, что со всей силы ударил кулаком в стену и вероятно травмировал руку. Необходимо было подниматься с постели и оказывать себе первую медицинскую помощь, но делать этого не хотелось.

Поглаживая болевшую руку, он продолжал неподвижно лежать на своём ложе, думая: хорошо или плохо, что во всём увиденном только что, он участвовал лишь в своих сновидениях, а не в реальной жизни?

ЭПИЛОГ

Вновь начав работать на комбинате, работа его, как и прежде на этом огромном предприятии, была грязной и тяжёлой. Но теперь чувств какого-то дискомфорта в нём уже не было: «Работа как работа, не хуже многих других работ», — говорил он сам себе. Поскольку видел работавших рядом с собой людей, заслуживавших не меньшее уважение за свой труд, в сравнении с теми людьми, которые находились рядом с Брагиным, когда он служил в армии.

Поэтому всё в его жизни становилось нормальным за исключением того, что начало сдавать, как ему казалось, железное здоровье.

Ранней весной 2004 года он простудился, к тому же прострелило позвоночник по всей длине. Оделел везде проникающий радикулит: поясницу заклинило, судорогами начало тянуть ноги. Дальнейшее продолжение трудовой деятельности стало невозможным, вынужден был пойти на «больничный». В процессе медикаментозного лечения заболеваний, начали давить сбои сердце, печень, дыхание затруднилось.

Наступил момент, когда он начал думать о том, что жизнь его заканчивается. Врачи предложили ему сделать операцию.

Брагин согласился. После операции здоровье его пошло на поправку и через три недели он выписался из больницы. Придя домой узнал, что от сердечной недостаточности умер Гальцов.

- Надо же, — думал Брагин, — и тут судьба словно положила нас в разные чаши рычажных весов, определяя кому жить дальше, а кому умереть.

Отдавшись воспоминаниям, он начал перебирать в своей памяти запомнившиеся дни плодотворного своего сотрудничества с Андреем Сергеевичем, дни разрыва с ним.

Как-то сама собой пробежала в голове мысль, что всё же, после ухода с работы из городской администрации, Гальцову нужно было бы отойти от активной политической деятельности, от постоянной гонки, создать более щадящий режим для своего организма. Тогда, может быть, жизнь его продлилась бы ещё на какой-то срок.

Открыв свой фотоальбом Брагин начал внимательно рассматривать все имеющиеся фотографии на которых был запечатлён Гальцов.

На одной фотографии взгляд его направлен в сторону, с другой — строго смотрел прямо на Брагина. На третьей Гальцов явно позировал: куря сигарету, колечками выпускал из себя дым.

Со всех фотографий он скромно, как бы извиняясь за что-то, улыбался. А с фотографии, где выпускал кольцами дым, как бы говорил Брагину: «Ты хотел, чтобы я ушёл? Вот я и ушёл навсегда, делай теперь что хочешь».

- Нет, такого твоего ухода я никогда не желал. Поэтому сам ушёл от тебя, — ответил ему Брагин.

И отложив альбом, с некоторым раздражением бросил его на журнальный столик. После чего откинулся на спинку кресла, закрыв глаза, вновь начал рассуждать сам с собой.

«Гальцов умер, навсегда ушёл от нас. Умерло ли вместе с ним дело, которому он посвятил всю свою жизнь? Поднимет ли кто знамя выпавшее из его рук и понесёт ли его дальше?»

Если не разбросал Андрей Сергеевич всех своих знаменосцев по разным сторонам своей жизненной дороги, то знамя его кто-нибудь подхватит, если разбросал, то дело его обречено на гибель, вслед за ним.

Владимир РОМАНЧИН

«Несколько слов о прожитом. Родился в 1924 году в посёлке Юпитер Быструхенского сельсовета Кочковского района Новосибирской области. Россия вступила в новую жизнь, в посёлке осваивалась новая, коллективная форма хозяйствования на земле – коммуна.

Около десятка изб протянулись вдоль неторопливой речушки Карасук. Что в переводе с казахского означало «Чёрная вода». От этого посёлка по земле российской потянулся мой жизненный след...

Хотя и родился я у Чёрной воды, мальчишеские годы мои, скорее из-за детского оптимизма, не казались мне мрачными. В стране шло бурное хозяйственное и политическое переустройство: раскулачивание, изгнание лучшей сибирской части трудолюбивого кре-

стьянства в «Нарымскую глухомань», становление колхозов, оснащение сельскохозяйственного производства тракторами, молотилками, комбайнами уже советского производства – всё это происходило на моих глазах, наматывалось на мой клубок памяти.

Мои университеты начались с 8 лет - рисованием каракулей в тетрадах, сшитых отцом из старых газет. А закончились школой «ФЗО» угольщиков в городе Артёме (близ Владивостока), в начале войны.

Почти три года провёл в составе 22-й Гвардейской Сибирской (150-й Сталинской) добровольческой дивизии, наводчиком 76-ти миллиметровой пушки. От Подмоскovie (Ржево - Вяземской операции) с Калининским, а потом со 2-м Прибалтийским фронтом дошёл до Рижского взморья, «завоевал» две

медали «За отвагу» и орден «Красная звезда».

После войны прошёл ещё один «университет» - курсы «ТУС» при Ленинск-Кузнецком горном техникуме, что окончательно закрепило меня в шахтёрской профессии.

45 лет жизни отдал шахтёрскому труду, 23 – из них чисто подземных, на шахтах Ленинск-Кузнецкого рудника: горный мастер, помощник начальника участка.

С зарождением в угольной промышленности нового технического направления – шахтной автоматизации, практически с нуля начал развивать и внедрять этот вид механизации. Во многом облегчающий труд шахтёров: упразднилась армия мотористов и газозамерщиков, что позволило вывести из шахты женщин. На свой чуткий «нюх» автоматизация взяла контроль за шахтной

атмосферой.

Шахтная автоматизация развивалась так быстро, что обслуживающий персонал не успевал её осваивать...

С 1974 года три раза выходил на пенсию. Только выйду - глядь, пенсионный закон изменился, пенсия стала выше. Иду зарабатывать её. И так – пятнадцать лет...

Писать стихи начал на фронте. Чтоб сочинить строчку-другую, время можно выкроить везде и всегда. А вот с издательским делом труднее. Особенно, если работаешь на шахте. Но в периодической печати было опубликовано почти всё написанное, а это около десяти книг. Две из них: «Пушка на площади» и «Информация к размышлению» - изданы, третью - вы держите в руках, остальные ждут своей очереди». И так, стихи:

«О себе, о жизни, о судьбе»

25 августа 2012 года, на заседании прокопьевского клуба «Вдохновение», Юрий Иванович Мордвин, после прочтения нескольких своих стихотворений, рассказал случай десятилетней давности из своей жизни, связанный с днём заседания поэтического клуба: «Иду я, значит - ровно десять лет тому назад, 25 августа 2002 года, по городу Ленинску - Кузнецкому..., вижу, стоит на моём пути мужичонка «бомжеватого» вида и продаёт какие-то книги. Меня почему-то он заинтересовал: остановился, заинтересовался, что за книги он продаёт. Оказалось – свои. Купил одну, с авторской подписью... И так случилось, что привезя сборник домой, даже не заглянув в него, бросил его на полку в книжный шкаф. А тут, как-то, «попалась» мне в руки эта книжечка, начал листать: посмотрел подписанное, вспомнил то, что было связано с ней. Листаю дальше – стихи... Прочитал некоторые: А, стихи-то – хорошие!...» – с восклицанием закончил своё сообщение Юрий Иванович. После чего кратко рассказал, присутствовавшим об авторе и прочитал несколько его стихотворений.

Название сборника стихов: «О себе, о жизни, о судьбе», автор Владимир Романчин. Выпущен сборник в 2001 году в городе Кемерово (книга издана на средства и под редакцией автора, рисунки автора). В сборнике тиражом в 1000 экземпляров (формат 10/15 см., объём 115 страниц), опубликовано 88 стихотворений.

О себе

Порой серьёзно,
Порой с кокетством
Ловлю во взглядах –
Ах, интересно:
Шахтовый слесарь
Почти что с детства,
Какой дорогой пришёл ты к песням?

Узнал я рано в теснинах штреков
И тяжесть каски,
И грубость робы.
Без перерыва я четверть века

Внедрял железо в земной утробе.
А без железа с лопаты первой
И до последней,
Прикинь, не туго ль,
Шёл через мышцы, Шёл через нервы,
Шёл через жилы шахтёров уголь.

Болтов винтил я,
Должно быть, тонны.
Почётен труд тот,
Но не параден.
В машинном масле мои ладони,
На них донные следы от ссадин.
А мир подземный суров и тесен,
Душа в потёмках просила света.
Вот потому-то пою я песни,
Вот потому-то и стал поэтом.

Дорога

То широким полем,
То полого
На холмы избегая из низин,
Столбовая
Торная дорога
Тянется сквозь маревую синь.
Испокон веков
Неутомимо
Шли по ней
Кто духом был не нищ.
Мимо славы
И уюта мимо,
С жаждой всё изведать и постичь.

Обронив
За поворотом где-то
Расставанья лёгкую печаль,
Вешним днём
И я дорогой этой
Уходил в неведомую даль.
В небе надо мной,
И тих и ласков,
Ветер облака беспечно пас.
У меня с собой –
Лишь книжечка связка,
Да надежд
Нетронутый запас.

Путь лежал доступный и широкий,
Дальний горизонт –
Подать рукой. И казалось,

Вон за тем пригорком
Ждёт меня и счастье, и покой.
Но за ним свои открылись дали,
Прежних лучезарнее стократ.
И просторы их
Манили,
Звали
Синью, провожая взгляд.

А дорога – уже, всё
И круче.
Вот в камнях исчез последний след.
Шаг давно не твёрд,
И я измучен
Бременем тревог, забот
И лет.
О камня
В кровь избиты ноги,
И пылинки не поднять рукой.
Даль же всё зовёт!..

А той дорогой,
Что внизу петляет далеко
Уж другой мальчишка босоногий
Шестует бездумно и легко.
Так же он открыт
Для всех ненастий,
Так же скуден груз его,
Но взор
Жадно ищет
И приют, и счастье
В синеве вершин высоких гор.

Я могу не утруждаться боле.
Вздых надежды облегчает грудь.
Я смежаю веки.
Я доволен.
Я ему шепчу:
Счастливый путь!

К юбилею шахты

Шаги легки от утренней прохлады,
Ещё все спят, но в зареве восток,
И лишь гудит на шахте эстакада,
В вагоны льётся угольный поток.

Иду на смену улицей, что с детства
Как отчий дом, знакома и мила.
Она меня к отцовскому наследству,
Вот к этой шахте рано привела.

Земля Кузбасса, словно кладовая,
На ней, взгляните, сколько всюду шахт.
Но эта мне отнюдь не рядовая,
Она других дорожке во сто крат.

Здесь мной твердынь
немало взято с боем,
И штрек её главнейший, коренной
Стал коренною жизненной стезёю,
Дорогой к счастью, к славе трудовой.

В теснине лав и дни летели лавой
И вот виски снегов уже белей,
От всей души прими, моя родная,
Земной поклон в твой славный юбилей.

А воздух свеж от утренней прохлады,
Листвой играет лёгкий ветерок...
Гудит, гудит на шахте эстакада,
Рекой в вагоны льётся уголёк.
1982

Не парадокс особенной породы –
Такой уж жизнь вильнула колеёй:
Я жил мечтой о солнечных высотах,
А проработал в шахте, под землёй.

В холодных чунях да на босу ногу
Тицедушный, фэззошный паренёк
Взрызался в тесных лавах понемногу
В свою судьбу, как в крепкий уголёк.

Ломались стойки, рушилась порода,
От пота роба грубая сыра,
Зато махры затылка слаще мёда
Бывала после смены на горах.

День-изо-дня взвивая обороты,
Жил верою святою осиян,
Что маленький ручей,
в конечном счёте,
В большой впадает где-то океан.

И я горжусь шахтёрскою судьбою
На склоне лет, поверьте, неспроста:
Вершины, покорённые в забоях,
И есть моя большая высота.
1976

Крестьянин в землю покидал зерно.
И на войну угнал его владыка.
И там он пал. За слово лишь одно,
Что кем-то брошено во гнев
было диком.

Жену его рабыней увели
Рожать в плену детей
иностраных.

А старики по краю разбрелись.
Без очага. Без крова. И без пищи.
И мор пошёл по весам и лесам.
Свирепей битвы. И неволи плоче.
И кто тот бой затеял, сгинул сам,
Без почестей в сырую землю брошен.
Коль зло в разгуле, где ему предел?
Уж государство на два расколослось...
Вершится круг безумных, диких дел.
...А из зерна меж тем налился колос.
1962

РАЗДУМЬЕ

Так пришлось,
Что долгие недели
Жизнь моя была на волоске.
И теперь я всё ещё в постели,
Но уже от края вдалеке.
Начинаю чувствовать и мыслить
И тревожным думам в унисон —
Вон с берёзы пожелтевший листик
Облетел «неслышен, невесом».
Что же это он,
В разгар-то лета?
Всё объято нежной синевою,
Вдоволь росной влагой,
Вдоволь светом...
Или это всё не для него?

А у нас
Не так ли вот нелепо
Иногда вильнёт стезя судьбы?
Не спеша живём под ясным небом,
Не сутяжны, вроде, не скупы,
Доброты и замыслов в запасе,
Слов сердечных —
Непочатый край!
А стезя вильнёт,
И в одночасье —
Толи в ад,
А толи к богу в рай.
Люди в скорби упокоят тело.
Ну а с тем запасом — что тогда?
Словно груз разбитой каравеллы
Нерастраченным
Он канет навсегда...

Нет,
У жизни сквозь шипы и розы
Надо продираться торопясь,
Что бы,
Как вот этот лист берёзы,
Своего не сделав не упасть.

СВЕРСТНИКУ

Мы у друзей порой не замечаем
Ни сеть морщин, ни лет,
ни седину,
Лишь юбилей какой-то отмечаем,
Внезапно вскинем брови: ну и ну!
Ещё вчера мы были молодыми,
Судить брались о многом сгорая,
А жизнь вела нас тропами крутыми,
Увязнуть, не давая в мелочах.
Большой отчизны мизерная
частность,
Мы шпорили и души, и тела,
Свою соизмеряя сопричастность
Ко времени, к событиям, к делам.
По зову сердца становился каждый
То зодчим, то рабочим, то бойцом.
Бывало, мёрз и голодал, и страждал.
И смерть не раз смотрела нам в лицо.
Никто при том, однако, не стремился
Ни к золоту, ни к лавровому венцу.
Так что морщин нам незачем стыдиться
И седина, пожалуй, нам к лицу.

БЕЗУМСТВУ ХРАБРЫХ ОТКРОВЕНИЕ

(Раздумья у памятника героям
Гражданской)

Мчались кони бешено,
Кровенели зори
Седоки их спешны
На степном просторе.
Батраки, рабочие —
Трудовой народ...
Словно многооточие
Ставил пулемёт...

Пили кони карие
Взмученную воду.
Седоки их ярые
Не искали броду
Ни в дыму, ни в пламени,
Ни в большой беде.
Лишь круги багряные
Плыли по воде.

Ходят кони сытые.
По колено травы.
Седоки убитые
В главном были правы:
Для победы важной
Брода не найти.
Через смерть отважных
К ней лежат пути.

Тяжёл мой стих.
В нём нет изящных строчек.
И кружев нет,
Как и морских узлов.
И жизнь ему недалгую пророчат
Любители высокопарных слов.

Пресытившись изысканностью слога
Оракул от поэзии брюзжит:
И образы серы,
И рифмы плохи,
И голову от слова не кружит.

А я не для него сижу часами,
Ладонями в раздумье сжав виски.
Я мыслью тужусь
В поисках «Сезама»,
Открывшего б мне путь
К сердцам людским.

И не для сытых
Горы обходных
Перелопачиваю я житейских фраз.
Для обнищавших духом,
Для холодных.
Для охамевших.
Тут не до прикрас.

Ещё для тех,
Кто с отчего порога
Едва ступает на земной покат.
Кто рад без веры выпросить у Бога,
Да Бог и сам
Стал верой не богат.

Мой стих - метла.
И тут уж не до кружесв.
Он и топор,
Чтоб наводить мосты.
И острый плуг,
Что так насущно нужен,
Чтоб чёрствости распахивать пласты.

И колокол.
Чтоб звон его набатный
Будил окрест
Отзвучивость в сердцах.
Тут выпранных,
Фальшивых слов не надо.
Тут надо быть правдивым —
До конца.

И чтоб пробиться
К душам тем закрытым,
Да пусть простит Оракул мне грехи,
Я б не словами —
Глыбами гранита
На площадях выкладывал стихи.

Где синью гор Кузнецкий Алатау
Глядится в Томь,
В стремительный Тайдон,
В просторах нив,
В березняках кудрявых
Раздольно лёг Крапивинский район.

Я здесь не жил,
Но это притаёжье,
Другим местам признаю не в упрёк,
За много лет
И в сушь, и в бездорожье
Исколесил я вдоль и поперёк.

Где брал грибы,
Где ягоду, рыбацла,
Всё изучая на сотню вёрст окрест,
Был в дружбе здесь
Со многими удачлив,
И даже взял жену из этих мест.

А жизнь стучит всё посохом дорожным,
Глаза бегут с увала на увал,
И свой причал,
Последний и надёжный,
На склоне лет я здесь обосновал.

А синью гор Кузнецкий Алатау
Глядится в Томь,
В стремительный Тайдон.
В просторах нив,
В березняках кудрявых
Раздольно лёг Крапивинский район.

С ОТКРЫТЫХ ОГНЕВЫХ

Ах, сколько дряни нынче развелось!
Не где-то там,
А тут - вокруг и всюду.
Мы с ней сжились,
Пропахли ей насквозь,
И молимся:
Яви нам, Боже, чудо.
И молимся к стыду, ува, не все.
Иным ведь просто любо в этой жиже,
На ополённой жизненной стезе:
Хами, толкай, тяни —
Контора спишет...
И многое попуталось в цене.
Цинизм в почёте,
Искренность - в заgone...

А я - бунтарь,
Всё это - не по мне!
Я не хочу сживаться с этой вонью.
Не с теми я,
Кто чудя ждуют и ждуют.
И может быть на слишком сером фоне
Я слишком прям
И, может, слишком крут
И выгляжу как белая ворона.
Но я по ним —
С открытых огневых,
По охамевшим,
Вдрызг пропахших водкой,
Кто в зеркалах запутался кривых —
Стихом, статьёй...
И так — прямой наводкой.

А действию известно, есть всегда
Контрдействие —
Держитесь крепче в сёдлах!
И быют под дых,
И быют из-за угла.
И в спину быют!
Трусливо, нагло, подло.
А сколько равнодушия вокруг!
Удобней ведь - не знать,
Не лезть, не слышать...
Не разберёшь где враг,
А где твой друг.
И быют не только снизу,
Но и свыше.

А я держусь! Утрись лишь
И с плеча - то пьяницу,
А то ханжу, огрею.
И пусть в отместку вмажут, сгоряча:
Не струшу, не сожусь, не посерею!

ГОЛОВЫ НЕ СКЛОНИВ
ДО ПРЕДЕЛА

Дотлевала заря,
И казалось не зря
Воронь над высоткой кружило:
Так внезапно на нас
Навалилась в тот час
Вражья свора несметною силой.

Мы лежали в цепи,
Крепко зубы сцепив,
«Упереться» решив до предела.
Но под градом свинца,
Что свистел без конца,
Цепь редела, редела, редела...
И тогда политрук
Взял винтовку из рук,
Что ещё не совсем охладели:
Я, мол, как сознаю —
Чем нас меньше в строю,
Тем обширнее сектор обстрела.
И, отвагой героя,
Он нас поднял не зря:
Был наш натиск напорист, неистов.
А когда мы его предавали земле
Я себя сознал коммунистом.

Как морская волна,
откатилась война.
До неё, оглянься —
полстолетия.
И у бывших парней,
Что не сгибли на ней —
У детей уже взрослые дети.
Но опять, что-то мне
Как в тот час на войне,
Душу болью берedit тревога:
Пас не косят в бою,
А в партийном строю,
Оглянься, остаётся немного.
Кто ушёл за предел,
Кто как будто «прозрел»,
Задрожав от вороньего гая.
И, презрев эшафот,
Остаётся лишь тот,
Кто в орлянку с судьбой не играет.
И я с ними в строю
Как в открытом бою,
Головы не склонив до предела!
Ведь я как сознаю:
Чем нас меньше в строю,
Тем обширнее сектор обстрела.
1990

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Уходят маршевой колонной
В запас, в былое наши дни.
И смутно, неопределённо
Видны уже следы войны.
Где смерч боёв пронёсся рьяно,
Нет ни траншей, ни пепелищ.
Земли зарубцевались раны
И край порушенный не нищ.
По есть ещё следы, что в море
Бурлящей нови как в тени.
И только пристальному взору
Едва-едва видны они.
Вглядитесь в старческие руки,
В их боль и дрожь, что не унять,
Когда к чужим их тянет внукам,
Солдат давно погибших мать.
Вглядитесь в лица вдов солдатских,
В морщины горькие у рта.
Ведь что-то без отцовской ласки
Сложилось в детях их не так.
Когда в бреду с больничной койки
В атаку рвётся ветеран —
Ведь это тоже след тот горький,
Души не заживлённый шрам.
Пусть их всё меньше, судеб сырых,
И потому вдвойне, втройне
Зовут они ко бдению мира,
Вселяют ненависть к войне.
И долг святой наш веской фразой,
Отлитый в бронзу, в гипс и стих,
Призвав былое из запаса,
Набатным сделать голос их.
1970

Александр ТАНКОВ

Неизбежный град

Отрывки из фантастической повести

Солнце уже начинало садиться за городские постройки Брянска. А в энской части армии жизнь бурлила - шли учения.

Выслушав приказ командира танковой дивизии №177 подполковника Чижикова: «Погрузиться в грузовик ЗИЛ-131, с экипажем быстро добраться до полигона на окраине поселка Дятьково, пройти полосу препятствий на танке Т-84, поразить цель», - старший лейтенант Вяземский направился к выходу из командного пункта. На улице ему в глаза ударил яркий свет заходящего светила. Он заслонился рукой, поморщился и направился к грузовику.

Александр Вяземскому шел 31 год. Высокого роста, плечистый, с коротко стриженной, гордо посаженной головой старший лейтенант быстро шел по плацу. Прямой нос и квадратный подбородок выдавали в нём человека волевого, целеустремлённого.

В этой части он служил уже четвертый год.

«Солнце садится, успеть бы отстреляться до темноты», - отметил про себя Вяземский, подходя к автомобилю. Водительская дверка открылась, из кабины выглянул седоватый человек.

- Садитесь на пассажирское место, товарищ старший лейтенант, - сказал водитель.

Вяземский обошёл грузовик вокруг кузова, чтобы убедиться, весь ли экипаж в сборе.

- Экипаж танка 157 укомплектован? - спросил он.

- Так точно! - выкрикнул кто-то из состава.

- Можно отправляться товарищ ефрейтор, - объявил Вяземский, садясь в кабину.

Машина тронулась. Водитель был староват, и у него дёргался глаз, раньше Вяземский не видел этого водителя.

- Ваша фамилия? - поинтересовался старший лейтенант.

- Ефрейтор Соколов, - ответил водитель, не отводя глаз от дороги, на которой не прекращались ямы, где-то большие, где-то маленькие.

- Сколько вам лет, ефрейтор?

- Сорок три, - ответил водитель автомобиля.

- И всё служите?

- Так получилось, - тихо буркнул Соколов.

Вяземский глянул на небо: небо затягивалось чёрными тучами, подул ветер.

- Погода портится, - заметил Соколов - а ведь утром было безоблачно.

Машина свернула влево и, поднявшись на сопку, остановилась. Глазам открывалось большое поле, вдалеке маячили крыши деревеньки Дятьково. На поле было много препятствий: огромные кочки, глубокий ров, трасса заваленная деревьями, а вдали, на конце полосы препятствий стоял старый средний танк Т-28.

Вяземский обратил внимание на цель и, вспоминая годы учебы, отметил про себя: длина среднего танка Т-28 достигала 5.5 метров, а ширина 2.2 метра. В главной башне, расположенной в средней части, смонтировано 76,2-мм ору-

дие КТ-28 (или ПС-3) и два пулемета ДТ. Танк имел хорошую проходимость, обусловленную низким удельным давлением на грунт. Особенностью Т-28 являлось наличие трех вращающихся башен с вооружением. Этот танк и нужно будет поразить. Конечно, поразить такую цель будет несложно, потому что габариты этого танка больше Т-62.

Вяземский спрыгнул на землю, и постучал по кузову:

- Строиться, товарищи бойцы! - приказал Вяземский.

Из кузова начали выпрыгивать члены экипажа. Первым легко вымахнулся невысокий светловолосый сержант. Вторым - среднего роста полноватый рядовой. Третьим русоволосый высокий ефрейтор. Построились по росту, и старший лейтенант, достав бумажку из кармана, в которой были записаны фамилии, звания и место в танке, начал переключку, так как экипаж ему не был знаком.

- Рядовой Бубликов, водитель-механик танка Т-62, - прочёл Вяземский.

- Я! - вскрикнул тот самый полноватый боец.

- Сержант Суханов, наводчик танка Т-62.

- Я! - сказал тихо сержант Суханов.

Старший лейтенант окинул его взглядом из любопытства: почему так тихо отозвался и продолжил:

- Ефрейтор Силов, заряжающий танка Т-62

- Я! - выкрикнул ефрейтор.

- Товарищи бойцы, поставлена задача: пройти полосу препятствий на полигоне около поселка Дятьково на танке Т-62, поразить цель и вернуться с отчетом на базу. Всем ясно? - объяснил старший лейтенант.

- Так точно, товарищ командир! - гаркнул строй.

нул строй.

- Напра-во, к танку шаго-ом марш - сказал Вяземский и повел экипаж к танку с бортовым номером 157.

Подойдя к танку старший лейтенант снова припомнил когда-то заученное: «Этот танк вооружен 115-мм гладкоствольной пушкой У-5ТС, которая снабжена системой вентиляции ствола для выброса газов за борт танка и полностью стабилизирована как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскостях. Дальность стрельбы прямой наводкой составляет 4000 м. Спарено с пушкой установлен 7,62-мм пулемет ПКТ, его боекомплект 2500 патронов. Максимальная скорость танка достигала 50 км/ч. Масса 40 тонн.

По приказу Вяземского экипаж занял свои места в танке. Последним занял место в командирском люке и сам командир. Он скомандовал. Завёлся двигатель, водитель-механик наклонил два фрикциона, двигатель набрал обороты и танк сдвинулся с места, приподняв нос

- Рядовой Бубликов, - начал приказывать командир танка - первое препятствие ров.

- Так точно, товарищ командир, - ответил водитель-механик.

Танк прошёл на первой скорости очень аккуратно, водитель легко преодолел большие кочки.

Дальше ров. Наводчик, чтобы не повредить пушку, развернул башню на 180 градусов и до максимума поднял ствол вверх, потом танк аккуратно въехал в него и, благополучно пройдя препятствие, двинулся по заваленной деревьями дороге.

- Слева три ростовые на 30 градусов, - скомандовал Вяземский наводчику.

Сержант Суханов переключился на спаренный пулемёт и в течение 20 секунд по-

разил мишени. Машина, не притормозив, продолжала манёвры. Оставалось последняя задача: подойти к ежам, прицелиться в Т-28, который был на достаточно большом расстоянии от ежей и поразить цель. Танк подошёл к ежам.

- На 90 градусов танк. Бронейбойным, - чётко командовал старший лейтенант.

Наводчик произнёс: «Есть», - развернул башню и навёл прицел, заряжающий в это время загнал в патронник бронейбойный снаряд, наводчик выстрелил. От выстрела, на секунду затуманило дымом триплекс командира. Снаряд, как будто исчез. Вяземский присмотрелся: на цели ни царапины...

Вяземский, не поняв попали они или нет, вылез через люк и в бинокль внимательно осмотрел все вокруг среднего танка Т-28, не увидел воронки от взрыва снаряда. Затем осмотрел мишень. Никаких результатов...

Ему показалось, что перед Т-28 висит какая-то пузырящаяся сфера. Вокруг сферы летало облако пыли и пожухлой травы.

- Ефрейтор Силов, - ошарашенно сказал он, - зарядить фугасный снаряд, сержант Суханов, взять ниже на 5 градусов от цели... Огонь!

Наводчик выстрелил.

Снаряд прошёл ниже странной сферы. От взрыва переднюю часть Т-28 разнесло в клочья, а вместе с ним и сферу. Командир спустился внутрь танка.

- Что это было? - удивлённо протянул Бубликов.

- Перед целью была какая-то сфера, она будто пузырилась, я не понимаю, - рассказал Вяземский.

- Слушайте, может это чернобыльская аномалия, - медленно прошептал Силов, - если она проглотила снаряд, то значит это «Пузырь» - так её кличут стalkerы.

- Откуда вы знаете про стalkerов и про аномалии? - поинтересовался командир танка.

- Много о Зоне рассказал мой старший брат. Он оттуда вернулся домой целым и невредимым, к счастью.

- Ну, хорошо... про аномалию никому ни слова. Нам не поверят. Всем ясно, товарищи бойцы? - предупредил старший лейтенант.

- Так точно!

- Тогда, на исходную, - скомандовал Вяземский.

Водитель-механик отпустил левый фрикцион, а с помощью тормозного рычага и правого фрикциона развернул корпус танка влево и направил танк на стоянку.

Прибыв на место стоянки, экипаж построился около танка. Старший лейтенант, как положено по инструкции, провёл переключку. Экипаж танка вновь погрузился в кузов ЗИЛ-131. Вяземский вначале хотел сесть в кабину, но передумал и запрыгнул в кузов. Ему было интересно послушать о чернобыльской зоне.

Все, затаив дыхание, слушали ефрейтора Силова о том, что такое Зона, как в ней живут стalkerы и, что там в последнее время творится что-то не ладное, не понятное, вроде бы появился неизвест-

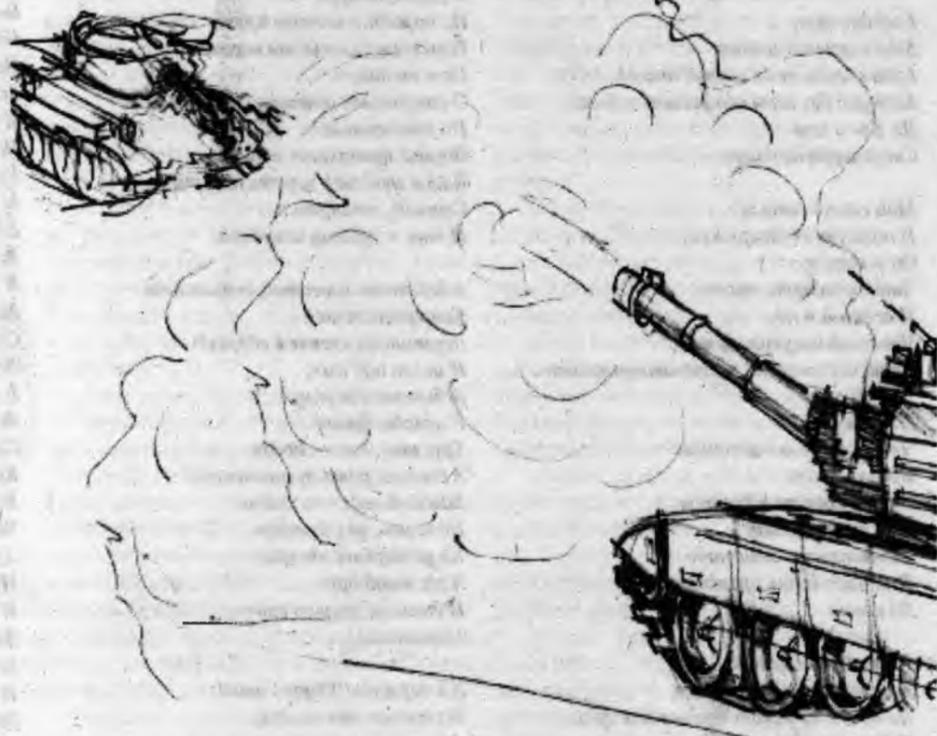

Рисунок Александра НОВИКОВА.

ный клан. Когда члены клана оказываются близко к сталкерам, то ПДА начинают пищать, как сумасшедшие.

ПДА их чувствует под названием клана «Неизбежный Град». При встрече с градовцами никто не выживает. И вроде бы достаточно выстрела из оружия этого клана, чтобы убить сразу пятерых людей.

Старший лейтенант сделал вид, что он не верит в эту мистику, однако в душе ему хотелось узнать разгадку, а её не было.

После прибытия на базу, и отчета, Вяземский вызвал к себе Силова. Ему было интересно услышать всё, что тот знает. Они проговорили всю ночь.

С тех пор «Неизбежный град» не выходил у него из головы. Вяземского мучил вопрос о происхождении аномалии. Как она появилась? Может «Неизбежный Град» ставит какие-то странные опыты?

Пронел год.

...Неожиданно Вяземский уволился из армии.

Вначале прокатился по стране и посетил родных и близких. Потом вернулся в Брянск, сам не зная зачем. Он направился в ресторан, чтобы за обедом подумать о жизни.

Ему подали меню, и он заказал очень большое количество блюд: цыпленка Табака, разные салаты, борщ по-украински и бутылку красного вина.

Ел Вяземский, не ощущая вкуса блюд, он размышлял о том, что произошло на полке пренятствий.

Вдруг у входа в ресторан увидел знакомое лицо. Александр узнал этого человека. Это был Силов.

Вяземский, встав из-за стола, пошёл на встречу.

- Ну, здравствуй, сфрейтор Силов, - с улыбкой сказал бывший старший лейтенант.

- Старший лейтенант! Какими судьбами? - удивился Силов.

Александр пригласил его за стол.

- Да вот уволился, решил побыть свободным человеком и подумать о жизни - ответил Вяземский - а ты дембель что ли?

- Да, меня демобилизовали, решил зайти и отметить хорошенечко, - начал Силов, - я, кстати, говорил по телефону с братом, и знаете, что он мне сказал насчет аномалии?

Силову подали меню, он выбрал себе рис с гуляшом, зелёный чай и кусочек ягодного торта. Разговор продолжился:

- Он сказал, что это был либо заблудившейся полтергейст, либо «Пузырь», но аномалия сама не создаётся, её создаст либо человек, либо выброс, - рассказывал Силов. - Кстати, товарищ старший лейтенант, можно я вас буду звать по имени

- Конечно, Алексей, давай на «ты» - ответил Вяземский и продолжил обедать.

Вскоре подали обед Силову.

- Может быть нашу аномалию создали из того самого клана? - с задумчивостью произнёс Вяземский.

- Возможно, а может и какой-нибудь левый сталкер-приколист.

- Я вот, что хочу сказать тебе, Алексей, - начал Вяземский, - генерал Гридобоев в той самой танковой дивизии №177, где мы служили, мой родной дядька. Так вот я слышал разговор его с военными, что существует какой-то Объект-260. Разработан он в 1945-1947 годах, выпуск ограничился шестью прототипами, произведённых в 1949 году. Пять таких танков разобрали, а вот последнего оставили. И именно 26 апреля 1986 года, этот танк испытывали на новой технике не далеко от Чернобыльской атомной электростанции. После взрыва о его судьбе ничего не известно.

Есть сведения, что этот танк стоит на исходной до сих пор. Говорят, что военные с вертолета видели в Зоне какой-то танк с уплощенной башней. Я думаю - это он.

Невероятная рикошетная броня этого

образца, так велика, что ни один современный танк не сможет её пробить в лоб. Помимо этого, он напичкан электроникой, лазерным дальномером, инфракрасным прицелом, системой автоматического заряжания босприпасов и еще много чем... Многие модели танков до сих пор не дошли до этого уровня. И наши военные не хотят, чтобы он достался кому-нибудь.

Так вот я думаю, сходить в Зону, найти и перегнать танк на военную площадку, куда можно будет вызвать вертолёт. Тот доставит Объект-260 в Брянск. Цена за сего находку 9 миллионов зеленых.

Силов поперхнулся от последних слов Александра:

- Ни хрена себе! - ахнул Алексей. - Конечно, цена бешенная. Но мне кажется здоровьё дорожж. Сам подумай, - танк под Чернобылем, следовательно, там полно радиации. Танк стальной, следовательно, он также заражён. А это нам верная смерть.

Хотя... Мне брат много рассказывал, как его вылечил какой-то болотный доктор, который живет на Кордоне Чернобыля, и у него есть медпрепараты от облучения.

- Я понимаю, - снова заговорил Вяземский, - радиация и прочее. У наших военных есть такие препараты Рад-Х. Я поговорю с дядей. Думаю, что они у нас будут. Есть идея распылить их внутри танка, - добавил Вяземский, - заодно мы можем что-то узнать про «Неизбежный Град».

Уже прогуливаясь по городу, они возобновили этот разговор.

- Мне брат много рассказывал о Зоне, и там всё не так просто, как кажется, - качнул головой Силов. - Страшные мутанты, которые готовы тебя сожрать, лихие головорезы, готовые раздеть тебя догола и пристрелить, военные....

- Ну, с военными все просто, друг мой. Гридобоев по связям своим договорится с местными военными, - успокоил он Силова - а возможно, мы сможем договориться с ними и о помощи.

Их не большая компания добралась до парка отдыха, где они присели на лавочку.

- Ну, хорошо уговорил.

- Раз ты согласен, то нужно будет подготовиться, - начал Вяземский, - я поговорю с дядей, а ты поговори с братом, что нам нужно для этого дела.

- Хорошо.

За неделю, они подготовились полностью. Александр договорился с генералом Гридобоевым, рассказав ему о цели своего путешествия, о помощи, получил препараты Рад-Х.

Старший брат Алексея вначале не хотел, чтобы его младшой пошёл в Зону, и там погиб. Пришлось рассказать всё, как есть, и брат с трудом, но согласился, правда с условием, что пойдёт с ними.

Наконец все было готово. Вяземский и Силов на черном рынке приобрели по пистолету Макарова. Бинты, аптечки, обезболивающие препараты были аккуратно упакованы в рюкзаки. Туда же втиснуты и консервы, паштеты, хлеб, минералка. Приобрели они и камуфляжные костюмы, бронешлемы, противогазы, а также приборы ночного видения. Выехать они решили на УАЗ-469 Вяземского. Оставалось только ждать дня выезда.

И вот он настал...

День отъезда выдался хороший. Светило солнце, пели скворцы. Нежно дул ветерок. Они договорились встретиться у входа в парк отдыха.

Вяземский забрал все деньги из дома, в рюкзак уложил еду, патроны, аптечки, медпрепараты. Упаковал костюм с противогазом от радиации с бронешлемом, и загрузил всё это в багажник машины УАЗ-469 цвета хаки. Выехал в назначенное время.

Около входа в парк на лавочке сидели братья Силовы. У их ног стояли внушительных размеров рюкзаки, на рюкзаках что-то длинное, закутанное в серое полотно.

Автомобиль подъехал к обочине около входа. Силовы загрузили в автомобиль свою поклажу. Старший брат Алексея протянул руку и представился: «Семён», затем он занял пассажирское место рядом с водителем, чтобы указывать дорогу, а младшему досталось заднее сиденье.

Перед выездом из города, Александр заскал на заправочную станцию, чтобы наполнить запасные канистры бензином.

Семен с Алексеем не были похожи. Силову старшему было около сорока лет. Невысокий, худой мужик был не очень разговорчивым. Было видно, что в душе сильно переживает из-за того, что опять придётся посетить страшные уголки зоны, да ещё с братом. Время от времени он поглаживал голову, па макушке которой не было волос, возможно от того, что он был под облучением.

Будущие сталкеры покинули город. Погода не менялась, по-прежнему светило солнце, почти не заметные облака плыли по бесконечному синему небу. За шесть часов быстрой езды, они проехали несколько поселков и наконец пересекли границу Украины.

За это время Вяземский и Семён познакомились поближе. Семён рассказал про свою жизнь в Зоне, сказал, что у него в Зоне была кличка «Кулак», потому что в ответ на оскорбление или обман, он, не раздумывая, был в челюсть. А кулак у него был очень тяжёлым.

Путники решили сделать остановку. Машина остановилась. Путешественники достали из рюкзаков паштет, намазали на хлеб, и принялись обедать, запивая чистой водой. Только Семён запивал еду водкой и не пьянел, что очень было удивительно для Вяземского.

- Чуть не забыл, тебе и Лёхе придётся кушать у одного торговца ПДА, без него вам ни как, - сказал Семен, доставая из кармана рюкзака не большой плоский, весь поцарапанный прибор, - тут есть всё, чтобы быть в курсе событий.

Он начал тыкать пальцем по экрану прибора, и показывать карту Зоны, список сталкеров на 50 метров, чат сталкер-одиночек, но правда сеть была недоступна пока, потому что ПДА сталкера находился не на территории Зоны. Вяземский и Алексей смотрели на экран, прожёвывая бутерброды.

После небольшой остановки, машина снова тронулась.

- Нам стоит взять для операции пару добровольцев, чтобы они прикрывали нас, - говорит Семён, - лучше всего одиночек.

- Это почему? - поинтересовался Александр.

- Потому, что нету у них ни долгов, ни обязанностей и без проблем согласятся идти с нами за оплату. Правда, вооружение у них не очень, либо пистолет, либо обрез дустволки.

Машина проехала первый поселок, который встретился на территории Украины, и тут Вяземский вспомнил:

- Вот чёрт! Я забыл про дядю. Он должен был мне передать диагностический прибор, на случай, если с танком что-то не так.

- Это ещё хорошо, что вспомнил, - начал успокаивать Алексей. - Сейчас у власти Горбачёв, перестраивает всё, потому что войсковым частям перестали выплачивать зарплату. Слышал, что под Киевом продают всё, что можно продать: и автоматы, и диагностические приборы, и всё, что душе угодно...

Вяземский успокоился. Ближе к вечеру в Кисеве на громадной барахолке мужики купили и диагностический прибор, и зашарканный автомат АКС 74, и даже

ящик с патронами у хилого солдата в потрепанном камуфляже.

Погрузив ящик, автомат и прибор в багажник автомобиля, Вяземский сказал:

- Темнеет, сейчас остановимся около какой-нибудь кафешки.

Доехали они до кафе, поужинали хорошенечко, и Семён предложил вести машину. Поначалу, Александр не соглашался, потому что Семён выпил, но Алексей защитил брата, сказав:

- Его даже две стопки не возьмут, надо бутылку, чтобы он начал заикаться.

Вяземский уступил место водителя. Но заснуть не мог, потому что в голове летали мысли: вдруг Семен заснёт, или не увидит попутную машину и врежется. Но всё же сон переборол его.

Семён же дорогу очень хорошо помнил и даже в темноте отменно ориентировался по лишь ему известным знакам.

...Наступило утро. Машина стояла у обочины старой и проросшей растениями дороги, рядом росли густым напором ивы, орешник, кусты тёрна, шиповник и какие-то деревья с черными большими, похожими на яблоки плодами. Подальше росли высокие дубы. Небо было затянуто густыми облаками. Где-то прояснились между облаками красные блики.

Александр начал просыпаться. Сквозь сон услышал обрывок разговора. Кто-то знакомым голосом сказал: «Я перед тобой в долгу».

Александр тут же пришёл в себя, окинул взглядом салон машины. На заднем сидении спит Алексей. Водительское место свободно, Семёна не было.

Александр вышел на улицу, начал искать Семена. Через мгновение из кустов вышел в не знакомом костюме тёмно-зеленого цвета Силов старший.

Увидев Семена, Александр сначала обрадовался, потом начал взволнованно поинтересовался:

- С кем ты говорил?

- Ты о чём? Тебе, наверное, показалось, - ответил, как будто ни чего не было, Семен.

- Я слышал фразу: «Я перед тобой в долгу», от которой и проснулся, - стоял на своем Александр.

- Да, я это сказал, но не кому-то, а своему бывшему другу, который мне оставил этот костюм ещё в Зоне, - начал рассказывать Семен, - напарники мы были не разлей вода! Всё время ходили вместе, но случилась так, что нашли мы артефакт «Золотая рыбка» и облучились большой дозой радиации. Поспешили к Болотному Доктору. Я был очень сильно облучен, а препараты у меня закончились. Доктор вколол мне препарат, после которого я заснул, а когда проснулся, Доктор передал мне, что напарник ушел. Ему было стыдно, что потратил все свои препараты на себя и мне не оставил. Он в уплату и оставил этот костюм. Больше я его не видел.

Вяземский с трудом поверил Семену, но все равно сомнения остались. Они пошли к багажнику машины, чтобы позавтракать. Впереди шел Силов, на задней части куртки была вышита надпись «Заря». Александр достал из своего рюкзака недоделанный паштет с хлебом и угостил Семена.

- Так мы ещё не приехали?... - осматриваясь, спросил Вяземский.

Семен от этих слов захохотал, от чего проснулся Алексей.

- Хочешь, чтобы ты сам ответил на свой вопрос? - сказал с какой-то загадочностью Семен. - Посмотри на знак перед машиной.

Вяземский зашагал к передней части автомобиля, почти у самого бампера стоял предупреждающий знак, на котором был изображен символ радиации. Александр перевел взгляд вдаль: дорога уходила вглубь тёмного леса. Он прошептал: «Вот она, Зона».

Владимир СТЯПИН

Стряпин Владимир Алексеевич родился в г.Осинники в 1959 году, где и проживает по настоящее время. В 1974г. поступил в Осинниковский горный техникум. После окончания служил в рядах СА в 1978-1980г.г. В 1981 году, окончив курсы горнорабочего очистного забоя, пошёл работать на шахту «Алардинская», где и отработал 27 лет. Ещё в молодые годы увлекался игрой на гитаре. Написал несколько песен. Но вплотную стихами увлёкся в 2008году, когда вышел на пенсию. В 2010г. выпустил свой сборник стихов под названием «Неизвестный поэт». В настоящее время готовит к выпуску второй сборник своих стихов.

Стихи Владимира Алексеевича публиковались на страницах газеты «Горняцкая солидарность» и осинниковской городской газеты «Время и жизнь».

СВЕЖЕЕ ДЫХАНИЕ

И лето люблю лишь за то, что есть дождь —
Живая легенда природы.
И капля на солнце блестит, словно брошь,
Слетая с небесного свода!

А дождик умоет деревья в лесу,
Траве луговой даст напитокся.
Подарит свою дождевую росу
И людям, и зверям, и птицам!

И детство по лужам помчит босиком,
Взорвутся веснушками брызги.
И радостный смех будет слышен кругом:
Такой он далёкий и близкий!

Мне нравится дождь после жаркого дня,
С собою несёт он прохладу.
Как нежные капли ласкают меня,
И дарят свой блеск мне в награду!

А после дождя расцветают кругом
Цветы, что обильно политы.
Приветствуют влажным своим лепестком
Прозрачные капли-софиты!

Раскинется радуга, словно венец
Своим разноцветным сияньем.
И двери откроет в тот дивный дворец,
Где свежее жизни дыханье!

ВАГОН В ПРОШЛОЕ

Приехал как-то на вокзал
И вышел сразу я к перрону.
Там в тупике вагон стоял,
Напомнив старую икону.

На вид невзрачен, неказист,
И пыль на окнах вместо шторок.
По дух его по детски чист.
И не простой он был, а скорый.

Вагон вдруг дёрнулся чуть-чуть
И, набирая дальше скорость,
Повёз меня в обратный путь,
Открыв мне в прошлое просторы.

Помчались годы за окном:
В войну играют там мальчишки.
И с автоматом за углом
Боец в коротеньких штанишках.

Мелькнула школа со двором,
Ребята в галстуках, как пламя.
И звон гитары над костром,
Что сохранила моя память.

Сквозь годы детства мчит вагон,
Сквозь годы юности пронесит.
И за окном опять перрон,
А за плечами уже осень.

Так пусть ещё кому-нибудь
Он путешествие подарит
В года, которых не вернуть,
Которых память не состарит!

ЛИСТЬЯ

Стихи, навеянные грустью,
Сухими листьями шуршат,
Что под ногами стайкой густо
С ветвей опавшие, лежат!

Иду по ним и вспоминаю
Свою историю судьбы.
И всей душою понимаю:
Они такие же, как мы!

Сначала были только почки.
Потом набухли, и уже
Вдруг появляются листочки,
Совсем невинные в душе!

Им жизнь-природа начертала
На плоти линии судьбы.
Чтоб жизнь их с самого начала
Была без боли, без беды!

Они питаются росой
И соком матушки-земли.
И вот уже своей красою
Прикосновенья ждут любви!

И шелестят друг другу листья,
И льёт признания река.
И только в грустный час затишь
Ждут дуновенье ветерка!

Но лето-жизнь прошла, и осень.
Уносит юность в небеса.
Желтеют листья. Нам же проседь,
Как белый снег на волоса!

Они как мы: рожденье, старость,
Увядший лист или росток.
Нас различает только малость:
Указан каждому свой срок!

НАКУКУЙ МНЕ, КУКУШКА

Как-то раз прилетела кукушка
И без страха со мной рядом села.
Я шепнул ей тихонько на ушко
Как дела? А она вдруг взлетела!

И усевшись на ветку в листочках,
Куковать мне года мои стала.
Только мне не нужна эта точка:
Сколько жить на земле мне осталось!

Накукуй мне лишь счастья глоточек,
Нежный запах цветущей сирени.
Распустившийся алый цветочек,
Или солнечный лучик осенний!

Накукуй мне лесные поляны.
И ещё золотые рассветы.
Над рекой голубые туманы.
На вопросы мои дай ответы!

Накукуй мне судьбу, словно сказку,
Где слуга я, и где повелитель.
Получал и дарил только ласку.
Накукуй ты мне счастья обитель!

ГЛАЗА

Глаза о многом говорят:
Они смеются, плачут, тают.
Меняют облик и наряд,
Но только блеск свой не теряют!

Когда смеются — видно всем,
Как счастья искорки сверкают.
И неподдельные совсем
В них блики солнышка играют!

Не спрятать их когда грустят,
Припустив немного веки.
И ждут, что может их простят
В том, что не делали вовеки!

Когда прищурены слегка,
Мы видим, что они лукавят.
И взгляд надменный, свысока
Определим без всяких правил!

А если выпала слеза,
То означает только это —
Росой душевною глаза
Умыты, словно солнцем лето!

Но нам важнее доброта,
Что из прекрасных глаз струится.
И разным цветом красота
Нам дарит светлый взгляд лучистый!

НЕГАДКИЙ УТЁНОК

Жила девчонка во дворе,
На вид невзрачная такая.
Несимпатична детворе,
На нрав спокойный невзирая.

Мальчишки дразнили её,
Ягой-старухой обзывали.
Не приглашал никто в кино
И никогда с ней не играли.

Потом уехала она.
Куда? Зачем? Никто не знает.
О ней забыла детвора,
И не о ней совсем мечтает.

Прошли года. Девчонка та
В родимый дом свой дверь открыла,
И ярким блеском красота
Мир окружающий затмила.

Мальчишки тоже подросли,
Бросая взгляды свои скромно
Подарок ей преподнесли —
Букет красивых роз огромный.

Но сердце девичье уже
Давно подарено другому.
Смятенье было на душе,
Что не вернуться им к былому.

Вот так бывает иногда,
Когда из гадкого утёнка,
Спустя какие-то года
Взлетает лебедем девчонка!

ДЕРЕВУШКА

Стоит деревня-деревушка,
От глаз укрывает лесок.
Одна осталась в ней избушка,
И из трубы идёт дымок!

А над протокой мостик ветхий —
Когда-то здесь была река.
В ней ива мыла свои ветки
И обнимала берега!

Забор, чернея, покосился
Из старых веток тополей.
А ведь когда-то здесь резвился
Весёлой трелью соловей!

Давно уж птицы улетели,
В хлеву коровы не мычат.
И куклы в детской колыбели
С глазами грустными молчат!

И лай собак уже не слышен,
Не видно женщины с ведром.
И только ветки спелых вишен
Напоминают о былом!

Стоит и плачет деревушка
По ветру ставнями стуча.
Осталась лишь одна избушка,
Но пусть не гаснет в ней свеча!

БУМАЖНЫЕ МЕЧТЫ

Я запускаю в небо самолётик,
Что сам сложил из листика тетрадки.
Пусть он в своём мерцающем полёте
Мои мечты несёт с собой украдкой.

Его подхватит в небе свежий ветер
И понесёт, как лёгкую пушинку.
И нет надёжней друга во всём свете,
Он сам найдёт к мечте моей тропинку.

В ручей весенний опускаю нежно
Меж айсбергов кораблик свой бумажный.
И к морю понесёт мою надежду
Сквозь шторм и бури парусник отважный.

И поплывут в невиданные страны
Мои мечты, что созданы любовью.
И будут рады солнцу и туману,
И у луны присядут в изголовье.

Мои мечты, что созданы бумагой
Пусть растворяются в небе звёздной пылью.
Их мысль в душе пропитана отвагой,
И может быть когда-то станут бьялью.

Бумажный мир хоть и недолговечен,
Податливый огню и пенной влаге.
Но в памяти моей он будет вечен:
Кораблик-самолётик из бумаги!

МОЯ СИБИРЬ

Сибирь, Сибирь - могучий край,
Богатство глазом не измерить.
Для жизни место выбирай,
Лишь надо в дух её поверить.

Любовь ГУЛЯЕВА

Раздумья о прожитом

Как-то так случилось, что, дожив до солидного возраста, захотелось рассказать о своих корнях, родителях, близких родственниках и о своём прожитом со страниц печатного органа.

Родилась я 15 мая 1937 года в селе Усяты Прокопьевского района Кемеровской области, в рабоче-крестьянской семье.

Отец мой — Николай Романович — был выходцем из переселенческой «россейской» семьи, которая пересекла в Сибирь из Орловской губернии (села Протасово) в 1908/1909 годах, во времена строительства Транссибирской железной дороги, как теперь говорят — «Столыпинских реформ». Во время этого переезда, который длился более года, в дороге и родился мой отец, день рождения отмечал в весенний Николин день (Николу), то есть 22 мая.

ГУЛЯЕВЫ из Орловщины «снялись» всем своим кланом, вместе с ними переселились в Сибирь и другие рода (фамилии), но я знаю только, что вместе с ними приехали ЖДАНОВЫ, поскольку жена деда Романа, Мария Никаноровна, мать моего отца и моя бабушка, в девичестве имела фамилию Жданова. Ждановых в семье моих родителей считали близкими родственниками. Мы с ними роднились.

Что послужило поводом в то далёкое время для принятия столь радикального решения на изменение своей личной жизни большого числа людей, доподлинно мне неизвестно. Но, как понимаю: либо были невыносимые жизненные условия по прежнему месту жительства (в регионах центральной России), либо мощная агитационно-пропагандистская обработка людей, попросту говоря «оболванивание» на государственном уровне. Поскольку особых льгот и особого улучшения своей личной жизни переселенцы не получили, а горя и мук в процессе переселения им досталось немало. Многие умирали в дороге, а другие сразу после переезда в Сибирь. Умерла и наша бабушка.

С государственной точки зрения мне всё понятно: нужно было строить Транссиб, нужно было заселять сибирские территории. Простые люди, кроме мучений и головной боли, больше ничего не получили. Поэтому поступок моих предков, решивших улучшить свою жизнь таким образом, просто не укладывается в моей голове.

Старшим из Гуляевых (имею в виду родительскую семью своего отца) был Иван Григорьевич, отец моего деда в прошлом работавший сельским учителем. Вместе с ним приехали все его взрослые дети со своими семьями: Василий, Роман, Арина и Наталья.

На момент переезда прадед Иван Григорьевич был уже стар, поэтому сторонником и инициатором переезда не являлся; поехал в столь дальний путь против своего желания лишь потому, что снялись с родного и насиженного места его дети. На Орловщине был и есть в настоящее время населённый пункт с названием, похожим на нашу фамилию «ГУЛЯЕВО».

Дед мой, Роман Иванович, родился в 1869 году в Орловской губернии. Он, как и его брат и сёстры, был грамотным и мастеровым человеком, много чего знал и умел делать. В молодые годы какое-то время жил в Донбассе, в городе Горловка, трудился на руднике.

Роман Иванович ГУЛЯЕВ

Имея свою кузницу, работая с металлом, дед мог изготовить любой сельскохозяйственный инвентарь того времени: соху, конный плужок, сенокосилку, телегу и сани, и так далее. Умел делать и любые нехитрые бытовые приборы того времени: самовары, чайники, вёдра. Само собой разумеется, дед умел ремонтировать всё то, что умел делать.

Семья деда Романа по тем временам была небольшая, кроме моего отца у него было ещё три дочери: Татьяна, Наталья и Анна. Большого земельного надела по переезду в Сибирь дед не получил, как и остальные переселенцы, поэтому большими сельскохозяйственными работами семья его не занималась; жили с небольшим приусадебным огородиком и хозяйством, а также на средства, заработанные дедами в кузнице. По местным меркам семья деда Романа жила небогато, имела одну лошадинку «карюху», да одну коровёнку «пеструху». По приезду в Сибирь (в село Усяты) дед Роман и всё его семейство жили какое-то время в заречных Усятах на Орловской улице (ныне район Воробьёвской и Тихорецкой улиц). Некоторое время спустя он перебрался на Пимушкин мысок, где ему было удобнее заниматься кузнечным ремеслом.

По характеру дед Роман был крутой и своенравный, даже детей своих и внуков он любил по-разному. Из детей выделял сына, то есть моего отца; а из внуков — сына своего сына, то есть моего старшего брата Виктора. В связи с этим он придумал даже загадку: «Сын с сыном, отец с сыном и дедушка с внуком — сколько человек?» Не сведущий человек скажет: шестеро, а по задумкам деда — трое.

Что ещё хотелось бы сказать про деда Романа: несмотря на то, что понятия «зажиточный» или «богатый» к нему не применимы по своей сути, тем не менее с началом эпохи раскулачивания в селе Усяты в 1927/1928-м годах дед Роман вместе с оставшимися при нём детьми (Натальей и Николаем) в числе первых (если не первыми), был включён в список раскулачиваемых селян — лишенцев гражданских прав.

Причиной столь жестокого решения местного сельсовета явилось то, что дед в своей индивидуальной трудовой деятельности использовал наёмного работника (глухонемого дальнего своего родственника, работавшего у него в кузнице молотобойцем), фактически являвшегося компаньоном деда с давних пор. Работать вместе они начали ещё в Донбассе, с тех пор и жили одной семьёй (то есть, глухонемой молотобойцей — жил в доме деда Романа, на правах члена его семьи).

Роман Иванович не пошёл против влияния нового времени: прежде всего, он официально разделил своё хозяйство (кузницу) с глухонемым своим работником, после чего свою оставшуюся часть передал в образовавшийся колхоз и сам устроился туда работать. Позднее, продав свой дом, переселился жить на Смычку, затем на Голубевку, с семьёй моих родителей вновь вернулся в Усяты.

Первого марта 1929 года дед Роман и члены его семьи были восстановлены в гражданских правах и вычеркнуты из списков раскулачиваемых.

Умер дед Роман в 1939 году, за два года до начала войны.

Сестра деда — Арина Ивановна, на жи-

Николай Романович ГУЛЯЕВ.

тельство поселилась в деревню Шарап Прокопьевского района, замужем она была за дальним родственником или однофамильцем — Гуляевым Дмитрием, у них было два сына и дочь. Старший сын, Иван Дмитриевич, выучился и стал лётчиком, лётчиком же воевал на фронтах Великой Отечественной войны, погиб в 1956 году во время венгерских событий.

По преданиям самолёты авиационного полка, дислоцировавшегося в прибалтийском городе Тарту, в котором служил Иван Дмитриевич, взлетели с аэродрома города Тарту (всем своим составом), взяли курс на Будапешт. Но на венгерскую землю ни один из наших самолётов не приземлился. В числе погибших оказался и боевой лёт-

чик, прошедший через горнило Великой Отечественной, Иван Дмитриевич Гуляев.

Сестра деда — Наталья Ивановна, жила в селе Усятском. Её потомки сплелись с ветвями усятских Манаховых и Афонинных и ушли в их рода.

Брат деда — Василий Иванович, как и мой дед, по тем временам являлся технически грамотным человеком. Поселившись на жительство в селе Прокопьевском, он работал в угольной отрасли: строил будущую шахту «Коксовая», был одним из первых её главных механиков. В тридцатые годы либо в силу нависшей над ним угрозы ареста, либо как высококвалифицированный специалист в угольной отрасли переехал на работу и жительство в Киргизию в город Фрунзе (ныне Бишкек), там его семья и осела. Сам же Василий Иванович, незадолго до начала Великой Отечественной войны приехал в Прокопьевск, умер здесь, похоронен на Усятском кладбище (рядом с братом Романом Ивановичем и сестрой Натальей Ивановной).

Мама моя — Евдокия Игнатьевна — родилась в селе Усяты 14 августа 1912 года. Родом она была из семьи местных старожилов Брагиных, род которых берёт своё начало от кузнечного служилого человека (конного казака) Брагина Василия Игнатьева, присланного в Кузнецк в 1642 году из Москвы.

Семья родителей мамы, в отличие от семьи моего отца, в основном занималась крестьянским трудом: хлебопашеством и животноводством. По современным меркам жили они хотя и не очень богато, но и не бедно; имели приличный земельный надел в районе нынешнего посёлка «Школьный», до десятка своих лошадей, несколько десятков коров с телятами, овец, домашнюю птицу. Поэтому продукты питания (хлеб, мясо, молоко, яйца) у них были свои. Все члены семьи родителей мамы работали на своём хозяйстве ежедневно с утра до поздней ночи. Мужчины трудились на поле: это вспашка земли, сев зерновых, уборка урожая, обработка зерна, помол его на муку, заготовка сена, дров и так далее. Женщины работали по дому: варили, стряпали, пекли, стирали бельё, обшивали всех и так далее.

Одежду шили в основном из льна, который также выращивали и обрабатывали сами, потом из обработанного льна ткали полотна.

Обувь тоже шили сами из обработанной кожи домашних животных: для мужчин — сапоги; для женщин — черки, тапочки, ботиночки.

Зимой ходили в валенках и тулупах,

так же своего изготовления.

Отец мамы — Игнатий Павлович, родился в 1867 году в селе Усыты, умер, как и дед Роман, в 1939 году. Со слов мамы по складу характера он был добродушным и слабохарактерным человеком. В молодые годы при заготовке леса ему перебило ноги, так с тех пор он был инвалидом, сильно хромотал, инвалидом он прожил большую часть своей жизни.

Мать мамы — Капиталина Григорьевна (в девичестве Самаковская) — была на шесть лет моложе своего мужа, в отличие от него проявила себя волевой и строгой женщиной. Пережила своего мужа почти на двадцать лет. Когда бабушка осталась одна, то жила попеременно — то у одного сына или дочери, то у другого. Я запомнила её, когда она жила у нас: очень строгая, но

Евдокия Игнатьевна ГУЛЯЕВА

добрая и справедливая; ко всем своим внукам относилась одинаково, всех любила.

У деда Игнатия с бабушкой Капиталиной была большая семья — пять сыновей и три дочери (Татьяна, Александр, Яков, Евгений, Андрей, Алексей, Евдокия — моя мать, и Макар).

Фактически до начала коллективизации (начало 1930-х годов) дед Игнатий и бабушка Капиталина жили одной большой семьёй с семьями своих сыновей, дочери по мере выхода замуж из родительского дома ушли. После начала коллективизации каждый из сыновей, отделившись от отца, начал жить самостоятельно. Угроза раскулачивания нависала над семьями Якова Игнатьевича и Евгения Игнатьевича, но обошла их. Семья же Александры Игнатьевны (Бычковой по мужу) испытала на себе все тяготы этого позорного в истории нашей страны явления, была сослана в Нарым и ровно двадцать лет несла на себе всю тяжесть раскулаченных.

Мой отец был старше моей мамы на три года, он любил маму с детства, дома их родителей находились по соседству друг от друга, и они часто виделись. Мама отца тоже любила. Она была весёлая, шустрая и красивая.

Поженились они, не получив согласия маминых родителей, поскольку те не считали достойным женихом для своей младшей дочери маминого избранника (из бедной семьи, да — «россейский»). Тем не менее, перейдя жить в дом деда Романа, мама с отцом жили в любви и согласии. Вместе ходили в кино, на спектакли, на молодёжные вечера отдыхали...

В начале 1930-х годов, когда у моих родителей родился первый сын Виктор, отца призвали на действительную (срочную) военную службу в Красную армию. Прослужил он на «действительной службе» в армии почти два года. После возвращения отца со службы в 1934 году родилась моя старшая сестра Нина, в 1937 году — я (Люба), а в 1940 году — Юра.

В начале июля 1941 года, менее чем через месяц после начала Великой Отечественной войны, отца повторно призвали на военную службу и после краткосрочной военной подготовки в городе Ачинске Красноярского края отправили под Благовещенск в восточную группировку войск Красной армии, дислоцированную там для сдерживания японской миллионной Квантунской армии.

В 1942 году воинскую часть, в которой служил отец, перебросили на Северо-Западный фронт под Старую Руссу. Отец был зачислен шофёром одного из сапёрных батальонов фронта. При прокладке фронтовых дорог в процессе разминирования минного поля он подорвался на вражеской противопехотной мине. Взрывом ему оторвало ступню левой ноги.

При операции ноги в медсанбате больная его нога подверглась дальнейшему «укорачиванию» по колено, ампутации оставшейся раздробленной и воспалённой части голени.

После операции на протяжении нескольких месяцев отец находился на излечении в различных военных госпиталях. Постепенно перемещаясь на санитарных поездах всё далее и далее в восточную часть страны, приехал в Сибирь. А во второй половине осени 1943 года санитарный же поезд привёз его в Прокопьевск на окончательное «долечивание» в одном из госпиталей города Сталинск...

После возвращения отца с войны в 1944 году родилась Зоя, а в 1951 году родился Толя. В конце 1940-х годов мама заболела, у неё появились проблемы с опорно-двигательными органами, начали плохо передвигаться ноги. Лечение домашними методами прогревом и пропаркой, в том числе и в санаторно-курортных условиях, положительных результатов не давали. К 1952 году ноги у неё полностью отнялись, кроме того участились приступы судорог ног. Три года, почти безвыездно, мама пролежала в прокопьевской «Белой» городской больнице. В начальный период её заболевания продолжительное время врачи не могли поставить точный диагноз её болезни. Но всё же, в конце концов, пригласив для консультаций опытных нейрохирургов из Томска и Москвы, поставили диагноз. Причиной болезни, попросту говоря, являлась закупорка и пережатие нервных окончаний в канале спинного мозга. «Без хирургического вмешательства не обойтись», — решили врачи. Мама, не колеблясь, согласилась на сложнейшую и уникальную операцию. Для вскрытия канала спинного мозга ей по всей длине (со стороны спины) позвоночник полностью разрешили и, удалив из него болезнетворные образования, разрезанные зашили... Операция, проводимая под руководством опытного прокопьевского хирурга, профессора Никифорова Михаила Ивановича, длилась более шести часов, в итоге оказалась успешной. В скором времени после операции у мамы появилась чувствительность нижних конечностей, начали шевелиться пальцы ног, а ещё немного позднее и сами ноги. Какое-то время спустя она начала подниматься на ноги, а затем и понемногу ходить.

В то время, когда здоровье мамы пошло на поправку, сильно заболел отец. После возвращения с войны в его организме начались расстройства защитных систем, прежде всего, иммунной, развился сахарный диабет. Простудное воспаление лёгких у него в кратчайший срок переросло в туберкулёз.

Получилось так, что выписанную из «Белой» больницы маму на окончательное долечивание привезли домой, а отца буквально на следующий день увезли в туберкулёзную больницу на «Изопронункте», вскоре там он умер. Случилось это пятого июля 1956 года, когда отцу было всего — на всего 47 лет.

После смерти отца мама, ещё окончательно не выздоровевшая, осталась одна с шестью детьми. Прожила она 83 года (умерла в 1995 году), почти на сорок лет пережив отца. Хочется сказать о ней ещё то, что, так случилось, ей даже начального образования получить не удалось, она была совершенно безграмотная, читать и писать не умела. Но смогла привить нам, своим детям, такие черты характера как честность, доброта, целеустремлённость, самостоятельность, умение преодолевать трудности, необходимость учёбы и образования в жизни. Поэтому пятеро из нас, её детей, в своё время получили высшее образование...

Об отце хочется сказать ещё то, что, несмотря на свою малую образованность (имел он всего лишь начальное, трёх- или четырёх-классное, образование), в своё время он считался человеком грамотным, хорошо разбирающимся в технике, автомобилях и прочем... Фактически, с 1934 года (с одним перерывом на время службы в армии) работал он на одном и том же предприятии — Прокопьевском хлебозаводе № 1. Был и токарем, и слесарем, и шофёром, и завгаром (в послевоенное время).

В начале 1950-х годов, когда перед хлебулочной отраслью пищевой промышленности встал вопрос о необходимости изготовления машины (механизма, устройства) для выпуска штучного хлеба, то есть, для выпуска булок хлеба одинаковой килограммовой массы, чтобы исключить из производственного процесса постоянные взвешивания и перевешивания булок хлеба... Отец взялся за это дело, и в условиях

но... При этом маме вручили швейную машинку как ценный подарок и денежные премии за внедрение в производство тестоделителя (деньги дважды пересылались по почте денежными переводами).

Отец мой в своём окружении пользовался большим авторитетом, поэтому на его похоронах присутствовало так много людей...

Теперь о моих братьях, сёстрах и о себе. Старшим из нас, детей наших родителей, являлся брат Виктор, родившийся в 1931 году.

В детстве он был очень опрятным и умным мальчиком, самостоятельным и строгим в отношении нас, младших его сестёр и братьев, в то же время сам был озорным. Властные и командные черты характера, мне думается, привил ему ещё дед Роман, поскольку из всего своего окружения и всех внуков Виктора он выделял особо, не позволял даже маме наказывать своего сына за его проступки и различные детские шалости.

Так по жизни у Виктора и пошло; все его любили, все всё ему прощали... Тем не менее, всеобщая любовь родственников, его не испортила. Несмотря на то, что он командовал всеми нами и «строжился» над всеми нами, сам же во всех домашних делах работал в полную силу наравне со всеми.

Окончив среднюю школу Виктор пытался поступить учиться в военное училище, был направлен туда, но в дороге, когда ехал в училище, в поезде простудился, поэтому, не пройдя по состоянию здоровья медицинский осмотр комиссии, вернулся домой и в тот же год поступил учиться в городе Сталинске в Сибирский металлургический институт (СМИ), на электромеханическое отделение горного факультета. Окончив институт, он начал работать на должностях горных инженеров-механиков на шахтах городов Прокопьевска, Киселёвска и Новокузнецка. Через непродолжительное время после окончания института начал работать в должности главного механика шахты.

В 1972 году; в начале осени вечером пешком возвращаясь из Усыт от мамы к себе домой в город Киселёвск, он погиб при невыясненных обстоятельствах буквально в ста метрах от Усытского железнодорожного переезда. На момент смерти Виктору только-только исполнился 41

Виктор Николаевич ГУЛЯЕВ.

производственной базы Хлебозавода по его расчётам был изготовлен первый (опытный) экземпляр «Тестоделителя», который позднее — в 1959 году, через три года после смерти отца, был запатентован и оформлен как изобретение, получившее название «Тестоделитель «Кузбасс». Но имя моего отца в списке изобретателей, конструкторов и разработчиков этой «машины», использовавшейся также за пределами Кузбасса, прославлявшей Кузбасс, не назва-

год, работал он до своей смерти главным механиком шахты «Суртаиха» в городе Киселёвске.

До сих пор моя душа болит о преждевременной кончине моего старшего брата. И не только от того, что в причине его неестественной смерти правоохранительные органы так и не разобрались, а виновных так и не нашли и не наказали, а от того, что я очень любила Виктора, как своего старшего брата.

Старшая сестра НИНА (по мужу Ощепкова), родилась на три года позднее Виктора в 1934 году.

В жизни нашей родительской семьи так случилось, что на годы взросления Нины, на неё и её маленькие плечи выпали самые тяжёлые послевоенные времена, когда мама и отец начали болеть, когда мама лежала в больнице, когда отец умер, а мы с Виктором учились в институтах. Поэтому окончив семь классов (в то время неполное среднее образование), дальше учиться ей, возможности не представилось, она устроилась на работу лаборантом на Мелькомбинат и взвалила на себя большую часть всех домашних дел...

В настоящее время она, как и все мы — пенсионер, вдова — живёт в родных наших Усятах.

Младший брат Юра родился в 1940 году. Своим рождением он, как бы — произвольно, разделил всех нас, детей наших родителей на довоенных и послевоенных детей, которые были рождены после возвращения отца с войны.

Юра, в детстве был обыкновенным мальчиком, учился посредственно, любил играть на улице со своими многочисленными друзьями, сверстниками. Не в пример свосму старшему брату рос он неопытным, после игры на улице почти всегда приходил домой грязным, за это, часто наказывался родителями а особенно братом Виктором. Тем не менее, с детских лет Юра отличался своим твёрдым характером, смелостью, самоуверенностью, и в то же время — добротой души.

В 1954 году окончив семь классов в школе, он поступил учиться в Кислёвский горный техникум, некоторое время спустя перевёлся в город Прокопьевск. Окончив горный техникум в 1958 году, три года отработал на гидрошахте «Красногорская» забойщиком и горным мастером. В 1961 году поступил учиться в Ленинградский горный институт имени Плеханова.

Окончив институт, вернулся в Прокопьевск и вновь работал на гидрошахте «Красногорская», но уже механиком участка.

В конце первой половины 1970-х годов, опять пошёл учиться в свой родной институт, на этот раз в аспирантуру. Окон-

чив аспирантуру, защитил диссертацию с присвоением учёной степени «кандидат технических наук». После окончания аспирантуры начал работать преподавателем (доцентом, затем и профессором) в своём же институте...

В свои молодые годы, особенно в студенческие — институтские, Юра очень активно занимался различными видами спорта: лыжным, велосипедным, туризмом, скалолазанием; позднее горными лыжами, охотой и рыбалкой.

В студенческие летние каникулы на велосипеде, сначала он проехал через весь Горный Алтай, северное и южное побережье Телецкого озера, Кош—Агач. Аналогичное путешествие совершал он из Ленинграда на Кавказ.

Позднее, основательно уже поселившись на жительство в Питере, он, когда приезжал в начале лета на свою малую родину, несколько раз организовывал семейные походы в Хакасию со сплавами на деревянных и резиновых плотках по реке Маиа...

Тётушки — родные и двоюродные сёстры нашего отца, зная о пристрастии Юры к «бродячей» жизни, в своё время слёзно просили его обязательно, посетить их родные края (и свою историческую родину — Орловщину), поклониться, в том числе и от их имени, той земле. Набрать там родной землячки и привезти сюда. Если к этому времени их не будет уже в живых, посыпать эту землю на их могилы...

Юра исполнил пожелания своих тётушек в 2003-м году совершил поход в Орловскую область. Но конкретного места, из которого выехали в 1908/1909 годах наши предки, не нашёл, поскольку Орловская «губерния» с тех пор очень сильно изменилась:

— Во-первых, после 1924 года, территория бывшей Орловской губернии в значительной степени «ушла» в соседнюю Курскую область;

— Во-вторых, на современных картах Орловской области и по интернетовским данным, населённый пункт с названием

«Протасово» значится в Малоархангельском районе (южно-периферийная окраина Орловской области, граничащая с Курской областью); в Интернете по архивным данным значится ещё и Протасовские воинские захоронения. Но в действительности, на обозначенной картой местности, никакого населённого пункта нет: «Было где-то, там...», — говорят «старожилы», а где именно — «там», никто не знает.

Населённый пункт «Гуляево» Юра нашёл и, посетив его, побеседовал с тамошними знатоками истории их селения и краеведом, главным, из которых, оказался нашим земляком, выходцем из города Ленинск-Кузнецкого, работающего в Гуляево школьным учителем истории. Он то и сказал Юре, что сегодня невозможно найти на Орловщине какие-либо «следы» даже тех людей, которые жили здесь в 1940-м/начале 1941-го годов, а о переселенцах из этих мест начала прошлого века (1900-х годов) и говорить нечего. Поскольку война, прокатившаяся по здешним местам сначала в одну, а затем в другую сторону, начисто стёрла с лица земли всю прошлую память, начиная с конкретных людей и заканчивая конкретными небольшими населёнными пунктами — сёлами и деревнями...

Поэтому историю Орловщины времён 1910 года, теперь нужно восстанавливать у вас, в вашей Кузбасско-Орловской «диаспоре»...

Землицу — из «Гуляево», Юра привёз, пожелания наших тётушек исполнил.

Далее, из «тактических» соображений, расскажу о себе, поскольку предыдущее повествование и особенно последующее, частично касаются меня:

Итак, родилась я (Гуляева Люба), как было сказано в самом начале моего рассказа, в 1937 году, третьим ребёнком в семье моих родителей, которая проживала в селе Усыты, на левобережном Мыске (Пимушкином мыске) реки Аба, размещавшегося отдельно от всей остальной части села.

Из детских лет помню наш деревянный дом, построенный из амбара, как рассказывала мама. Вначале, внутреннее устройство нашего жилого дома представляло из себя одну большую комнату, которая являлась и жилым, и вспомогательным помещением, что считалось нормальным для семей рабоче-крестьянского происхождения.

Позднее отец пристроил к дому ещё одну комнату, которая стала кухней и столовой одновременно, в ней же размещался курятник, зимой в нём жили куры. После пристройки, первая комната превратилась в спальню, где находились четыре кровати, стол, стулья, самодельный шкаф, буфет — вот и вся обстановка.

Если не хватало кроватей, когда к нам приезжали гости, тогда старшим детям и гостям, которым не хватало кроватей (в основном двоюродным братьям и сёстрам) приходилось спать на полу. Но это нас несколько не расстраивало. Нам, детям, было весело, мы не обращали внимания на нужду, думали, что так и должно было быть, поскольку все жили так.

Питались за общим столом из одной большой чашки или сковородки. Пища была простая: отваренная или поджаренная картошка, картошка в «мундире», а также суп, хлеб, молоко.

Обычно за год выращивали поросёнка, держали корову и овец. Так что мясо, сало и молоко были собственным производством. Из своей же овечьей шерсти мама вязала нам носки, рукавицы, шарфики, кофты, свитера.

Корову и овец приходилось пасти на лугу и в лесу. Обычно всех коров и овец жители нашего Мыска сводили в одно стадо и пасли его поочерёдно. Мысок наш представлял собой одну улицу, носившую название Курская, по обе стороны которой в один ряд размещались дома жителей. Мысок, он и есть — мысок, то есть — гора. Поэтому наша улица от самого берега реки Аба круто уходила вверх, в гору.

На нашем Мыске было много свободного пространства, которое занимали лес,

луга, полянки; поэтому не надо было далеко ходить за ягодами, грибами: было много свободного места для детских игр.

У нас был большой огород, соток пятьдесят; садили все необходимые овощи, но в основном картошку.

В течение всего лета мы, старшие дети, не вылезали из огорода: полости, окучивали, выкапывали... Поскольку своевременно пропалывать весь огород не успевали, то трава местами вырастала по пояс, после чего приходилось уже рвать её руками. Среди сорной травы, вырастающей на огороде, много было крапивы, поэтому когда дело доходило до ручной прополки огорода, то о крапиве жалились руки.

Летом, когда было очень жарко, бегали купаться на речку Абушку, которая в то время была чистой, сравнительно глубокая и достаточно широкая (поскольку была заручена в районе посёлка «Сахалин» для нужд железной дороги), мы ныряли с моста (мысошного моста) и плавали.

В школу ходили очень далеко пешком, через «колхозный» мост (позднее называвшийся «минаевским» мостом), когда училась в Усытской школе; и «хлебзаводской» мост, через речку Тайба, когда училась в Красногорской школе. Расстояние до Красногорской школы от нашего Мыска было более пяти километров, поэтому на дорогу в одну сторону в хорошую погоду, уходило более одного часа. В школу ходили все «мысошные» школьники — гурьбой, все вместе — было весело. Обычно осенью, когда возвращались из школы домой, шли мимо колхозного капустного поля и обязательно срезали один вилок капусты, делили его между собой, ели. Ах, как было вкусно!

По выходным дням весной и осенью играли в «лапту», в «прятки», в «ручсёк» и другие игры. А когда стали повзрослее, то, собираясь кучками, распевали песни, танцевали, гуляли по улице. Зимой катались на санках и лыжах. Как было сказано выше, наша улица была гористая, поэтому катились вдоль неё с большой скоростью, а в конце вылетали прямо на лёд реки или в сугроб. Весёлое и беззаботное было моё детство.

В школе училась я хорошо, пожалуй, по успеваемости всегда была лучшей ученицей в своём классе. Задачи по математике решала быстрее всех. Иногда учительница по математике Надежда Давыдовна оставляла меня за себя при проведении контрольных работ в своём классе. Школу окончила я с серебряной медалью — в 1954 году, без экзаменов была принята в Томский политехнический институт.

Несколько слов хочется сказать по поводу полученной в школе моей медали. Не

(Слева-направо) 1-й ряд: Александра Игнатьевна Бычкова и Мария Ивановна Жданова; 2-й ряд — Гуляевы: Евдокия Игнатьевна, Татьяна Романовна, Наталья Романовна; 3-й ряд — Гуляевы: Зоя и Юра.

Юра с семьей.

столько мне, сколько родителям моим этот факт был очень приятен. Они, безусловно, этим гордились и делали нравоучения всем остальным своим детям, младшим меня. Особенно доставалось Юре, отец, часто выражая свои недовольства его отношением к своей учёбе, постоянно говорил ему: «Любе серебряную медаль за учёбу в школе выдали, а тебе хотя бы чуточку отлили...». Примерно такие же слова говорила мама и Толя, который рос и учился в школе уже без отца. Не знаю, в силу этих родительских нравоучений или нет, но и младшие мои братья, сестра от нас, старших, не отстали. Особенно Юра, который в жизни своей увидел больше всех из нас.

Иногда у нас была, в которой я училась, была набрана таких же девочек — медалисток, как и я; в основном из малообеспеченных и многодетных семей.

Жили «коммуной», по пять—шесть человек в комнате общежития, на стипендию. Из дома помощи было мало, поскольку родители мои в это время оба сильно уже болели. Основная наша еда в студенческие годы: хлеб, маргарин, газировка и то, что привозили из дома.

На каникулы ездили домой в переполненных студентами общих вагонах: От Томска до Тайги, как правило, ехали в тамбурах на своих чемоданах. В Тайге — пересадка на другой поезд. Здесь мы — студенты встречались и расставались, когда ехали туда и обратно...

Больше всего из томских студенческих лет запомнились: «читалка» (читальный зал институтской библиотеки), общежития на улицах Кирова и Усова, танцы в институтском клубе, гуляние по Томским проспектам, Лагерный сад, Университетская роща, колхозные эпопеи, а позднее — юбилейные встречи с сокурсниками в «ТПИ».

После окончания института, по распределению, приехала в город Новосибирск, в Западно-Сибирский филиал Академии строительства и архитектуры.

Вначале работала лаборантом, затем младшим научным сотрудником.

В Новосибирске произошло моё окончательное взросление, духовное обогащение, проявление самостоятельности. Здесь у меня было много друзей. Часто ходили мы в Театр оперы и балета, прослушали и просмотрели все оперы и балеты, которые были в репертуаре театра. Также ходили на спектакли в «Красный факел», на концерты, в кино, часто выезжали за город на природу; иногда ходили в ресторан, проводили вечера отдыха.

Здесь начала я заниматься научными

исследованиями, подумывала о кандидатской диссертации. Однако, разочаровавшись в теме проводимых исследований, на время оставила науку и перешла работать в техотдел полупроводникового завода инженером-технологом.

Во время отпусков обычно с кем-нибудь из подруг уезжала отдыхать на юг или запад страны. Побывала в республиках Закавказья, Крыму, Прибалтике, Москве, Ленинграде и других местах.

В Новосибирске я часто начала болеть. Поэтому в 1964 году пересекла поближе к своему родному дому, в город Новокузнецк.

В Новокузнецке вновь начала заниматься научными исследованиями в Новокузнецком отделении «УралНИИСтройпроект», но в 1965 году сильно заболела и попала в больницу. Сделали операцию, после выхода из больницы в течение года находилась на инвалидности. После чего о продолжении научной деятельнос-

Толя с семьей.

ти речи уже быть не могло, начала работать преподавателем в Новокузнецком строительном техникуме, где проработала 31 год и вышла на пенсию.

Много осталось хороших воспоминаний о работе в техникуме, много выучила учеников — техников строителей, которые разъехались по всей необъятной нашей родине. Часто теперь вспоминаю интересные мероприятия, проводимые в техникуме: праздничные вечера, классные часы, встречи с интересными людьми, походы в музеи на выставки, в театр, юбилейные вечера и, другое... Также, часто вспоминается будничная работа: уроки, подсоветы, собрания, заседания, смотры кабинетов, комиссии, колхозные эпопеи и так далее...

Кажется, всё было совсем недавно, свежо в памяти, но это уже история моей жизни.

Младшая сестра ЗОЯ (по мужу — Гулишевская) родилась в 1944 году.

Зоя больше, чем другие дети, прожила с больным отцом и мамой, в то время когда мы, старшие, уже ушли из дома.

Окончив среднюю школу в 1961-м году, ту же, которую заканчивала и я (№ 25 го-

рода Прокопьевска), Зоя приехала ко мне в Новосибирск и по велению сердца решила пойти учиться по профилю историко-археологического направления. Но преодолеть конкурсный барьер выбранного учебного заведения ей не удалось, поэтому пришлось вернуться назад, к маме в Прокопьевск, где в течение одного года она работала формовщицей на бетонном заводе...

На следующий год она вновь приехала в Новосибирск с намерением поступления на учёбу, но уже в Новосибирский педагогический институт.

По поводу чего тогда Юра, как бы в укор Зое, недовольно сказал ей: «По пути наименьшего сопротивления пошла?..»

Но Зоя, не отреагировав на недовольство брата и не изменив своего второго решения, на этот раз успешно сдала вступительные экзамены, была зачислена на филологический факультет института, где пручилась всего лишь первый курс, затем перевелась учиться в Новокузнецкий педагогический институт на тот же факультет и успешно окончила его в 1966 году.

После окончания института, по распределению, она была направлена на работу в посёлок Горскино Гурьевского района Кемеровской области, где и проработала несколько лет школьным учителем русского языка и литературы. Одновременно попробовала себя в журналистике. В качестве внештатного корреспондента писала и публиковала различные

моих родителей. Ему было всего пять лет, когда умер отец. Поэтому воспитывать его пришлось исключительно только одной маме. К тому времени, когда он начал становиться подростком, мы все — старшие дети, из родительского дома уже разъехались, в том числе и Зоя.

Поскольку мама после своей тяжёлой болезни полностью здоровым человеком так и не стала, а нас — старших детей, постоянно с ней не было, то Толя рос более хулиганистым и шаловливым, даже по сравнению с Юрой. У него были проблемы в процессе учёбы в школе. За плохую дисциплину и успеваемость его даже исключали из школы...

Тем не менее, среднюю школу он окончил в срок, аттестат получил и в тот же год поступил учиться в военное авиационное училище. О чём хочется поговорить отдельно: Поскольку в родне у нас были военные и в первую очередь кадровые офицеры-фронтовики: Иван Яковлевич Брагин (общевойсковой офицер, окончивший перед самым началом войны Московское кремлёвское военное училище) и Иван Дмитриевич Гуляев, военный лётчик, поэтому не удивительно, что и все мои братья без исключения с детских лет мечтали тоже стать военными.

Как я выше уже говорила, Виктор после окончания школы ездил поступать учиться на военного, но вернулся назад из-за заболевания.

Юра в детстве, нечаянно «получив» ударом лапты в район глаза, имел проблемы со зрением; поэтому с того же времени распрощался с мыслью стать военным.

Толя, несмотря на то, что рос хулиганистым, с детства же кроме военной карьеры ни о чём другом и не мыслил. Возможно, стать военным ему предreshено было свыше... Окончив в срок военное авиационное училище, через десять лет он окончил и военно-воздушную академию. В тридцать два года от роду он был назначен заместителем командира авиационного полка; в сорок лет ему присвоили воинское звание полковника...

Пожалуй, я не удивилась бы, если бы Толя стал большим военным начальником. Но, несмотря на блестящее начало его военной карьеры, внешние факторы — «решили» его дальнейшую судьбу иначе. Из-за распада Советского Союза, сокращения ставшей ненужной армии в сорок лет с небольшим, прослужив в армии двадцать пять лет, Толя стал военным пенсионером.

Вернувшись на жительство на свою малую родину, фактически с нуля он начал устраивать непривычную для себя и забытую свою новую гражданскую жизнь: работал рабочим на металлургическом комбинате и в шахте, пробовал себя на политическом поприще...

В конце концов, серьёзно занялся литературно-творческой деятельностью. Недавно выпустил первую свою небольшую книгу «Прокопьевск... в летописях» (историко-краеведческого толка), думается, не последнюю. Много пишет и публикует свои материалы в выпускаемой литературно-художественной газете «Усятская россыпь». Думаю, что читатели альманаха о редакторе и творчестве редактора хорошо знают и без моих слов.

В заключение своего очерка хочу сказать, что нашей семье, как и многим другим, выпала нелёгкая судьба: годы войны, послевоенная разруха, голод, отсутствие нормальных жизненных условий, длительная болезнь родителей и другое. Несмотря на тяжёлые условия жизни, мы все выучились, получили профессии, плодотворно трудились на благо своей Родины и продолжаем исполнять своё предназначение на Земле по мере своих сил и возможностей и поныне...

Евгений ТИЩЕНКО

Viel Gluck!¹

- Пойдем дальше, - потянул Ивана за рукав Сергей, - я знаю, где собираются русаки!

Русская речь послышалась, едва они стали приближаться к кованым воротам городского парка. Здесь публика была заметно навеселе, забыв в новогоднюю ночь о вездесущей полинии. Несколько мужчин отхлебывали что-то из обмотанных непрозрачным скотчем бутылок, ухмыляясь и матерясь, но впрочем, совершенно добродушно. Эмигранты образовали полукруг, в центре которого сидел на табурете длинноволосый парень с гитарой. В гитарный кофр падали монеты, опускались мелкие бумажные купюры, и исполнитель с едва уловимой цыганской манерой, где есть место и привычной бесшабашности, и неожиданной «юске», напевал:

*- К мысу Радости, к скалам Печали ли,
К островам ли сиреневых птиц -
Все равно где бы мы ни причалили
Не поднять нам усталых ресниц...*

Иван не знал, кто написал эту песню, да и смысл строк оставался для него не до конца понятным. Но ему стало грустно, как может быть грустно северной птице, спасающейся от холода в теплых, но чужих краях. По щекам потекли слезы, которые Иван вытер рукавом, озираясь по сторонам, чтобы никто не увидел мгновения душевной слабости.

...На следующий день Кениги звонили старшему сыну, Андрею. Тот рассказал, что после Нового года в стране снова поменяются деньги, но очередной фокус с банкнотами, наверно, не повлияет на покупательскую способность населения. Он посоветовал, что на его заводе простаивает половина цехов, рабочих отпускают в бессрочные отпуска. Сообщил, что соседка дядю Валентина, возвращающегося со второй смены с шахты, до смерти запинала ногами залетная шпана. Спрашивал, когда же родители и брат приедут в гости.

...Решение было принято за несколько минут, время, пока, оформлялись документы, тянулось мучительно долго.

- Возвращаемся домой, насовсем, - говорил по телефону Иван. Сергею.

- Ну и дурак же ты, братец! - реагировал земляк.

Ехать на подержанном фольксвагене предстояло дорогой длинной, и не исключено, что не только днем, но и ночью лунною, потому за пределами Германии и Польши бригады рэкетиров охотились, в первую очередь, за иномарками.

В багажник автомобиля паковалась одежда и бытовая техника, дефицитные в России автозапчасти, запас продовольствия и воды. Жена хотела разобрать на части увести с собой искусственную елку, но Иван сослался на то, что она не влезает и отнес пластмассовое дерево к мусорным контейнерам.

- Дома купим настоящую, лесную, - улыбнулся он и повернул ключ зажигания.

¹Viel Gluck! (нем.) - Большого счастья.

Казалось, что декабрьские снежинки таяли в воздухе, не успевая коснуться земли. Брусчатка, которой был выложен подъезд к супермаркету, в свете витрин сияла, словно свежесыпанный паркет. Дул сильный балтийский ветер, где-то, в десяти километрах от здания торговой сети, сгоняющий послушные морские волны к берегу.

Автоматические двери супермаркета распахнулись, Иван вышел на свежий воздух с ворохом огромных бумажных пакетов. Точно такая же поклажа была в руках у его жены и сына, которые следовали за главой семьи. Шли друг за другом, шаг в шаг, будто боясь попасть в ловушку чудесных дверей. До наступления Нового года оставалось несколько часов, поэтому семья Кенигов торопилась с покупками домой. Пока добрались до автомобиля, одежда пропиталась снежно-дождевой влагой.

Дворники лобового стекла очищали поверхность от осадков, давая возможность обзора трассы. Автомобильная радиолоа воспроизводила хиты звезд германской эстрады, новости и рекламу на немецком языке, содержание которых понималось с трудом. Иван выключил радио и воткнул в магнитофон потертую аудиокассету. Зазвучал знакомый голос Олега Газманова, жена с сыном стали притопывать ногами под ритм песни.

По безупречно уложенному асфальту машина даже не сжала, а будто плыла, загородная трасса просматривалась на полкилометра вперед, благодаря свету, излучаемому фонарями на столбах.

Иван, приехавший вместе с семьей в Германию из российской глубинки, невольно сравнивал местное жизнеустройство с бытом своей малой родины. В памяти всплыли темные вечерние улицы городской шахтерской окраины с вездесущими лужами или сугробами по обочинам дорог, черная пыль на снегу рядом с углярками, столбы молочного дыма из печных труб, которые можно увидеть над крышами домов в морозные дни.

В маленьком уютном городе на балтийском побережье все было не так. Улицы и дома казались съёмочной площадкой советской киностудии, где снимался фильм о Западной Европе. Типовая капиталистическая застройка жилых зданий лишь слегка оттеняла архитектурную готику, которой в городе было немало. Впервые проезжая по балтийскому городу Иван обратил внимание на средневековый костел. Издалека казалось, что в его остроконечных шпилях запуталось облако, будто кусок сахарной ваты, ловко поддетый вилкой кондитера.

Ощущение невероятной стерильности и комфорта в бытовых мелочах приводило к мысли: «Разве я все это заслужил?» В бывшем СССР продукты и мыло выдавали по талонам, а на новом месте можно было забыть до отказа холодильник. Пособия хватало на куртку с джинсами, бытовую технику и мебель.

...Машина остановилась у аккуратного трехэтажного дома, Кениги стали выбирать пакеты из салона. В этом районе поселения репатриантов из бывшего СССР соседствовали с рабочими кварталами, домами, где проживали безработные немцы. Невдалеке зияло пустыми проемами окон заброшенное здание, облупованное местной молодежью. Группка парней и девочек располагалась прямо на ступеньках у входа, один из подростков упирался подошвой огромного ботинка в упаковку с пивом. Девушка с ирокезом на голове при-

встливо помахала рукой Кенигам и закричала: «Мит нойя!»

- Смотри мать, нас уже поздравляют, - улыбнулся Иван и, придержав дверь, пропустил жену и сына в подъезд.

...На кухонный стол улеглись бруски сыра пяти сортов, знаменитые баварские сосиски, разнообразные консервы, зелень и фрукты, мясо и рыба, и прочее, и прочее. Можно было поступить проще: купить полуфабрикаты и накрыть праздничный стол в течение получаса. А то и вовсе позвонить в службу доставки ресторана, привезли бы все, чего душа пожелает, горяченького, с пылу - с жару. Но Галина, как и любая русская женщина, хотела все приготовить сама.

Владик помогал открывать матери консервные банки, а Иван принялся наряжать свежеприобретенную искусственную елку. Он бережно доставал из пакета мишуру, конфетты и елочные игрушки. Развернул пергаментную бумагу и извлек золотистый шар с полумесяцем.

Ему показалось, что точно такой же шар они вешали на елку вместе с братом и сестрой много-много лет назад. В тот предновогодний день он вместе с отцом и другими детьми вернулись из коммандатуры, где регулярно должны были отмечаться семьи ссыльных русских немцев.

Отец назвал своих потомков русскими именами: Степа, Наташа и Ваня. К неприязни соседней Кениги давно привыкли, власть не ругали, на жизнь роптать было не принято. Отец работал на шахте, туда же направил свои стопы и повзрослевший Иван. Чем далее в глубины людской памяти удалялась война, тем терпимее народ-победитель относился к согражданам с немецкими фамилиями. В работе Ивану не было равных, поэтому вскоре снисходительное отношение напарников уступило место неподдельному уважению.

В жены Иван взял не потомку русскоязычных немцев, а смешливую девушку Галю, оказавшую по-вологодски. Народились два сына и, едва научившись ходить, ухватив подол матери, сипелили за калитку, чтобы встретить отца со смены.

...Раздался звонок, Иван снял трубку с базы радиотелефона. «Как у вас там, старина?! - прозвучал голос земляка, Сергея Штейна. - К Новому году готовитесь? Я родителям в Россию звонил, у нас там минус тридцать!» Сергей приехал в Германию за год до Ивана, регулярно присылал товарищу письма, убеждал уезжать из России. В стране - голод, забастовки, преступность. Словом, ловить нечего. А здесь - рай, а кроме того, историческая родина, как ни крути. Родственники Ивана тоже один за другим уезжали, сначала Наталья, затем Степан. На семейном совете решено было попытаться счастья, окунуться в жизнь, о которой Кениги имели представление только благодаря видеофильмам. Галина и младший сын Владик были только «за», но первенец, который давно завел собственную семью, решил остаться.

...На экране японского телевизора появилось лицо канцлера Германии Гельмута Коля. Из поздравительной речи узнавалось совсем немного слов, таких, как «фильм глюк», означающих пожелание счастья. Хотя Кениги посещали курсы немецкого языка, беглая разговорная речь коренных жителей на слух воспринималась сложновато.

На праздничном столе яблоку негде было упасть, незнакомые до недавнего времени деликатесы дополняли пельмени и блины.

В прошлый Новый год Кенигам удалось разогреться только картофелем, мясом, домашней солониной и конфетами, выкупленными по талонам.

А сейчас сама жизнь казалась начинкой бутерброда: ты не в прошлом, но и не в настоящем, а где-то посередине. И хлопок пробки из бутылки с шампанским был словно сигналом к старту, чтобы не раздумывая бежать в будущее.

...Иван знал, что у немцев, особенно в небольших городах, принято встречать Новый год в домашней обстановке. Совсем иначе было в новогоднюю ночь в шахтерской слободке, где после полуночи одна за другой начинали хлопать калитки, соседи спешили к соседям с поздравлениями. На раскаленную печь ставилась разогреться толченая картошка, домашние котлеты, растапливалось масло для блинов. Гости приносили горячительное, в котором не было необходимости, так как почти на каждом подворье хозяин выгонял к праздникам кренчайший первач. Традус веселья был высоким и без спиртного, оно употреблялось лишь для праздничного куража. Очередной год завершался без глобальных потрясений, как в жизни страны, так и в судьбе отдельного человека. Никто не думал о том, чтобы нажить или наворовать побольше добра, многие даже не задумывались о том, что ждет поселок в неособозримом будущем. Казалось, что родная улица - это часть заснеженного мира, в котором люди согреваются друг друга теплом сердец. Спустя годы границы этого мира стали катастрофически сужаться, до тех пор, пока он не превратился в мирок, к которому очень подходило вневременное определение «Богом забытый».

...На пороге стоял земляк Штейн, который сейчас проживал исподальску.

- Айда на улицу! - предложил он Ивану. - Забыл, что ли, как у нас там в Новый год гуляли?

Совершенно трезвый Иван снял с одежного крючка ключ от автомобиля и надел теплую куртку. Болтливый Сергей в очередной раз стал рассуждать о своей работе в доке, где он подвозил на электрокаре мешки с мукой к громадным железным контейнерам, которые подъемными кранами грузили на корабли. Говорил о том, что категорически нельзя красть, ведь если обнаружат пропашу, нигде в Германии невозможно будет устроиться на работу.

Из спального района трехэтажек они въехали в современную часть города, где здания высотой напоминали московский отель «Националь». Приветливо светились причудливые крылечки ресторанов и гапстетов, за ослепительной чистоты окнами восседали за столиками компании немцев. У одной из дверей стояла молодая женщина, выглядящая словно жительница Тироля, в красном переднике и головном уборе как у Красной шапочки, с длинными русыми косами. Она зывала прохожих в ресторан, указывая рукой вглубь помещения и произнося: с улыбкой «Битте!»

На площади у сказочно красивой ратуши с арочным входом вовсю шли народные гуляния. Толпа пестрела колпаками Санта-Клауса, масками зверей и диковинных монстров. Люди обнимались, осыпали друг друга горстью конфетти, танцевали парами или пританцовывали в одиночку. Чуть в стороне возвышалась сцена, на которой облаченные в народные костюмы хористы торжественно выводили: «О, татенбаум...», воспевая новогоднюю елку.

Литературный калейдоскоп «Усятской россыпи»

СЛОВО РЕДАКТОРА

Вот и пролетел год после выпуска предыдущего девятого номера «Усятской россыпи», увидевшего свет в конце октября прошлого 2012 года.

В литературной жизни Южно-Кузбасского региона, в котором и формируется «Литературно-художественная газета-альманах «Усятская россыпь», этот год был не менее насыщенным, чем предыдущие.

Были проведены ставшие уже традиционными литературные встречи и фестивали в городах Междуреченске, Прокопьевске и Новокузнецке.

В Прокопьевске увидели свет два новых сборника (№ 10 и № 11) «Стихи и проза кузбасских авторов», с названиями: «Живите и здравствуйте!» и «С праздником!» Редактором и составителем которых является прокопчанка Людмила Павловна Лукьянова (школьный учитель, поэт и прозаик), выпустившая в этом году и свою собственную книгу «Судьбы простосеменов» (стихотворения, проза, исследования).

Выпустил свой первый сборник стихов (состоящий из 100 стихотворений) «Звезда странника» молодой и талантливый прокопьевский поэт Сергей Пезидилов.

Вышел в свет первый сборник стихов «Я держу в ладони свет...» прокопьевского поэта Горбаченко Ивана Ивановича.

Все названные книги и поэтические сборники выпущены в городе Новокузнецке издательством «Союз писателей».

Ещё несколько слов хочется сказать относительно названных коллективных поэтических сборников (№ 10 и № 11), выпущенных под руководством Людмилы Павловны Лукьяновой. Бесспорно, от сборника к сборнику растёт качество самих сборников (как книг), их содержание, но особенно радует то, что появляются в них и новые, до этого не известные мне авторы. И дело даже не в том, что они не были мне известны, а в том, что это уже зрелые и состоявшиеся поэты, это прокопчане Григорий Васильевич Маслов (ныне покойный), Виктор Иванович Минайчев, Дина Сабынина, а также жительница города Киселёвск Валентина Швайгерус. В процессе презентации названных сборников узнал, насколько интересный и талантливый (во многом) междуреченец Виктор Михайлович Шваб. Хотелось рассказать читателям «Усятской россыпи» о названных людях. Но, к сожалению, за неимением времени не смог этого сделать, физически.

Бесспорно, главным событием в жизни литературного Прокопьевска в текущем 2013 году стала издательская «КОГДА ПРИХОДИТ ВДОХНОВЕНИЕ...», выпущенная Управлением по культуре города Прокопьевска, под патронажем главы города Гаранина В.А., посвящённое 70-летию Кемеровской области.

30 августа в большом зрительском зале «Прокопьевского городского дома творчества имени Ю.А. Гагарина» состоялась презентация названной книги. Открывая презентацию, глава города Гаранин Валерий Анатольевич, шутя, сказал: «Чем отличаются прокопчане от всех остальных: прокопчанин если сказал — сделаю, значит — сле-

даст! Поэтому другого выхода у меня не было, получите книгу - Литературно-художественное издание «Когда приходит вдохновение...» Выпущена эта книга издательством «Сибирское время» в городе Новосибирске, формат 160 x 240 мм, тираж 1000 экз., объём 320 страниц, на высококачественной бумаге.

Фактически, книга является фотоиллюстрированным сборником небольших прозаических и поэтических произведений шестидесяти двух авторов (в основном жителей города Прокопьевска и Прокопьевского района), нынешнего и прошлых поколений, с отражением биографических данных каждого названного автора. Перечисленное позволяет назвать и возвести издание в ранг «Энциклопедии, Хрестоматии и справочника литературного Прокопьевска» - второй половины 20-го/начала 21-го столетий и, думается, будет служить людям не одно десятилетие, может быть, и... столетие.

В связи с чем хочется выразить авторам и исполнителям данного проекта, в том числе и главе города Прокопьевска - Гаранину В.А. - слова искренней благодарности и признательности, двумя несколько перефразированными стихотворными строками нашего великого классика: «Не пропадёт Ваш славный труд и дум великое стремление...»

Литераторам же, чьи произведения опубликованы в этой замечательной книге, хочется пожелать дальнейших творческих успехов, чтобы литературные успехи сынов и дочерей Земли Прокопьевской не остались на обозначенном книгой уровне, а многократно увеличившись, славили нашу малую и большую Родину...

Начиная разговор о выпуске этого юбилейного — десятого выпуска «Усятской россыпи», хочется сообщить вам, что формирование выпуска началось с некоторым отставанием от графика прошлого года. По той причине, что с самого начала этого года работал в усиленном режиме с двумя своими прозаическими работами.

Небольшой, но трудоёмкой книгой историко-краеведческого толка «Прокопьевск... в летописях» (сданной в типографию города Киселёвска в конце августа);

Повестью «Каково вам, сыны России?», которая пошла в этот номер альманаха, как говорится, с колёс.

О повести сразу же хочется сказать каждому кто рискнёт её прочесть, что первоначально, мне хотелось осветить в ней события в стране и нашем регионе в десятилетие 1990-х годов. Но, поскольку, в произведении присутствует субъективизм, художественная импровизация и домыслы автора, то в конце концов, полностью переделав её текст, в жизнь выпускаю её такой, какой вы и видите. Поэтому, получилось или нет у меня задумываемое - судить вам, читателям.

Это что касается названной повести и задержки сроков выпуска данного номера, поскольку очень многие авторы и читатели постоянно терпели меня своими телефонными звонками, с вопросами: «Ну, когда?...».

Теперь расскажу Вам о причинах, почему называю «юбилейным» этот - десятый номер очередного выпуска «Усятской россыпи»:

Прежде всего, потому, что выпуск действительно десятый по счёту, но это не главное, главное заключается в том, что в своё время (где-то, после четвёртого/пятого выпусков альманаха) — государственный орган, разрешивший функционирование «Усятской россыпи», усомнившись в целесообразности её существования, предлагал мне «подумать о закрытии редакции и газеты». Тогда - ссылаясь на малый «возраст» литературно-художественной газеты - альманаха, я просил «разрешающий орган» дать возможность «перешагнуть» хотя бы десятый номер газеты. Мол, когда «перешагнём», тогда и будем говорить «о целесообразности» дальнейшей работы.

И вот у вас в руках этот самый — «долгожданный», «юбилейный», десятый номер «Усятской россыпи».

Что можно сказать в свете оговоренного «прощения»?

С финансовой точки зрения, о какой-то рентабельности газеты или хотя бы о её самоокупаемости говорить не приходится: как была убыточной, так убыточной и остаётся... В свете чего, повторившись, говорю, что все перечисленные выше изданные книги (за исключением книги «Когда приходит вдохновение»), с точки зрения их «рентабельности», являются точно такими же, как и «Усятская россыпь». Издаются на личные финансовые средства авторов, в складчину и поодиночке.

Возможно, не всё из изданного нами в будущем будет высоко оценено людьми и войдёт в копилку интеллектуальных ценностей Земли Прокопьевской и Кузнецкой. Но, что-то, наверняка, войдёт! Поэтому «игра стоит свеч».

Не считал, сколько авторов опубликовалось на полосах газеты «Усятская россыпь» во всех десяти её выпусках, но не ошибусь, если скажу одним словом - много! А это что-то да значит. Здесь и чисто литературное, и исследовательское, и историко-краеведческое, и...

Многие материалы и с культурно-нравственных точек зрения представляют собой немалую ценность. Тем более, что многое из опубликованного в «Усятской россыпи» больше нигде не найдётся.

Освещая литературную жизнь Южно-Кузбасского литературного региона, газета способствует развитию литературного творчества на охватываемом пространстве. Примером тому, в первую очередь, является родной её город Прокопьевск. Который, без каких-либо на то обид, на сегодняшний день является и литературно-творческим «генератором», и литературно-творческим центром названного литературного региона. Поскольку сегодня к Прокопьевску тянутся творческие люди со всех его сторон...

В третьем номере (за этот год) главного областного литературного журнала «Огни Кузбасса», в рубрике «Критика и литературоведение» - в публикации «Алтайские со-

седь» (автором которой является кемеровчанин Валерий Плюшев), в разговоре о выпуске книги «Непридуманные истории», автором которой является Вячеслав Морозов (живший в Москве, но выходец с Алтая), наш земляк (В. Плюшев) в своей публикации сетует на то, что сибирских авторов (или выходцев из Сибири) в Москве «не празднуют».

Дословно: «...московские издательства не слишком бросились издавать сибиряков, кроме некоторых имён, местные же книги чаще всего остаются в своём регионе, на родине писателя...».

Приблизительно около года тому назад, в центральной — московской «Литературной газете», к сожалению, не сохранившейся у меня, прочитал интервью корреспондента газеты, взятое у одного из руководителей Московской писательской организации (писателя).

Смысл интервью таков: корреспондент, «осведомлённый» о том, что число читателей с каждым годом всё более и более падает, спрашивает у писателя: «А что вы будете делать, если читателей у вас не будет совсем?»

- Будем делать своё дело, так же, как делаем его сегодня, с расчётом на просвещённого читателя в будущем, - ответил писатель.

Приблизительно год же тому назад - Сергей Домбай (главный редактор названного выше журнала «Огни Кузбасса»), представляя в Новокузнецке очередной номер своего «детиса», выдал «на-гора» (присутствовавшим на презентации) не менее ценную мысль, в сравнении со своим московским коллегой: «Раньше наша страна, была - самая читающая, теперь — самая пишущая...» Сергей Лаврентьевич за свои слова отвечает и знает, что говорит!

Так что даже из расчёта, что создаваемое писательским трудом, в основном, писателями и читается, то и поэтому стоит делать своё дело...

Поэтому своему «разрешающему органу» так и отвечаю — будем делать своё дело и далее... Тем более, что читатели у нас всё же есть. Не в таком количестве, в каком хотелось бы, но, всё же — есть!

Предыдущий девятый выпуск «Усятской россыпи» посвящался семидесятилетию юбилею Кемеровской области, поэтому и главные материалы этого выпуска: «Первопроходец» (автор Леонид Губин); «Жизнь, творчество и любовь Ф.М. Достоевского...» (автор Эдуард Вистерман) и другие публикации, можно сказать - так же, посвящались названной знаменательной дате Кемеровской области, поэтому особо и отмечались читателями:

«Очень люблю вашу газету, читаю всю. В девятом выпуске понравилось: «Все, что опубликовано о Достоевском; рассказы «Калтанский богатырь» и «Мир не без добрых людей» - Анатолия Гуляева; особо отмечаю стихи на шахтёрскую тему Геннадия Алхонина, поскольку являюсь матерью погибшего в шахте молодого шахтёра... Так же, отмечаю рассказы Татьяны Эмих и Владимира Неунывахина о репрессированных...»

Сообщила в редакцию Любовь ШКОЛДИНА, жительница города Таштагол.

Прокопчанин Геннадий КРАСНИКОВ

особо отметил статью «Первопроходец», в контекст которой сочинил стихотворение с таким же названием:

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

*«Великий Пётр, открыв окно в Европу,
Решил Державу и с Востока укрепить.
И повелел он рудокопам из холопов
Месторождения далёкие открыть.»*

*Знаток земли. Кудрявый. Из Рязани.
Был делу рудному ссызмальства обучен.
Успеть к весне... По зимнику... На санях...
Руду сибирскую открыть был наречён.*

*От яма к яму вдаль... Почтовые лошади...
Где небо синее, атласные снега,
Чрез горы, степи и увалы, и распадки,
Где вольно дышится, где кедры и тайга.*

*Уездный городок, глухой тайгой объятый,
Отпела птичьим щебетом пора...
Вверх по Томи... С кайлицей и лопатой.
И вот она Ким-рва — горелая гора.*

*Крутые склоны вверх, аршин на двадцать,
Дымил много лет и разносил смрад.
С тех пор они Кузбассом будут зваться,
Потомками построен будет град.*

*Везли уголья те и баржи, и подводы
И на Урал, и по Оби, и по Томи.
Варили сталь, чугуны — Демидовы заводы,
Зажгли посёлки, города во тьме огни.*

*Цена на уголь тот всегда была немалой.
С тех давних пор всем нашим землякам
Земля взамен их жизни забирала.
Над Томью — памятник шахтёрам, горнякам.*

*На площади герой Михайло Волков,
Отлитый в бронзе. В золоте — медаль.
Как много сделал для Кузбасса,
для потомков,
Чтобы идти надёжно в будущую даль.*

*«Газету прочитала.
О Достоевском — к своему стыду, много-
го не знала, поэтому прочла с удовольствием.
Очень понравился рассказ Людмилы Тан-
ковой «Камни не лопаются от боли...»
Сообщила из города Белово Светлана
УВАРОВА.*

*«Газету прочитала. О Достоевском — с
удовольствием. Над рассказами «Калтанский
богатырь» и «Мир не без добрых людей» —
поплакала; рассказ «Кандыбыч и три пись-
ма» — понравился, никогда не думала, что в
нашей армии существовали такие пробле-
мы...».*

Сообщила из города Калтан ТИХОНО-
ВА Инна Фёдоровна.

Поскольку публикации о Ф.М. Достоевском отметили почти все откликнувшиеся читатели, есть необходимость сообщить, что в свете «Народного проекта», с которого и началось повествование о Достоевском, на кольце развилки дорог (в районе калачёвского поста ГАИ, в самом низу взгорка), в конце прошлого 2012 года — установлена четырёхгранная верстовая пирамида с беседкой, символическими фонарями, дорожной часовой и указанием маршрута движения великого писателя из Семипалатинска в Кузнецк и обратно...

К сожалению, большей информацией редакция не располагает, поскольку она не поступала от автора публикации.

Как бы - в свете озвученного выше разговора о литературной деятельности в нашем Южно — Кузбасском регионе, одна из постоянных наших читателейница убедительно просила рассказать в газете о сегодняшнем состоянии дел на литературном поприще в стране и в Кузбассе. В связи с чем сообщаем (с использованием общедоступной информации из Интернета):

как известно, до недавнего времени, писательский труд в нашей стране приравнивался к труду государственного служащего. Поэтому и организация (учреждение) Союза писателей страны являлась государственной организацией (учреждением). Но, с некоторого, не столь давнего времени «писательство» отпущено на «вольные хлеба». Писательскую организацию из реестра «госучреждений» вычеркнули и перенесли в список реестра общественных организаций. Поэтому многими считается, что после того «переноса» индустрия современной литературы, сильно «заболела», так до сих пор и «болит». Перешла на «коммерческие» основы и находится в состоянии, приблизительно таком же, о чём было сказано выше.

Раньше попасть в «Союз писателей...» было очень сложно, поскольку творческие вступительные планки были очень высоки. Теперь значительно проще, поскольку: - во-первых, процесс поставлен на «коммерческую» основу; - во-вторых, с «житийской» точки зрения — членство в «Союзе...» конкретному человеку абсолютно ничего не даёт.

На сегодня в нашей стране писательских «союзов» много, в числе которых значатся: «Союз писателей России» и «Союз российских писателей».

В Кузбассе, по информации Областной научной библиотеки имени В.Фёдорова, областных писательских организаций четыре:

1) Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России». Председатель — Бурмистров Борис Васильевич.

Адрес: 650000, г. Кемерово, проспект Советский, дом № 40;

3) — Региональная общественная организация «Союз Кузбасских писателей». Председатель — Геннадий Дырин.

Адрес: 650024, г. Кемерово, ул. Космическая 18 «А», к. 402;

4) — Кемеровское областное отделение «Общероссийской общественной организации «Союз Российских писателей». Председатель — Тогуев Вячеслав Вениаминович.

Адрес: 650000, г. Кемерово, пр. Советский, дом № 40.

Из всех названных областных писательских «союзов...» лишь у первого (из названных) имеется свой печатный орган — Областной литературный журнал «Огни Кузбасса». Только этой же областной общественной писательской организации оказывается постоянная финансовая помощь как от администраций области и города Кемерово, так и от некоторых кемеровских предприятий и учреждений...

В Прокопьевске (как и в некоторых других городах) в 2012/2013 годах продолжалось активное формирование городского отделения «Союза Кузбасских писателей», некоторые наши авторы (в основном, поэты) вступили в него. Руководителем (секретарём) созданного городского отделения «Союза Кузбасских писателей» избрана Дина Сабынина, работающая художественным руководителем в ДК «Ясная поляна».

Редакция «ЛХГА «Усятская россыпь», пока никуда не вступив и ни с кем не объединившись, идёт самостоятельно, своим «курсом». Но, с учётом того, что работать дальше только собственными малыми силами становится всё труднее и труднее — на присмелемых для редакции условиях может объединиться с кем-то из названных областных литературных «союзов...», с целью более эффективной — совместной, уставной деятельности...

В угоду пиару классиков сбросили с «Кузнецкой крепости»

Критика

Осенью в Доме Творческих Союзов состоялась презентация городского литературно-художественного альманаха «Кузнецкая крепость», год 2013.

Восемнадцатый номер со дня основания, как ни странно, вышел под редакцией, начальника управления культуры Н. А. Ищенко, правда, бывшего начальника. Но на этом метаморфозы, увы, не заканчиваются, а только начинаются.

Альманах, который всегда выходил ко дню города и был «визитной карточкой» Новокузнецка, в нём печатался как исторический материал, то есть обзорные статьи по красоведению, так и литературная жизнь города-сада претерпел изменения, повлекшие за собой значительное недовольство со стороны людей не только творческих, но и простых обывателей.

На страницах альманаха в разное время дебютировали воспитанники Любви Алексеевны Никоновой, а также участники литературного Парнаса Кузнецка: О. Комарова, М. Реутов и др. Альманах нес позитивную, настраивающую на добрый лад информацию. Литературная критика присутствовала, но другого характера, были конструктивные разборки произведений и аннотации на вышедшие в Кузбассе книги.

В восемнадцатом номере за 2013 год все как будто осталось по-прежнему, за исключением некоторых моментов. И одним из таких моментов является критика, сделанная, а иначе и назвать нельзя, по другим канонам, совсем не научным и большей частью бесчеловечным.

Начнем с того, что произведения всем знакомого детского писателя К.И. Чуковского подверглись откровенному остроумию (это слово пришло к нам из Древней Греции, дословно: обвинение). Обвиняет признанного классика некий Аристарх в якобы критической статье «Что курил Чуковский?», ссылаясь на то, что произведения «Муха-Цокотуха» и «Айболит» это «ужасники» и детям, по его словам, страшно читать такие сказки.

Ну что ж, у Корнея Ивановича и при жизни были такие критики, причем с такими же обвинениями, но при этом произведения «Муха-Цокотуха» и «Айболит» остались классикой детской литературы.

Дальше больше: редколлегия посчитала нужным опубликовать статью известного писателя фантаста Святослава Логинова «О графах и графоманах», где крайне неприятно автор высказывает о Льве Николаевиче Толстом, подвергая разбору рассказ «Черепашка», созданный Львом Николаевичем для чтения детьми.

Как известно, у автора «Войны и мира» была в Ясной поляне школа, в которой обучались крестьянские дети. Лев Николаевич создал для них не только азбуку, но и тексты для чтения, в них простым языком он пытался донести добрые истины, тем самым воспитывая

души ребятишек. Конечно, в то время была некая мода на одаренных различными талантами крестьян, но и эксплуатировали сей дар нещадно.

Л.Н. Толстой озадачился вопросом просвещать простых крестьянских ребятишек, а знание азбуки, как несложно догадаться, несет за собой и знание своих прав и свобод. Вообще в те годы Лев Николаевич старался быть ближе к природе, он и сам одевался в льняное рубище и ходил босой по своим угольям. Он был в чем-то фанатиком, поэтому обвинять его в намерениях совершать благо как-то не совсем правильно. Рассказы писались для детей.

Но большой ажиотаж, а тем самым и разногласия, и судачества вызвала статья А.В. Ярмолюка «Пророки, неопиты, фарисеи и те, кто в колоде». Если кратко, статья нивелирует творчество кузбасской поэтессы Л.А. Никоновой. Духовное творчество поэтессы автор подвергает жестокой, если не сказать жесткой критике, называя стихи безбожественными, а значит, бездуховными. В пример автор приводит стихотворения А. Русских, где якобы в каждой строчке царит Бог и божественное начало. В таких предпочтениях нам не сложно разобраться, ведь автор и поэтесса А. Русских приехали в Новокузнецк оба из одного маленького шахтерского городка. Кстати, по поводу творчества А. Русских действительно не могу сказать ничего плохого, она очень хороший рассказчик в своих стихах, но вот согласна ли она с оценкой А.В. Ярмолюка о ее стихотворениях? Мне кажется — нет.

Ну а критика духовных стихотворений Л. Никоновой, в годовщину ее смерти на страницах альманаха, где она не раз была представлена — из ряда вон.

В наше время стало модным низвергать всех, а особенно тех, кто чего-то добился.

И что же это за прием-то такой?

Я ознакомилась с этим номером еще летом, когда альманах только-только вышел из-под печатного станка. Еще тогда предвиделось, что осенью поднимется буря.

Однако редактор альманаха А.А. Назаренко и автор статей А.В. Ярмолюк предугадывали такой исход, и по их словам, «они сделали это специально», чтобы оживить литературную молодежь, да и не только и привлечь внимание к альманаху, но, похоже, перестарались малость. Так как вызвали только отвратительное чувство причастности к сему постыдному действию, а именно: низвержению классиков и признанных деятелей культуры.

А что самое обидное — за всей этой критической, ненужной шелухой не видно сегодняшних авторов, представленных на страницах альманаха, пусть и нещадно порезанных рукой цензора и «переделанных» рукой наглеющего редактора.

Барбара ЛОГОВА

Владимир Дегтярёв

Реалии наших дней
Мозоль как патрон в пистолете,
Как первая в мире печать.
На руках у меня много этих отметин.
Их даже не сосчитать.

Завидую я оптимистам,
Тем, кто в тяжёлые дни
Верят, что рядышком, близко
Светят удачи огни.

Что Всевышний пожмёт им всем руки
И, увидев мозоль,
За все неудачи и муки
Напишет всем новую роль.

По куда идти - налево, направо?
Всюду лицемерие и ложь,
А где живут удача и слава,
Цена моим мозолям — грош!..

Душа болит за поколенья,
За тех, кто ныне не у дел.
Жизнь, дай чуточку везенья тем,
Кто в «джунглях» рынка ещё цел.

Снегопад

Снежинки падали чуть слышно,
Струясь с ликующих небес.
И укрывали шубой пышной
Давно отлестившийся лес.

Был ритуал почти волшебным,
Снег видел землю в первый раз.
Ей удивлялся - нежный, щедрый...
Песпешно падавший на нас.

Ложился он на плечи, крыши,
Нас поражая, белизной.
И всё вокруг вдруг стало тише
Пред неземною красотой...

И я смотрел на это диво
Во все глаза, не первый час:
Снежинки падали красиво,
Казалось, наготы стыдятся.

Всем восторгаясь, удивлялся
И «близорукости» своей.
Ведь каждый раз он так являлся,
И в мире делалась светлей!..

Когда мне было двадцать лет,
Жизнь меня любила.
В «лексиконе» слово «нет»
Для меня забыла.

Когда мне было тридцать лет,
Жизнь меня терпела.
А на «шалости» в ответ,
Чуть смеясь, смотрела...

Когда мне стало сорок лет,
Жизнь терпеть устала.
И тогда же слово «нет»
Как «ярлык» мне стало.

Во всём теперь держу ответ,
Как за просроченную ссуду.
И чёрной крачкой слово «нет»
Меня встречает всюду.

Плачу за всё «костью и кожей»,
И мне везде - один ответ...
Теперь на «ДА» я непохожий,
Я соткан весь из чёрных «НЕТ»!

Шуршит листва под сапогами,
Отцвёл давно жасмина куст.
Все краски лета под ногами,
Стал сад безмолвен, тих и пуст.

Да было ль, не было ли лето?
Стою в раздумье у скамьи,
Кленовые листья, как эпюлеты,
На плечи ложатся мои.

В саду так пусто, неуютно —
Листовой засыпан и весь пруд.
К полудню жду, что вновь приедет
Мой старый и хороший друг.

Помянем ушедшее лето —
Бутылку вина разопьём.
Закажем «автокарету»
И на зиму двери забьём.

А, может, не стоит бояться
Незванных гостей, как воров?
И мне приходилось скитаться
С надеждой на временный кров.

Записку на дверь я приклею,
В ней слово, как вроде печать:
«Вам на зиму дачу дарую,
Коль негде её переждать!»

Я куплю цветов охапку
И по горьду пойду.
А к цветочкам шоколадку
Встречным людям подарю.
Кто-то скажет мне: «Спасибо!»
А я далее пойду.
Возможно, встречу свою Лизу,
Давно которую люблю.

Ведь случиться может чудо,
Её я встречу на пути...
Мы найдём опять друг друга,
Чтобы в прошлое уйти.
Посёлок юности моей
Любил я в молодости город
В плену неоновых огней.
По понял лишь сейчас, как дорог
Посёлок родины моей.

Пусть ничего в нём не осталось —
Нет керосинок, фонарей...
Ну, здравствуй! Даже эта малость —
Осколок родины моей.
Обветшалое село, опустело:
Ни людей, ни собак не видать.
Разминулась душа, словно с телом
Разругавшись, пошла умирать.

Заколочены окна и двери,
Все дороги травой поросли.
А в округе не пуганы звери,
Тополя до небес доросли.
Захирело село, опустело:
Ни людей, ни собак — не видать.
Так недавно гуляло, шумело...
А сегодня — пора отвечать!

Моё генеалогическое древо
Ищу на этом древе
Фамилии, известные в миру.
Такие, как Шалаяпин или Каверин...
Но, к горечи своей, не нахожу:

Прадед мой был корнетом
И в далёкой Даурской степи
Погиб не как дед — с партбилетом,
А с медным крестом на груди.
Я видел Даурские степи,
Прадеда последний приют.
Где когда-то стрелковые цепи
Уходили к Аргуни, на юг.

За что же погиб тот мечтатель,
Сражённый свинцом на скаку.
А дед, коммунизма ваятель,
Замёрз под Москвой на снегу?
А я, наивный романтик,
Строил мартены и БАМ...
Мой труд, словно траурный бантик,
Кто-то «прибил» к небесам.

Николай ЧУМИРИН

Чумирин Николай Иванович
родился в 1951 году на Алтае, но
большая часть его детства прошла в
Прокопьевске, в районе Тыргана, в
настоящее время живёт в посёлке
Спиченково города Прокопьевска.

В прошлом Николай Иванович
служил в ВВС.

Литературным творчеством
(поэзией) начал заниматься
сравнительно недавно, теперь в его
жизни ни дня без стихотворной
строчки не проходит. Пишет и детские
стихи для своих внуков.

Осень боевого
лётчика

Наступила осень,
Небо чаще хмурится.
Я смотрю на небо —
Уж не надо жмуриться.

Небо стало пасмурным,
Очень неуютным
И каким-то серым,
И каким-то грустным.

Куда же ушло лето?
Так быстро отшумело.
Как-то всё нескладно —
Полжизни улетело...

Вот уж и седой я,
И всё уж позади:
Молодость простилась,
Старость — впереди.

Промчались мои годы,
В небо не манят.
Вот и самолёты —
Без меня летят...

У пилота на фуражке —
Золотые крылья птицы.
И как небо — голубые:
И погоны, и петлицы.

Спасибо вам, шахтёры!

Спасибо вам, шахтёры,
За ваш тяжёлый труд!
В тепле живёт наш город,
Занятия в школах идут.

Работают заводы,
Больницы, магазины.
Тепло идёт на фабрики,
В детсады, в квартиры.

На экспорт идёт уголь.
В городах светло.
Углем мы топим печи —
В домах у нас тепло.

Сравнить бы труд ваш надо
С передовой в войне.
Быть осторожным надо
При добыче — тройне.

В клетки вы поднимаетесь —
И смене уж конец.
Устало улыбаются,
Бригада — молодец!
Пошли вы в ламповую:
Светильник сдать, спасатель...
Сверх плана выдан уголь —
Хороший знаменатель.

Ну, как же перед вами
Голов нам не склонить.
Мы очень благодарны
За труд должны вам быть.

Изумруды

Вот и солнышко проснулось,
осветило лес густой.
Красотой всё обернулось —
изумруды под сосной.

Засияли самородки
цветом жизни и любви.
Словно расцвели цветочки,
украшая лик земли.

Чистый свет новорожденья,
сил нет, взор свой отвернуть —
камни словно наважденье,
поляну б в трубочку свернуть.

И красота вокруг такая,
с чем бы мне её сравнить?
Всё вокруг благоухает,
воздух хочется испить.

Надышаться невозможно,
сердце нежно так стучит.
Здесь вольготно и несложно,
остаться хочется пожить.

Внучка

Едет внучка в гости к нам —
В доме будет тарарам:
Все игрушки разбросает,
Бабу с дедом заматает.

Наведёт такой «бардак»,
Во всём доме кавардак:
Кукла в стороне лежит,
Кот от страха весь дрожит.

Деда за руку хватает —
В свои игры увлекает.
Во всех комнатах погром,
Слышен шум и гам, и гром.

Дед усталым
смотрит взглядом,
Наигравшись с внучкой рядом.
И уже он волком воет,
Внучку о пощаде молит:

«Давай, внучка, посидим
Да чего-нибудь съедим...»
Неумолима внучка наша,
Дел у внучки — полна чаша.

Снова скачет тут и там,
В доме снова тарарам.
Лишь тогда дед отдыхает,
Когда внучка уезжает...

«Что-то долго внучки нет?» —
Заскучает грустный дед.
В окно смотрит:
«Где же внучка?
Поиграть бы с этой штучкой».